

Министерство образования Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный университет

Т.И. Зеленина

**ОПОСРЕДОВАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Французский пласт

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург 2002

ББК 81.664.1-3
З 482

Рецензенты:

доктор филологических наук Р.Ш. Насибуллин
доктор филологических наук Н.И. Пушина

Т.И. Зеленина

З 482 Опосредованные заимствования в удмуртском языке:
Французский пласт. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург.
ун-та, 2002. 204 с. (Филологические исследования).

В монографии представлены результаты исследования закономерностей освоения опосредованных заимствований удмуртским языком; рассматривается роль русского языка как посредника при освоении иноязычной лексики удмуртским языком (на материале заимствований из французского языка).

ББК 81.664.1-3

ISBN 5-8465-0001-3

ВВЕДЕНИЕ

В Удмуртской Республике, одном из многонациональных регионов Российской Федерации, исторически соседствуют три мира: славяне, порки и финно-угры. Удмурты – единственный из финно-угорских народов, который остался на прародине, в связи с чем удмуртский язык представляет особый интерес для лингвистов.

Правительством республики разработана Государственная программа по сохранению и развитию удмуртского языка и языков народов, компактно проживающих в Удмуртской Республике (утверждена Постановлением Совета Министров УР от 14.06.1994 г., № 318). Своевременность создания программы подтверждается сложившейся к настоящему времени социолингвистической ситуацией, а именно постоянным снижением числа удмуртов, владеющих родным языком. Динамика такова: 1926 г. – 99,1%; 1959 г. – 89,1%; 1979 г. – 76,5%; 1989 г. – 69,9% (Тараканов 1998: 109). Поэтому в ней не случайно подчеркивается: "Удмурты, коренной народ республики, в численном отношении составляет меньшинство (31%), следовательно, удмуртский язык не обладает одинаковыми функциональными возможностями и значимостью по сравнению с русским языком как государственным. Поэтому, чтобы обеспечить полное, равноправное функционирование удмуртского языка наравне с русским, нужны серьезные меры, способствующие повышению его социальной престижности" (Государственная... 1998: 62–63).

Удмуртский язык наряду с русским принят в качестве государственного языка Удмуртской Республики. В настоящее время издаются журналы и газеты, ежедневно выходят радио- и телепередачи на удмуртском языке. В дошкольных учреждениях организуются удмуртские детские группы, растет число школ, в которых удмуртский

язык является одним из предметов, правда, на таких же правах, как, например, английский или немецкий.

Языком межнационального общения является русский. В Государственной программе записано, что русский язык как государственный язык Удмуртской Республики, Российской Федерации, как язык межнационального общения и как один из шести языков международного сотрудничества нуждается в создании условий для глубокого овладения его богатством, обеспечения высокой культуры русской речи в Удмуртской Республике, в формировании национально-русского двуязычия (Там же, 1998: 62–63).

Большинство удмуртов в той или иной степени владеют удмуртским и русским языками, а на территории других национальных республик, где живет почти треть представителей этой нации, многие знают три языка и более: говорят также по-татарски, по-башкирски или по-марийски (Сородичи... 2000: 304).

События последнего десятилетия, приведшие к коренным изменениям в общественной и экономической структуре общества и его демократизации, вызвали процессы возрождения национальных культур и языков. Наблюдается всплеск этнического самосознания, который, однако, происходит параллельно со снижением степени знания культуры удмуртского народа и его языка. О последней тенденции и о падении престижа родного языка у некоторой части молодежи свидетельствуют результаты исследований группы этносоциологов Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета. Данные, полученные в результате опроса учащихся-удмуртов средних школ, показывают, что языковой ассимиляции сильнее подвержены учащиеся городских школ, но и в сельских школах наблюдается тот же процесс (Белорукова 1999: 29).

Зафиксировано снижение интереса к национальной принадлежности у студентов-удмуртов за 1989–1997 гг. почти втрое (Клейн 1999: 36).

Все это вызывает беспокойство не только у правительства Удмуртской Республики, а также у ученых (Тараканов 1998: 108-109 и др.), которые призывают к энергичным мерам по возрождению и развитию удмуртской национальной школы, расширению общественной функции языка, совершенствованию и обогащению литературного языка.

Обеспокоенность судьбой удмуртского языка побуждает ученых-удмуртоведов развивать исследовательскую деятельность, изучать историко-лингвистические связи с разными языками. Особое место в исследованиях последних лет занимает изучение удмуртско-русских связей, и это не случайно, так как исторические контакты удмуртского народа и удмуртского языка с русским народом и русским языком исчисляются веками (Луппов 1889: 56). Предлагаемая нами работа выполнена в русле именно этой тематики.

Исследования заимствований в *русском языке* многочисленны. Изданы этимологические словари (В. Даль, Л.П. Крысин, А.Д. Михельсон, А.Г. Преображенский, М. Фасмер, П.Я. Черных, Н.М. Шанский и др.), монографические работы, учебники и учебные пособия по истории русского языка (Ю.А. Бельчиков, Е.Э. Биржакова, В.В. Веселитский, В.В. Виноградов, Л.А. Войнова, А.И. Горшков, А.И. Ефимов, Л.Л. Кутина, П.Н. Полевой, А.И. Соболевский, Ю.С. Сорокин, Ф.П. Сороколетов и др.), дающие некоторое представление и о французских элементах в лексике русского языка.

Имеются исследования, посвященные непосредственно французским заимствованиям в русском языке (Л. Гальди, К.-Г. М. Готлиб, М. Калиневич, Е.М. Михайлова, О.А. Пылакина и др.). Работы велись под знаком доминирующего влияния французского языка и

французской культуры, граничащих с галломанией. Однако прошло почти два века русской истории и истории русского языка, а специальных работ, исследующих такой обширный и важный пласт русской лексики, как французские заимствования, появилось немного (Михайлова 1998: 3). В научной литературе уделяется большое внимание историческим контактам России и Франции, но сам языковой материал как объект исследования представлен незначительно. Изучались фонетические и морфологические процессы при заимствовании галлицизмов русским языком (М. Калиневич). Французское произношение в сравнении с русским детально освещалось Л.В. Щербой. На синхронном уровне рассмотрен словообразовательный аспект французских слов в современном русском языке (Е.М. Михайлова), в частности выявлены особенности словообразовательных гнезд галлицизмов, разработан принцип составления толково-словообразовательного словаря французских заимствований. В историческом плане изучен процесс проникновения слов французского происхождения в памятники русской письменности конца XVII – начала XVIII вв. (О.А. Пылакина).

Что касается *удмуртского языка*, то применительно к нему достаточно полно изучены удмуртско-тюркские контакты (Ф.С. Баязитова, Э. Беке, В.К. Кельмаков, И.В. Тараканов, Х. Паасонен, С. Сааринен, Ш. Чуч и др.); предметом исследований являлись вопросы прапермско-булгарского (Ю. Вихманн, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, К. Редзи и А. Рона-Таш, И.В. Тараканов, Т.И. Тепляшина, М.Р. Федотов и др.) и пермско-иранского (В.И. Лыткин, И.В. Тараканов и др.) языкового взаимодействия; внимание ученых было обращено также на маргинальные контакты удмуртского языка с марийским (Г. Берецки, В.И. Вершинин, И.С. Галкин, А.Н. Ку克林), коми (С.А. Максимов) и башкирским (Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максюткова, И.В. Тараканов) языками. На наличие

русских заимствований в удмуртском языке первыми обратили внимание языковеды Ф.И. Видеманн, Б. Мункачи и Ю. Вихманн. Затем появились небольшие статьи о русско-удмуртских языковых контактах, опубликованные В.И. Алатыревым, В.М. Вахрушевым, Ш. Чучем, В.К. Кельмаковым и другими лингвистами. Единственное достаточно полное исследование, касающееся русских заимствований в удмуртском языке проведено Р.Ш. Насибуллиным (см.: докторская диссертация "Русские заимствования в удмуртском языке: дооктябрьский период). Автор разработал периодизацию русских заимствований дооктябрьского периода, показал динамику фиксации и скорость перемещения заимствованной лексики, распределил лексику по понятийным группам, изучил структуру заимствованных слов.

Особенность нашего исследования по сравнению с ранее выполненными в русле данной тематики работами состоит в том, что в нем основное внимание уделяется освоению удмуртским языком через посредство русского языка лексики французского происхождения и на конкретном языковом материале разрабатываются общетеоретические вопросы, связанные с изучением механизма адаптации опосредованных заимствований. В таком плане, насколько нам известно, исследований не проводилось. Тем более не рассматривалось функционирование опосредованной иноязычной лексики в удмуртском языке в контексте лексики разносистемных языков. Хотя опыт сопоставления удмуртского языка с европейскими, например английским или немецким, в удмуртском языкознании имеется, но, как правило, работы посвящены фонетическому и грамматическому аспектам изучения языков (Т.А. Краснова, К.А. Ложкина, В.В. Поздеев, Н.И. Пушина, Г.А. Тронина и др.).

Несколько десятилетий назад в докладе венгерского лингвиста Л. Гальди на IV Международном съезде славистов (1958) прозвучало следующее: "Что касается

влияния русского языка, в частности его наиболее типичных европеизмов, на тюркские, монгольские, финно-угорские, самодийские, кавказские, палеоазиатские и другие языки, то первой задачей (к сожалению, довольно сложной) будет установить, какие примерно *романские элементы через посредство русского языка* (выделено нами. – Т.З.) нашли доступ в ряд языков – вплоть до Центральной Азии. Сколь бы невыполнимой ни казалась эта задача, ее придется разрешить, по крайней мере, сначала для отдельных языков и групп языков" (Гальди 1958: 79). И в свете этого высказывания предпринятое нами исследование французской лексики, проникшей в удмуртский язык через русский, представляется целесообразным.

Раздел I. КОНТАКТЫ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ

1.1. Ориентация России на Францию как исторически обусловленный процесс

В истории России векой, на несколько столетий определившей пути формирования словарного состава русского языка, явилась Петровская эпоха, годы правления Петра I (1689–1725), когда волей царя страна стала ориентироваться на Запад. Франция наряду с Голландией, Германией, Англией и другими странами, оказалась одним из мощных источников европеизации русского языка (Биржакова 1972: 14).

В Петровскую эпоху интенсивно развиваются культурно-экономические, политические и торговые связи с Францией. Установление торговых контактов между Россией и Францией, начавшееся еще в конце XVI в., в этот период приобретает особую активность. Развитие культурных и экономических связей продолжилось и после смерти Петра – во второй четверти XVIII в. – в период царствования Елизаветы. Но особенно тесными стали контакты с носителями французского языка в эпоху Екатерины II (1762–1796), которая, будучи по рождению немкой, став супругой русского царя Петра III, овладела в совершенстве русским языком.

Идеи французских просветителей оказывали сильнейшее воздействие на умственную жизнь русской интеллигенции второй половины XVIII в. Вольтеризм стало наиболее типичным и распространенным типом мировоззрения образованных людей этого времени. В 70–90-е гг. значительное распространение получают морально-этические и социально-политические взгляды Руссо, идеалистическое учение о государстве Сен-Мартена.

Тесная культурно-экономическая связь России и Франции в 40-80 гг., преобладание французской литературы (на нее приходилось 55% всей переводной литературы), изучение русскими французского языка оказали большое влияние на дворянство. Крупные русские вельможи почитали за честь знакомство и переписку с передовыми учеными и мыслителями Франции. В придворных кругах екатерининского времени начинается чрезмерное увлечение всем французским: модами, манерами, вкусами, – что вошло в историю под названием "галломания". Придворные перенимают и элементы одежды, и мастерство французской кухни (парикмахерами и поварами были преимущественно французы), и предметы туалета, а также архитектурно-строительные элементы и т.д.

Формы этикета и светского обхождения, пришедшие из Франции, распространяются не только при дворе, но и в частном обиходе. Непринужденные петровские ассамблеи сменяются строго регламентированными придворными маскарадами и балами. Организуются массовые театрализованные зрелища, красочные карусельные игры в подражание рыцарским турнирам. Именно в этот период в русский язык было введено множество французских слов (Биржакова 1972: 39, 44–45; Ковалевская 1965: 227; Крысин 1968: 58 и др.).

Начиная с 50-х гг. XVIII в., в связи с распространением частного обучения дворянских детей, в Россию приезжает множество иностранцев – учителей и гувернеров "благородного юношества". Резко увеличивается число частных пансионов, в том числе и пансионов "для девиц". Подавляющее большинство их содержалось иностранцами, преподавание почти до конца века велось на иностранном (французском или немецком) языке, по иностранным учебникам. Уровень преподавания, как правило, был крайне низок, но обязательной частью программы было обучение одному или двум иностранным языкам, а также рисованию, танцам и музыке.

Учащаются и "любопытные путешествия по чужим краям" (преимущественно во Францию и Германию, позднее также в Италию и Англию) молодых дворян для знакомства с западноевропейской культурой, приобретения знания светского обихода и овладения языками. Богатые купцы также отправляют своих детей "за море" для обучения "лучшему в Европе обхождению и знанию". Систематически командировются в Италию и Францию ученики Академии Художеств.

С 60-х гг. столичные и провинциальные вельможи заводят свои крепостные театры, оркестры и капеллы, в которые приглашаются иностранные дирижеры и капельмейстеры. Возникают частные, вольные труппы иностранных артистов (итальянские пантомимисты, гимнасты, актеры народной оперы, французские, немецкие, английские труппы).

Становится модной итальянская музыка, в связи с этим приглашаются итальянские певцы и музыканты. Потребности в изобразительном искусстве и архитектуре также удовлетворяются главным образом иноземными мастерами: в России работают французские, немецкие, итальянские, датские живописцы, граверы, скульпторы, архитекторы.

Основным законодателем мод в 40–60-е гг. является Франция; к 70-м гг. возникает ориентация на "английский вкус".

Активные международные контакты на всех уровнях вызывали в русском обществе стремление к овладению западноевропейскими языками. Знание иностранных языков было весьма мало распространено на Руси до Петра I. Языки изучались только теми, кто в них нуждался по своей должности, т. е. толмачами (присяжными переводчиками). Благодаря неистощимой энергии Петра I и активной деятельности многих его современников и последователей переводческая деятельность получила широкое распространение. Прежде всего это коснулось

переводной литературы, возросшей за короткий период времени до значительного объема (Полевой 1900: 375–381). Языками стали владеть не только переводчики. От десятилетия к десятилетию в стране увеличивается число людей дву- и многоязычных. А это, в свою очередь, усилило интенсивность контактов (Биржакова 1972: 39–47).

Знание языка служит теперь не только целям лучшего овладения специальностью, но и показателем образованности и "зрелости" дворянина. Без знания языков трудно поступить на государственную службу, сделать карьеру. Главная забота домашнего воспитания состоит в том, чтобы дети выучились иностранному языку.

В итоге известная часть русского общества второй половины XVIII в. владела живыми иностранными языками. Это прежде всего придворный круг дворянства, офицерство армии и флота, высшие служащие государственного аппарата, нарождающаяся интеллигенция, крупное купечество. Основная масса этих людей, за исключением военного сословия, сосредоточивалась в Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах. Поместное дворянство, проживавшее в своих имениях, хотя и старалось подражать столичному, но не всегда имело для этого достаточно средств и возможностей.

Характерной особенностью второй половины XVIII в. является переход от многоконтактности к постепенному ограничению активных языковых отношений русского языка сферой двух языков – французского и немецкого: они становятся главными источниками заимствований и языками-посредниками (Ист. лексика... 1981: 167). При этом Петербург второй половины XVIII в. с его придворным обществом и высшей аристократией был средоточием французского языка в России; Москва же – центр демократической интеллигенции и масонства – тяготела к немецкому (Биржакова 1972: 42, 176). Постепенно французский язык приобретает все больший вес и активно влияет на русский язык.

Чрезмерное увлечение французскими заимствованиями вызывало протест в некоторых кругах российского общества. В противовес галломании родилось такое явление как пуризм – нетерпимость к лобым, особенно французским, заимствованиям. Русская интеллигенция выступает в печати с призывом ценить отечественную культуру. Полагая, что одним из основных компонентов национальной культуры является чистота русского языка, М.В. Ломоносов, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин принимали участие в борьбе с галломанией. Однако русский язык продолжал заимствовать французскую лексику и заимствовал ее довольно активно и в XIX в.

Особенно усилилась волна французского влияния в пору Великой французской буржуазной революции и после нее, когда в Россию хлынул поток эмигрантов-роялистов.

На протяжении всего XVIII в. Россия имела контакты в различных сферах общественной жизни не только с Францией, но и со многими странами Западной Европы. Эти отношения выражались в непрерывающемся обмене материальными ценностями, знаниями, идеями, людьми (русские за границей, иностранцы в России).

Русские купцы ведут торговлю с Голландией, Англией, Францией, Германией, Италией, Швецией, Норвегией, Данией, Португалией, Австрией. Внешняя торговля России до конца XVIII в. оставалась главным образом в руках иностранного купечества.

Обучение во многих заведениях ведется на немецком, французском, латинском языках (Кутина 1964: 197). Научная подготовка русских ученых и преподавателей зачастую происходит или завершается за границей – в университетах Германии, Англии, Франции, Швеции, Голландии.

Далее на протяжении всего XIX в., несмотря на военные конфликты и проникновение в Россию других идейных и литературных веяний, французский язык сохранял сильные позиции в русском просвещенном

обществе. Он стал как бы посредником при ознакомлении русских с достижениями других европейских народов (Кустра 1981). Знание французского языка стало неременным требованием к представителям русской великосветской знати. Многие дворяне говорили и писали в 20-е гг. XIX в. по-русски и по-французски (или по-русски с сильной примесью французского). Даже крайние противники употребления французских слов и оборотов в русском языке нередко использовали французские выражения (Лексика... 1981: 36). Степень влияния французского языка на русский в условиях такого группового двуязычия оказалась весьма существенной.

Среди дворян в первой половине XIX в. французский язык был не только символом образованности и хорошего тона, но и средством общения, недоступным слугам и крестьянам. Хотя обучение французскому языку в дворянских семьях велось с детства, не все овладевали им в совершенстве. Кроме того, всегда давало себя знать отсутствие "природной" французской языковой среды и, напротив, постоянное влияние среды русскоязычной. В результате французский язык в иных дворянских семьях оказывался весьма далек от языка парижан: в нем смешивались русские слова и французский синтаксис и т. д. Его роль сводилась в основном к роли *сословного жаргона* понятного сравнительно узкому кругу людей одного класса (Крысин 1977: 34). Как бы то ни было, XIX в. в России отличался русско-французским двуязычием и значительная часть русских дворян владела французским языком на достаточно высоком уровне.

1.2. Закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения французской лексики русским языком

1.2.1. Фонетическая адаптация французских слов в русском языке

Говорить об адаптации тем или иным языком слов, заимствованных из другого языка, можно лишь в тех случаях, когда заимствованное слово утрачивает присущие ему в языке-источнике характеристики, свойственные исходной системе (фонетической, грамматической, лексической), и преобразует их в соответствии с его собственной системой.

Фонетические явления, о которых пойдет дальше речь, в той или иной степени освещались в общих трудах по фонетике французского и русского языков (Щерба 1957; Матусевич 1976), в исследовании польского ученого М. Калиневич, проследившей, как реагировала фонологическая система русского языка в столкновении с фонологической системой французского языка (Калиневич 1978), а также в работах, отражающих контактирование русского языка с западноевропейскими, в том числе с французским (Куэстра 1981; Пылакина 1976 и др.). Основываясь на работах лингвистов и опираясь на собранный нами в ходе исследования языковой материал, мы систематизировали наиболее существенные явления, характеризующие процесс адаптации русским языком французских заимствований, дошедших впоследствии до удмуртского языка, в области фонетики.

Г л а с н ы е з в у к и

Известно, что французская и русская фонетическая системы различаются как качественным, так и количественным составом (Гак 1977: 26–51). Система гласных французского языка насчитывает 15 фонем (Виллер 1977: 10; Рапанович 1969: 32), т. е. в три раза больше, чем русская вокалическая система (6 гласных).

Французские гласные отличаются напряженностью артикуляции, отсутствием дифтонгизации.

Наиболее существенными нам представляются следующие расхождения в характеристиках фонетических систем французского и русского языков, нашедших отражение в процессе заимствования:

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
1. <i>Отсутствие редукции неударных гласных</i> <u>com</u> missaire [kəmisɛr] <u>bé</u> casse [bekas] <u>par</u> terre [partɛ:r]	<i>Редукция неударных гласных</i> <u>ко</u> миссар [кам'исар] <u>бе</u> кас [б'икас] <u>пар</u> тер [партэр]
2. <i>Различие гласных по открытости/закрытости</i> arbal <u>è</u> te [arbalɛt] comit <u>é</u> [kəmite] sort <u>e</u> [sɔrt] dé <u>p</u> ôt [depo]	<i>Отсутствие различия гласных по открытости/закрытости</i> арбал <u>е</u> т [Арбал'эт] комит <u>е</u> т [кам'ит'эт] сор <u>т</u> [сорт] деп <u>о</u> [д'ипо]
3. <i>Наличие носовых гласных</i> av <u>a</u> nce [avɑ̃s] en <u>s</u> emble [ɑ̃sɑ̃bl] comm <u>a</u> ndant [kəməɑ̃dɑ̃] pin <u>c</u> ette [pɛ̃sɛt] bal <u>co</u> n [balkɔ̃]	<i>Отсутствие носовых гласных</i> ав <u>а</u> нс [аванс] ан <u>с</u> амбль [ансамбл'] комен <u>а</u> нт [кам'индант] пин <u>ц</u> ет [пинцэт] бал <u>ко</u> н [балкон]

Сочетания букв, обозначающие во французском языке носовой гласный, в русских заимствованиях заменяются сочетанием неносового гласного с носовым согласным. В подобных случаях можно говорить о полной адаптации звукового состава заимствованного слова к фонетической системой русского языка.

В ряде случаев возможен выбор разных вариантов передачи французских звуков в заимствованиях.

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
1. [œ]	[о], [ъ], [и], [э]
acteur [aktœ:r]	актёр [акт'ор]
régi <u>s</u> seur [reʒisœ:r]	режиссёр [рьжис'ор]
décorate <u>u</u> r [dekɔratœ:r]	декоратор [д'ьклратър]
organisate <u>u</u> r [ɔrganizatœ:r]	организатор [аргън'изатър]
déserte <u>u</u> r [dezœrtœ:r]	дезертёр [д'ьзирт'ир]
composte <u>u</u> r [kɔmpœstœ:r]	компостёр [кампост'эр]

Первый вариант (в русской графике *ё*) следует признать наиболее характерным способом передачи французской фонемы [œ], отсутствующей в русском языке. Появление в русских словах редуцированного *о* [ъ] объясняется, возможно, книжным влиянием латинского языка на заимствованные французские слова: *инициатор* < *initiateur* (лат. *initiator*, -ōris), *композитор* < *compositeur* (лат. *compositor*, -ōris) и т. п. Выбор русских гласных [и], [э] носят эпизодический характер.

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
2. [ə]*	а) <i>редуцированный звук</i> б) <i>отсутствие звука</i>
vaudeville [vodəvil]	водевиль [вьдивил']
gobe <u>l</u> in [gobəlɛ̃]	гобелен [глб'ил'эн]
brac <u>e</u> let [brasələ]	браслет [брасл'эт]

* Во французском языке [ə] фонетически совпадает с гласным [œ], но в произношении колеблется, в зависимости от темпа речи – от выразительного [œ] до краткого и напряженного звука, почти лишённого индивидуальной качественности. Некоторые фонетисты считают [ə] стилистическим вариантом фонемы [œ], другие, как П. Фуше, М. Леон, Л.В. Щерба, признают [ə] самостоятельной фонемой, определяя её место по степени открытости в промежуточном положении, между полузакрытыми и полуоткрытыми фонемами (Калиневич 1978: 14–15). Звук, выпадая во французском языке из произношения в официальном и разговорном стилях, как правило, сохраняется в декламации (Рапанович 1969: 146–147).

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
passport [pasəpɔ:r]	паспорт [пасп'орт]

В заимствованных словах в одних случаях французское беглое [ə] звучит в русском языке в виде редуцированного звука [и/ь], в других случаях полностью исчезает из произношения. Регулярностей здесь выявить не удастся, но в том и другом случае (наличие гласного или его отсутствие) наблюдается соответствие нормам русского языка.

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
3. [y]	[ʹy], [y]
bureau [byro]	бюро [б'уро]
buste [byst]	бюст [б'уст]
garniture [garnity:r]	гарнитур [г'ярн'итур]
embrasure [ābrazy:r]	амбразура [амбразура]
curieux [kyrjø]	курьёз [кур'юс]

Первый вид соответствия фр. [y] – рус. [ʹy] со смягчением предшествующего согласного полностью соответствует фонологической системе русского языка. Второй, вероятно, объясняется латинским книжным влиянием. Так, замена французского суффикса *-ure* на латинский *-ura* связана с традицией употребления ранее заимствованных многочисленных латинских слов с данным суффиксом в русском языке: *аспирантура*, *кандидатура*, *культура*, *профессура* (Виноградов 1972: 120).

Полугласные звуки

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
1. [j]	[лʹ]
bataillon [batajɔ̃]	батальон [б'тал'юн]
vanille [vanij]	ваниль [ван'илʹ]
médaille [medaj]	медаль [м'идалʹ]
pavillon [pavijɔ̃]	павильон [п'вил'юн]

Этот переход имеет свое историческое объяснение. Известно, что во французском языке к XVIII в. народное [j] вытеснило из произношения [lʹ], которое восходит к

латинскому [lj], например: совр. фр. *famille* [famij] < ст.-фр. *famille* [famijl'] < лат. *familia* [familja]. В XVIII в. появились следы аристократического французского произношения [l'], именно в этот период данные слова были заимствованы русским языком. Другое объяснение присутствия [л'] в русском языке связано с тем, что слова могли проникнуть через письменный язык.

фр.

рус.

2. [w]	[ya], [yа]
[ʃ]	[ʃ'уи]
réser <u>vo</u> ir [rezɛrwa:r]	резер <u>ву</u> ар [рʲэзʲэруар]
réper <u>to</u> ire [repɛrtwa:r]	реперт <u>у</u> ар [рʲэпʲэртуар]
toilette [twalet]	туалет [туал'эт]
suite [sɥit]	сюита [с'уита]

В связи с отсутствием в русском языке соответствующих полугласных происходит разложение французского неделимого звука на два самостоятельных гласных: звучание слова приспосабливается к фонологической системе русского языка.

С о г л а с н ы е з в у к и

Системы согласных во французском и русском языках также не совпадают. В русском языке имеется 35 согласных, во французском – 20 (Виллер 1977: 10; Рапанович 1969: 24). Для русского языка характерна палатализация. Во французском языке согласные перед любым гласным произносятся твердо; палатализация, за редким исключением, отсутствует (Рапанович 1969: 33). К тому же французская орфография является зачастую исторической, т. е. написание французского слова сохраняет в виде букв непронизносимые в настоящее время звуки, которые на предыдущих этапах истории французского языка произносились.

В этой области мы выделяем несколько наиболее характерных путей адаптации французских слов русским языком.

1. Заимствование слова путем аллитерации, т. е. воспроизведение его письменного облика. В этом случае неизменяемый конечный согласный французского слова в русском произношении и написании восстанавливается.

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
drap [dra]	дра <u>ц</u> [драп]
courrier [kurje]	курье <u>р</u> [кур'jэр]
béret [berɛ]	бе <u>р</u> е <u>т</u> [б'ир'эт]

2. Появление в русском слове звука, отсутствующего во французском слове, как результат морфологической адаптации заимствования:

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
bambou [bɑ̃bu]	ба <u>м</u> бу <u>к</u> [ба <u>м</u> бу <u>к</u>]
comité [kɔmɛtɛ]	ко <u>м</u> и <u>т</u> е <u>т</u> [ка <u>м</u> 'и <u>т</u> 'э <u>т</u>]

3. Оглушение французских конечных звонких согласных в русском языке при заимствовании слов либо посредством аллитерации (с оглушением в произношении и написании конечного согласного):

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
échafaud [eʃafɔ]	э <u>ш</u> а <u>ф</u> о <u>т</u> [э <u>ш</u> а <u>ф</u> о <u>т</u>]
hasard [aza:r]	а <u>з</u> а <u>р</u> т [а <u>з</u> а <u>р</u> т]
rang [rɑ̃]	ра <u>н</u> г [ра <u>н</u> к],

либо путем заимствования звукового облика французского слова (в этом случае – с оглушением лишь в произношении конечного согласного):

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
salade [salad]	са <u>л</u> а <u>т</u> [с <u>л</u> а <u>т</u>]
narcose [narko:z]	на <u>р</u> ко <u>з</u> [на <u>р</u> ко <u>с</u>]
bagage [baga:ʒ]	ма <u>с</u> са <u>ж</u> [ма <u>с</u> а <u>ш</u>]
cascade [kaskad]	ка <u>с</u> ка <u>д</u> [ка <u>с</u> ка <u>т</u>]

Последнее явление имеет место во французских словах с конечным неизменяемым *e* после согласного.

4. Воспроизведение французской фонемы русским звуко сочетанием:

<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
------------	-------------

[p]	[h'j]
compagnon [kɔ̃paʁɔ̃]	компаньон [кампан'јон]
cognac [kɔ̃nak]	коньяк [кан'јак]
champion [ʃɑ̃piɔ̃]	шампион [шъмпин'јон]

5. Появление, утрата или изменение произношения французского согласного иногда обусловлено влиянием языка-посредника, через которое французское слово было заимствовано русским языком:

прейскурант < фр. *prix courant* [pri kurɑ̃] / через нем.

Preiskurant ['prɛsku'rant] – влиянием немецкого объясняется появление [s] и [t]

кастрюля < фр. *casserole* [kasʁɔl] – слово заимствовано через нем. *Kastrol* [kast'rol], *Casterolle*, пол. *kastrol* – интеркалированный звук [t] – влияние языков-посредников. Кстати, в современном немецком языке этот звук утрачен: *Kasserolle* (ср. также англ. *casserole*).

Благодаря немецкому (и польскому) влиянию французский звук [s] приобретает звучание [ts]:

матрица < фр. *matrice* [matris] / через нем. *Matrize* [mat'ri:tsə]

принц < фр. *prince* [prɛ̃:s] / через нем. *Prinz* [prints]

танцор < фр. *danseur* [dɑ̃sœ:r], нем. *Tänzer* ['tɛntsər]

социальный < фр. *social* [sosjal] / через нем. *sozial* [zo'tsiɑ:l]

принцип < фр. *principe* [prɛ̃sip] / через нем. *Prinzip* [prin'tsi:p] или пол. *pryncyp* и др.

Таким образом, проникновение заимствований из французского языка в русский происходило двумя путями: через звучание слова или через его написание. В обоих случаях при адаптации французских слов действовали принципы организации русской фонологической системы, что проявлялось в основном по следующим линиям: в редукции безударных гласных; в выборе для передачи французских звуков, отсутствующих в русской системе фонем, близких им по звучанию русских звуков или

звукосочетаний; в оглушении конечных согласных; в появлении дополнительного звука. Изменения носили регулярный или эпизодический характер. Они могли быть обусловлены книжным путем заимствования, влиянием языков-посредников, через которые заимствовались французские слова, или древних языков, имеющих давние традиции в русском языке.

1.2.2. Грамматическая и словообразовательная адаптация французских слов в русском языке

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

Наибольший интерес в области существительного вызывает соотношение французских слов и русских заимствований по их принадлежности грамматическому роду, т. к. количество родов в русском и французском языках не совпадает: французский язык различает два рода – мужской и женский, в русском языке существует три рода – мужской, женский и средний. В том и другом языках значение категории рода связано с одушевленностью объектов, обозначенных существительными. У существительных одушевленных категория рода значима, семантически. Она отражает различия пола. В обоих языках обнаруживается соответствие слов мужского и женского рода, хотя и имеются немногие исключения, типа фр. *ordonnance*, f; рус. *ординарец*, м. р. (Гак 1977: 108).

В разряде *мужского рода* (как одушевленных существительных, так и неодушевленных) слова при переходе из французского языка в русский обычно сохраняли грамматический род языка-источника заимствования:

<i>одушевл. сущ.</i>	<i>неодушевл. сущ.</i>
arbitre, m > арбитр, м. р.	mirage, m > мираж, м. р.
démocrate, m >	journal, m > журнал, м. р.
демократ, м. р.	

intrigant, m > интриган, souvenir, m > сувенир, м. р.
м. р.

cosmopolite, m > liqueur, m > ликёр, м. р.
космополит, м. р.

В данном случае устойчивость родовой принадлежности существительного поддерживается фонетическим обликом французского слова: наличием в конечной позиции произносимого согласного. При заимствовании путем аллитерации важную роль в сохранении мужского рода сыграло наличие во французских словах неизносимой согласной буквы:

banque/t/, m > банкет, м. р. blan/c/, m > бланк, м. р.
bére/t/, m > берет, м. р. secre/t/, m > секрет, м. р.

В ряде примеров, благодаря тому, что французские слова оканчивались на произносимый согласный, наблюдается переход существительных женского рода в мужской:

anecdote, f > анекдот, м. р. crème, f > крем, м. р.
marmelade, f > мармелад, м. р. surprise, f > сюрприз, м. р.
м. р.

Таким образом, адаптация заимствований по роду происходит путем пополнения категории русских существительных мужского рода за счет французских слов не только мужского, но и женского рода.

м. р. ↗
ж. р. ↘ м. р.

Фактором адаптации и в том, и в другом случае можно считать *фонетический*, а именно: консонантный исход слова, т.е. французское слово оканчивается на произносимый или неизносимый согласный. Именно это и сближает такие слова с русским существительным мужского рода.

В разряд русских существительных *женского рода* перешло большинство французских существительных того же рода.

В приведенных далее примерах этому мог способствовать такой момент, как передача французского слова русским, имеющим мягкий знак в написании:

aquarelle, f > акварель, retouche, f > ретушь, ж. р.
ж. р.

vanille, f > ваниль, ж. р. touche, f > тушь, ж. р.

Тот же фактор сыграл свою роль в перемещении аналогичных слов французского языка, принадлежащих мужскому роду, в женский род:

vermicelle, m > вермишель, ж. р.

violoncelle, m > виолончель, ж. р.

Вместе с тем многие французские существительные женского рода получали характерные для системы русского языка морфологические показатели:

фр.

рус.

1. *Отсутствие окончания*

Окончание на -а

mode, f

мода, ж. р.

commande, f

команда, ж. р.

date, f

дата, ж. р.

gravure, f

гравюра, ж. р.

В эту же группу вошли французские существительные мужского рода с конечным звуком [a], ставшие в русском языке словами женского рода, благодаря окончанию -а:

taffetas, m > тафта, ж. р.

réséda, m > резеда, ж. р.

В некоторых случаях мог сыграть определенную роль тот факт, что французские слова оканчиваются на группу согласных, после которой немой [э] воспринимается в виде необходимого призвука:

ambre, m > амбра, ж. р.

casque, m > каска, ж. р.

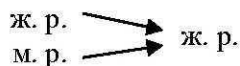
<i>фр.</i>	<i>рус.</i>
2. <i>Основа на [i]</i>	<i>Окончание -ия, -ея*</i>
artillerie, f	артиллерия, ж. р.
bourgeoisie, f	буржуазия, ж. р.
batterie, f	батарея, ж. р.
galanterie, f	галантерея, ж. р.
3. <i>Суффикс -ette</i>	<i>Суффикс с флексией -к(a)</i>
couquette, f	кушетка, ж. р.
raquette, f	ракетка, ж. р.
roulette, f	рулетка, ж. р.
statuette, f	статуэтка, ж. р.
Суффикс <i>-к(a)</i> является одним из самых продуктивных в русском языке в образовании существительных, обозначающих деятеля женского пола:	
gouvernante, f < <u>гувернантка</u> , ж. р.	
coquette, f < <u>кокетка</u> , ж. р.	

Появление в русском языке суффикса *-к(a)* касается прежде всего одушевленных существительных, имеющих во французском языке одну и ту же форму для мужского и женского рода. Аналогичное положение вещей обнаруживают существительные с суффиксом *-iste*, который является одним из самых продуктивных во французском языке (Лопатникова 1971: 84):

artiste, m, f < артистка, ж. р.
journaliste, m, f < журналистка, ж. р.

В рамках категории женского рода, таким образом, адаптация также характеризуется как сохранением, так и изменением принадлежности слова к определенному грамматическому роду:

* Французские существительные женского рода с основой на [i] получают на конце элемент *-ия* или *-ея* по образцу существовавших ранее в русском языке латинских и греческих заимствований. Элемент *-ея*, по мнению Фасмера, является народным по происхождению (Ф I, 134).

Как и в категории мужского рода, в большинстве случаев здесь наблюдается соответствие рода исконного и заимствованного слова (ж. р. > ж. р.). Однако, в отличие от категории мужского рода, в данном случае происходит *морфологическая адаптация*: заимствование получает окончание или суффикс с окончанием женского рода, свойственные системе русского языка (-а, -ка).

В *средний род* перешли французские существительные мужского рода, имеющие вокалический исход, так как в русском языке существительные среднего рода оканчиваются чаще всего на гласный звук:

loto, m > лото, ср. р.	taxi, m > такси, ср. р.
métro, m > метро, ср. р.	châssi/s/, m > шасси, ср. р.
chaussée, m > шоссе,	ragoû/t/, m > рагу, ср. р.
ср. р.	
tire/t/, m > тире, ср. р.	menu, m > меню, ср. р.

Таким образом, пополнение категории среднего рода в русском языке происходило за счет французских существительных мужского рода:

м. р. \longrightarrow ср. р.

Что касается *словообразовательного* процесса, то значительная часть слов была перенесена из французского языка в русский в том виде, который существовал на момент заимствования*:

* Слова такого рода некоторые исследователи называют *буквальными заимствованиями*. Незначительные фонетические изменения, обусловленные различными системами звуков, а также грамматическая адаптация иноязычного слова с помощью окончания языка-реципиента во внимание не принимаются (Михайлова 1998: 6–7). Исследователи отмечают, что в русском языке число слов, восходящих непосредственно к французскому источнику и отражающих особенности его формы, значительно (Сорокин 1965: 161).

avenue > авеню

adresse > адрес

grime > грим

hangar > ангар

pose > поза

visite > визит

При этом в русский язык проникли многочисленные морфологические форманты иноязычного происхождения, чаще всего суффиксы:

абонемент < abonnement

акробат < acrobate

акушер < accoucheure

акционер < actionnaire

альтернатива < alternative

анекдот < anecdote

артист < artiste

бандаж < bandage

вариант < variante

галантерея < galanterie

декорация < décoration

диплом < diplôme

дипломатия < diplomatie

империализм < impérialisme

коммунар < communard

коррупция < corruption

маскарад < mascarade

национализм < nationalisme

реактив < réactif

резонанс < résonance и др.

Часть существительных при переходе из французского языка в русский участвует в словообразовательном процессе, используя интернациональные суффиксы и суффиксы русского языка:

амбиция (латинизированная форма) < ambition

ассенизация (латинизированная форма) <
assainissement

батарейка < batterie

декадентство < décadence

доминиканец (латинизированная форма) < dominicain

канарейка < canari

каптенармус (латинизированная форма) < capitaine
d(es) armes

министерство < ministère

претенциозность < prétention и т. д.

Некоторые заимствованные слова объединены со словом-прототипом лишь общностью корня:

баллотировка < ballotter "баллотировать"

беллетристика < belles lettres, букв. "изящные
науки" – для данного слова роль языка посред-

ника выполняет немецкий язык (Belletristik),
внося интернациональный суффикс *-истик(a)*

десантник < descente "десант"

диверсант < diversion "диверсия"

дирижёр < diriger "управлять"

дублёр < doubler "удваивать"

карьерист < carrière "карьера"

татуировка < tatouer "татуировать"

турник < tourner "вертеть"

фуражка < fourrage "фураж" и др.

Некоторые исследователи такие лексические единицы относят к "собственно русской лексике", т. к. они сложились путем словообразования уже на русской основе (Ист. лексики... 1981: 11). По мнению других, такое название представляется некоторой натяжкой, т. к. если бы не состоялось акта заимствования производящего слова, то никогда не возникло бы и производного слова. Подобные слова, вслед за исследователями, мы будем называть *полузаимствованиями* (Михайлова 1998: 10 и др.).

Во всех приведенных случаях можно говорить о полной адаптации заимствований морфологической и словообразовательной системой русского языка.

П р и л а г а т е л ь н ы е

Французские прилагательные, адаптируясь в русском языке, принимают род существительного:

фр.

рус.

académique, m, f

академический, ~ая, ~ое

sérieux, m; sérieuse, f

серьезный, ~ая, ~ое

total, m; totale, f

тотальный, ~ая, ~ое

Заимствованные из французского языка прилагательные оформляются при помощи русских суффиксов:

агрессивный < agressif

анатомический < anatomique

бордовый < bordeaux

дивизионный < division

фламандский < flamand
флегматичный < flegmatique
оранжевый < orange
революционный < révolution
унитарный < unitaire
экстравагантный < extravagant

Исследователи отмечают, что суффикс *-н-* с его разновидностями, а также суффикс *-ск-* с его вариантами служили с XVIII в. основными морфологическими средствами русификации западноевропейских заимствований (Виноградов 1972: 184).

Г л а г о л ы

В области глагола наиболее показательным в плане адаптации французских заимствований русским языком является, по нашим наблюдениям, словообразовательный процесс при помощи суффиксов, которые, в свою очередь, были заимствованы русским языком из других языков: *commander* > *командовать*, *marquer* > *маркировать*.

Исследователи истории русского языка отмечают, что суффикс *-овать* в русском языке польского происхождения (в польском *-ować*): *авторизовать*, *адресовать* (Виноградов 1982: 60). В конце XVII в. знание польского языка является принадлежностью образованного русского дворянина. Польская культура становится посредницей, через которую в Россию идет багаж европейских понятий, груз французских и немецких слов (Виноградов 1982: 39, 56; Горшков 1969: 167; Ист. лексики... 1981: 61).

Проанализированные нами французские глаголы отражают, в частности, польское влияние, о чем свидетельствуют этимологические словари:

аккредитовать 60-е гг. XVIII в. < пол. *akredytować* < фр. *accréditer*
мариновать XVIII в. < пол. *marynować* < фр. *mariner*
рапортовать I четв. XVIII в. < пол. *raportować* < фр. *rapporter*

В русском языке с помощью данного суффикса производятся глаголы от бессуффиксальных имен существительных: *горевать*, *пировать* и т. п. Этот суффикс расширил (в конце XVII – начале XVIII вв.) свои функции под влиянием польского языка, где был широко распространен глагольный суффикс *-ować* (Ефимов 1971: 69). В результате толчка, произведенного воздействием польского языка, данный суффикс сделался активным средством приспособления к русской глагольной системе основ, заимствованных из других языков (Виноградов 1972: 337), в том числе французского: *аттестовать* 1735 < фр. *attester*, *диктовать* 2-я пол. XVIII в. < фр. *dicter*, *командовать* 1704 < фр. *commander*, *критиковать* 1726 < фр. *critiquer*, *пасовать* XVIII в. < фр. *passer*, *рисковать* XVIII в. < фр. *risquer*.

Под влиянием немецких *-ieren*, *-izieren* появились суффиксы *-ировать*, *-изировать*, получившие широкое распространение в русском языке в XIX в. (Виноградов 1972: 346). Значительное количество рассматриваемых французских глаголов было заимствовано через немецкий язык или параллельно с немецким:

анализировать 1802 < фр. *analyser* и нем. *analysieren*
гипнотизировать XIX в. < фр. *hypnotiser* и нем. *hypnotisieren*
демаскировать 1755 < нем. *demaskieren* < фр. *démasquer*
зондировать 1726 < нем. *sondieren* < фр. *sonder*
изолировать XIX в. < нем. *isolieren* < фр. *isoler*
маршировать XVIII в. < нем. *marschieren* < фр. *marcher*
мотивировать 30–40 гг. XIX в. < нем. *motivieren* < фр. *motiver*

Известно, что первоначально в русском языке (XVIII в.) глаголы на *-ировать* были в словах немецкого происхождения, которые, в свою очередь, заимствовали окончания у французских глаголов на *-ir*. Затем русский

язык стал придавать это окончание почти всем иностранным глаголам (Соболевский 1980: 120). Таким образом, французские глаголы в силу уже сложившейся традиции получали формальный образец, усвоенный русским языком, даже если речь не шла о немецком посредничестве (Сорокин 1965: 160).

Из скрепления суффиксов *-овать* и *-изировать* возник суффикс *-изовать* (Виноградов 1972: 347), сочетающийся в том числе, как показывает наш материал, и с французскими заимствованиями:

организовать 1786, непосред. и через нем.
organisieren < фр. organiser

парализовать 1880 [парализировать 1861 < нем.
paralysieren] < фр. paralyser

электризовать 1758 [нем. elektrisieren] < фр.
électriser.

Возможно, французское окончание (*-iser*, *-yser*) глагольной основы способствовало появлению кантаминированного суффикса.

Исследователи отмечают, что суффиксами *-ова-(ть)*, *-изова-(ть)*, *-ирова-(ть)* исчерпывается круг полузаимствованных суффиксов русского глагола (Виноградов 1972: 347).

В результате заимствования по законам русского словообразования возникают слова для разных частей речи, связанные общим корнем, так называемые *заимствованные лексические гнезда* (Бельчиков 1959: 62; Сорокин 1965: 58):

акушер, акушерка, акушерство,
баланс, балансировать, балансовый
баталия, батальный, батальон, батальонный
библиограф, библиографический, библиография
биограф, биографический, биография
брошь, брошюра, брошюровать
буржуа, буржуазия, буржуй
бюрократ, бюрократизм, бюрократия
героиня, героический, герой

дезертир, дезертировать, дезертирство
диплом, дипломат, дипломатический, диплома-
тичный, дипломатия
журнал, журналист, журналистика, журналистка,
журнальный
империализм, империалист, империалистический
и т. д.

Исследовав многочисленные литературные источ-
ники, а также словари второй половины XIX в., ученые
установили, что среди всех новых слов заимствованные
иноязычные слова занимают более одной трети всего
объема новых для русского литературного языка той поры
лексических элементов. Если говорить об абсолютных
размерах круга заимствованных в это время слов, то можно
было бы указать, что даже если учитывать не все отдель-
ные слова, а лишь гнезда слов, ближайшим образом –
семантически и формально – связанных между собой, то
таких заимствованных лексических гнезд, упрочившихся в
русском литературном языке второй половины XIX в.,
окажется около 2000. Цифра значительная и, как
утверждает Ю.С. Сорокин, нуждается в правильном
историческом объяснении (Ефимов 1971: 197; Сорокин
1965: 58). Наш материал свидетельствует о том, что
заимствованные лексические гнезда создаются активно в
русском языке, в том числе на базе французских слов.

В некоторых случаях при заимствовании наблю-
дается *лексикализация*, т. е. слияние французских слов
(словосочетания или пишущиеся через дефис):

авансцена < avant-scène, букв. "перед сценой"
антракт < entr'acte, букв. "между действием"
барельеф < bas-relief, букв. "низкий рельеф"
гардероб < garde-robe, букв. "хранилище для платья"
капше < cache-nez, букв. "прячь нос"
пенсне < pince-nez, букв. "зажми нос"
платформа < plate-forme, букв. "плоская форма"
плацдарм < place d'armes, букв. "площадь для войск"

саквояж < sac de voyage, букв. "мешок для путешествия"

Во французском варианте сложное слово или словосочетание состоит из существительного + прилагательное, предлог, существительное или глагол. Так, в частности, французский глагол porter "носить" включен в серию сложных слов:

портмоне < porte-monnaie (monnaie "монета")

портсигар < porte-cigares (cigare "сигара")

португезя < porte-épée (épée "шпага")

портфель < portefeuille (feuille "лист") – лексикализация произошла уже во французском слове.

Рассмотренный в настоящем разделе материал, в частности такие моменты как пополнение разряда слов русского среднего рода словами мужского рода, образование новых глагольных суффиксов на базе заимствованных, способность создавать лексические гнезда на основе заимствований, лексикализация словосочетаний языка-источника в языке-реципиенте свидетельствуют о том, что заимствования не просто пополняют лексический состав заимствующего языка (в нашем случае – русского), но и *активизируют* его собственные внутренние ресурсы.

1.2.3. Семантическая адаптация французских слов в русском языке

Как показывает изученный материал, при заимствовании французских слов на уровне семантики обнаруживается следующее: большинство слов получает в русском языке аналогичное значение, т. е. налицо полное совпадение, напр., *абрикос, авиация, азот, антилопа, блиндаж, виолончель, гравюра, демократ, доминиканец, карабин, лексикография, металлы, окулист, пейзажист, поэма, реванизм, саржа, тарификация, федерализм, экспрессионизм, эскадрон, якобинец* и многие др.

Иногда при кажущемся полном совпадении значений обнаруживаются нюансы, которые несут в себе некоторое отличие. Так, возьмем в качестве примеров слова из сферы французской и русской кухни:

компот < compote – сладкое кушанье из фруктов и ягод (чаще сушеных), сваренных в воде с сахаром; в России компот пьют, во Франции – едят ложкой (напоминает пюре из фруктов);

котлета < côtelette; в России – кушанье из рубленного или молотого мяса или рыбы в виде лепешки круглой или продолговатой формы; во Франции – кусок мяса межреберной части на ребрышке (фр. côte "ребро");

мармелад < marmelade; в России – кондитерское изделие, разновидность конфет; во Франции – пюре из фруктов;

салат < salade; в России – любой салат; во Франции, как правило, салат из листьев салата с приправой; все другие салаты получают уточнение: une salade de tomates "салат из помидоров", une salade de pommes de terre "салат из картофеля". Кстати, то, что в России называют "салат оливье" (фр. слово olivier < olive "оливка"), во Франции звучит une salade russe, букв. "русский салат".

По данным исследователей, анализ семантической структуры галлицизмов показывает, что в языке-реципиенте по сравнению с языком-источником при контрастивном изучении соотносимых пар выявляются полные и частичные семантические несовпадения (Банков 1986: 18). Рассмотрим наш материал с этих позиций.

1. В процессе заимствования французских слов русским языком изменениям подвергаются чаще всего многозначные слова (Ист. лексики... 1981: 101). Они утрачивают при переходе некоторые значения. Речь идет, как правило, о сужении значений. Среди таких слов встречаются как абстрактные (чаще всего), так и слова с конкретным значением, а также слова, обозначающие лиц.

Слова с *абстрактным* значением:

авантюра < *aventure*

- фр.: 1) похождение, приключение;
2) авантюра, рискованное предприятие;

рус.: рискованное предприятие, рассчитанное на случайный успех; *авантюрист* образовано в рус. яз. [ср. фр. *aventurier*];

дебош < *débauche*

- фр.: 1) разврат, распутство; разгул;
2) излишество, избыток; уйма;

рус.: буйство, скандал с шумом и дракой;
Из этого значения в рус. яз. образованы слова: *дебошир*, *дебоширить*;

карьер < *carrière*

- фр.: 1) профессия, специальность, род занятий;
2) карьера; жизненный путь;
3) *donner carrière à* предоставить свободу; дать волю;

рус.: 1) успешное продвижение в служебной, общественной и прочей деятельности;
2) род занятий, профессий, напр., артистическая карьера; пейорат. *карьерист* образовано в рус. яз. [ср. фр. *arriviste*];

конфуз < *confus*

- фр.: 1) неясный, смутный, невнятный;
2) сбивчивый, запутанный;
3) смущенный, сконфуженный;

рус.: неловкое положение; состояние смущения, неловкости; вероятно, заимствовано через нем. *Konfus* "смущенный";

курьез < *curieux*

- фр.: 1) любознательный, пыливый;
2) любопытный, интересный, странный, чудной;

рус.: любопытное, забавное, смешное обстоятельство или происшествие;

карантин < quarantaine

фр.: 1) около сорока; штук сорок; 2) сорок лет;
3) карантин; 4) бойкот; 5) рел. сороковины, сорочины;

рус.: карантин (мед. мероприятие для предупреждения распространения заразных болезней);

пароль < parole

фр.: 1) речь; 2) слово; 3) слово, обещание;

рус.: секретное, условленное слово, фраза и предмет, применяемые для опознавания своих людей (на военной службе или в конспиративных организациях);

пассьянс < patience

фр.: 1) терпение; 2) карточная игра;

рус.: карточная игра;

гарнир < garnir

фр.: 1) наполнять; класть; 2) украшать; 3) кул. подавать (с гарниром); напр.: Avec quoi allez-vous garnir le rôti? "С каким гарниром вы подадите жаркое?"

рус.: овощи, макароны, каши и т. п., добавляемые к мясным и рыбным блюдам [ср. фр. garniture "гарнир"].

При сужении значения слово может получить стилистическую направленность, напр.:

афёра < affaire

фр.: 1) дело; 2) дело, вопрос; 3) вещь; одежда, платье; 4) дело; ферма, предприятие; 5) дело; процесс; 6) дело; бой, схватка;

рус.: пейорат. жульническое предприятие (дело), мошенничество; сомнительная сделка; *аферист* образовано в рус. яз. [ср. фр. aventurier].

Имеются случаи образования переносного значения, которое сформировалось на базе одного из значений заимствованного слова:

пасовать < *passer*

фр.: 1) идти; проходить; 2) переходить; 3) заезжать; 4) сдавать (экзамен); превосходить; 5) пропускать; 6) передавать и многие др.

рус.: 1) в карточной игре – отказываться от участия в розыгрыше данной сдачи карт или оставлять игру, признавая себя побежденным; 2) перен. признавать себя неспособным справиться с чем-либо, отступить.

В некоторых случаях стилистически маркированными оказывается только производное слово, которое развилось от одного из значений:

манера < *manière*

фр.: 1) образ; прием, способ; 2) манера, стиль; 3) проявление, способ существования; характер; 4) манеры; повадки; замашки;

рус.: 1) прием, способ; 2) манера, стиль; 3) поведение; *манерничать* – пейорат. жеманиться [ср. фр. *maniégué* "манерный, жеманный"];

фасон < *façon*

фр.: 1) манера, способ; 2) поведение; 3) изготовление; 4) фасон, покрой; 5) обработка, уход;

рус.: 1) фасон, покрой; 2) внешняя форма, вид какого-либо изделия; *фасонный* – пейорат. модный.

Слова с конкретным значением:

манто < *manteau*

фр.: 1) пальто; 2) покров; 3) каминный колпак; 4) мантия;

рус.: широкое дамское пальто, обычно меховое;

панталоны < *pantalon*

фр.: брюки; штаны; панталоны;

рус.: панталоны (принадлежность женского белья, покрывающая нижнюю часть туловища до пояса);

помада < *pommade*

фр.: 1) мазь; 2) помада;

рус.: помада (косметическое средство для губ);

томат < *tomate*

фр.: 1) помидор; 2) паста из помидоров;

рус.: паста из помидоров;

кулуары < *couloirs*, ед. ч. *couloir*

фр.: 1) коридор; 2) ущелье; 3) спорт. (отдельная) дорожка; 4) полоса (на дороге); 5) мн. ч. кулуары; *les couloirs de l'Assemblée* "кулуары Ассамблеи"; *conversations de couloir* "кулуарные (закулисные) разговоры";

рус.: кулуары (помещения в парламенте, на съездах и т. п., расположенные вне зала заседаний и служащие для отдыха, а также для неофициальных встреч, обмена мнениями).

Слова с *абстрактным* и *конкретным* значением:

а) заимствование конкретного значения

сюртук < *surtout*

фр.: 1) особенно; 2) балахон; сюртук;

рус.: сюртук (мужская верхняя двубортная одежда в талию с длинными полами);

комод < *commode*

фр.: 1) удобный, сподручный; 2) комод;

рус.: комод (невысокий шкаф с выдвижными ящиками для белья, мелких вещей);

б) заимствование абстрактного значения

оранжевый < *orange*

фр.: 1) апельсин; 2) оранжевый (цвет);

рус.: оранжевый (цвет);

бордовый < *bordeaux*

фр.: 1) бордо (вино); 2) бордовый (цвет);

рус.: бордовый (цвет);

палевый < paille

фр.: 1) солома; 2) цвета соломы;

рус.: цвета соломы;

Слова, обозначающие лицо:

пилот < pilote

фр.: 1) лоцман; 2) летчик; 3) гонщик; 4) une usine pilote "опытный завод";

рус.: летчик;

кадет < cadet

фр.: 1) младший; 2) второй (второй ребенок); 3) моложе, чем другой; 4) спорт. игрок детской команды; 5) воен. слушатель; кадет;

рус.: кадет (воен. ист. воспитанник среднего военного училища – слово получило в рус. яз. политический оттенок во время революции 1917 г.);

пионер < pionnier

фр.: 1) первопроходец, первооткрыватель, пионер; 2) воен. сапёр; солдат рабочего подразделения (стройбата); 3) пионер;

рус.: 1) первопроходец; 2) пионер – слово получило новый оттенок: член добровольной детской организации в Советском Союзе, с 1922 г.;

буржуа < bourgeois

фр.: 1) буржуа; 2) мещанин; 3) обыватель;

рус.: пейорат. капиталист, классовый враг пролетариата – значение развилось в рус. яз.;

2. При переходе из французского языка в русский слова могут получить изменение значения. Иногда в разряд этих слов входят так называемые полузаимствования, т. е. дериваты, созданные на русской почве: *авантюрист, демисезонный, дирижёр, дублёр, дипломант, закулисный, куражиться, манежить, татуировка, турник* и т. д. Например:

форсить < форс < force

фр.: 1) сила, крепость; 2) сила, твердость;

рус.: пейорат. щеголять, франтить [ср. в немецком языке *forsch* "лихой, молодцеватый" с этой же основой].

Слово может существовать во французском языке, но новое значение получить в русском:

галифе < имя фр. генерала G.A.A. Galliffet

рус.: брюки особого покроя: облегающие колени и сильно расширяющиеся кверху, которые носят в кавалерийских частях – слово создано в рус. яз. [ср. фр. *un pantalon de cheval*, букв. "брюки для езды на лошади"];

интеллигенция < intelligence

фр.: 1) ум, рассудок; 2) умный человек; умница; 3) понимание; 4) согласие; 5) связь; отношения;

рус.: общественный слой людей профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением культуры (работники науки и искусства, юристы, учителя, инженеры, врачи, журналисты и др.) – значение развилось в рус. яз. в XVIII в. (Крысин 1980: 10) [ср. фр. *intelligentsia* – рус. заимств. кон. XIX в.];

шарманка < *charmant*

фр.: прекрасный, очаровательный;

рус.: механический орган, приводимый в действие вращением ручки [ср. фр. *orgue de Barbarie*].

Некоторые слова при *морфологической адаптации* получали новое семантическое наполнение:

а) французский суффикс *-ёр (-eur)*

дирижёр < фр. *diriger* "управлять" + фр. суф. . *-eur* (по типу *актёр, шофёр*)

рус.: руководитель оркестра [ср. фр. *chef d'orchestre*];

ухажёр < рус. ухаживать

фр.: суф. -eur

рус.: молодой человек, активно оказывающий знаки внимания даме [ср. фр. dragueur];

гимнастёрка < нем. Gymnast или пол. gimnastyk + фр. суф. -eur, букв. "рубашка гимнаста"

рус.: верхняя рубашка – военная форменная одежда [ср. фр. vareuse];

б) русский суффикс -к- и флексия -а

пилотка < pilote

фр.: 1) зд. летчик;

рус.: летний форменный головной убор у военнослужащих; первонач. только у пилотов;

панамка < rapapa

фр.: летняя широкополая шляпа;

рус.: детский головной убор, спитый из материала;

фуражка < fourrage

фр.: фураж – корм для скота;

рус.: головной убор, т. е. первонач. "головной убор, надеваемый при фуражировке";

помадка < pomade

фр.: мазь; помада;

рус.: сорт мягких душистых конфет;

тужурка < toujours

фр.: всегда, постоянно;

рус.: будничная домашняя одежда, т. е. "одежда, носимая постоянно";

резинка < résine

фр.: смола, синтетические смолы, пластмассы;

рус.: эластичный материал, получаемый путем вулканизации каучука (*резина*); с добавлением -ка обозначает предмет школьной принадлежности – резинка для стирания карандаша [ср. фр. élastique].

Особого внимания заслуживают слова, совпадающие с французской формой, в некоторых случаях они могут стать "ложными друзьями переводчика" (Муравьев 1969: 3–7; Михайлова 1998: 9–10). Это примеры русско-французских *междуязычных омонимов*:

анекдот < anecdote

фр.: анекдотический факт (прожитое кем-то событие);

рус.: небольшой забавный, смешной рассказ [ср. фр. *histoire drôle, blague*];

винегрет < vinaigrette

фр.: заправка для салатов (из уксуса и масла);

рус.: 1) разновидность салата, по набору компонентов из овощей – чисто русское кушанье [ср. фр. *salade russe*, букв. "русский салат"]; 2) перен. смесь различных предметов или понятий, всякая всячина;

тижон < pigeon

фр.: 1) голубь; 2) простофиля, разиня;

рус.: пейорат. франтоватый молодой человек [ср. фр. *gommeux, gandin*];

журнал < journal

фр.: газета (ежедневное издание); дневник;

рус.: журнал (периодическое издание) [ср. фр. *revue*];

конференсье < conférencier

фр.: лектор, докладчик;

рус.: артист эстрады, объявляющий номера концертной программы [ср. фр. *animateur, présentateur*];

ремонт < remonte

фр.: пополнение убыли лошадей в войсках;

рус.: починка;

фужер < fougère

фр.: папоротник;

рус.: бокал на высокой ножке;

фуришет < *fourchette*

фр.: вилка;

рус.: банкет, где едят и пьют стоя.

Особый вид заимствования – калькирование, т. е. неологизмы, созданные по образцу французских слов:

дневник < *journal*, букв. "поденный", "ежедневный"; в рус. яз. соседствуют оба слова: французское слово и его русская копия (калька), но они не равнозначны; иногда их значения существенно расходятся: "вести дневник", "издавать журнал", иногда приближаются: "классный журнал" и "школьный дневник";

противоядие < *contrepoison* < *contre* "против" + *poison* "яд" < лат. *antidotum* "противоядие" < гр. *antidoton*, букв. "даваемое против" – лекарство, предназначенное для обезвреживания попавших в организм ядов;

прямоугольный < *rectangulaire* < лат. *rectangulus* < *rectus* "прямой" + *angulus* "угол" – имеющий прямой угол;

расстояние < *distance* < лат. *distantia* < *dis* (< гр. *dys*) – приставка обозначает разделение, отделение + лат. *stare* "стоять" – расстояние, разделяющее два пункта;

трогательный < *touchant* < *toucher* "трогать" – чувствительный;

утка (газетная) < *canard: lancer (donner) un canard* "пустить утку" – ложный слух;

утонченный < *raffiné* < *fin* "тонкий, деликатный" – человек с изысканным вкусом.

В русском языке созданы кальки, образованные по модели французских устойчивых выражений:

задняя мысль < *arrière-pensée* < *arrière* "сзади" + *pensée* "мысль";

идти (в значении *aller bien à qn* "быть к лицу кому-либо");

медовый месяц < lune de miel < lune "луна" + miel
"мед";

хороший тон < bon ton "хороший тон";

чистокровный < pur sang "чистая кровь".

При переходе в русский язык калькированию могли подвергаться фразеологизмы (Виноградов 1982: 181), т. е. создавались *фразеологические кальки*:

быть как на иголках < être sur les épines

быть не в своей тарелке < ne pas être dans son assiette
(во фр. яз. assiette имеет два значения "тарелка"
и "положение" – при переводе на русский язык
произошло смешение этих значений)

видеть в черном свете < voir tout en noir

водить кого-нибудь за нос < mener quelqu'un par
le nez

вопрос жизни и смерти < une question de vie et de
mort

дело вкуса < c'est l'affaire de goût

игра не стоит свеч < le jeu n'en vaut pas la chandelle

иметь зуб против кого-нибудь < avoir une dent
contre qn

на первый взгляд < au premier aspect

называть вещи своими именами < appeler les choses
par leur nom

проглотить пилюлю < avaler la pilule

работать как вол < travailler comme un bœuf

рог изобилия < corne d'abondance

рука руку моет < une main lave l'autre

с птичьего полета < à vol d'oiseau

сводить концы с концами < joindre les deux bouts

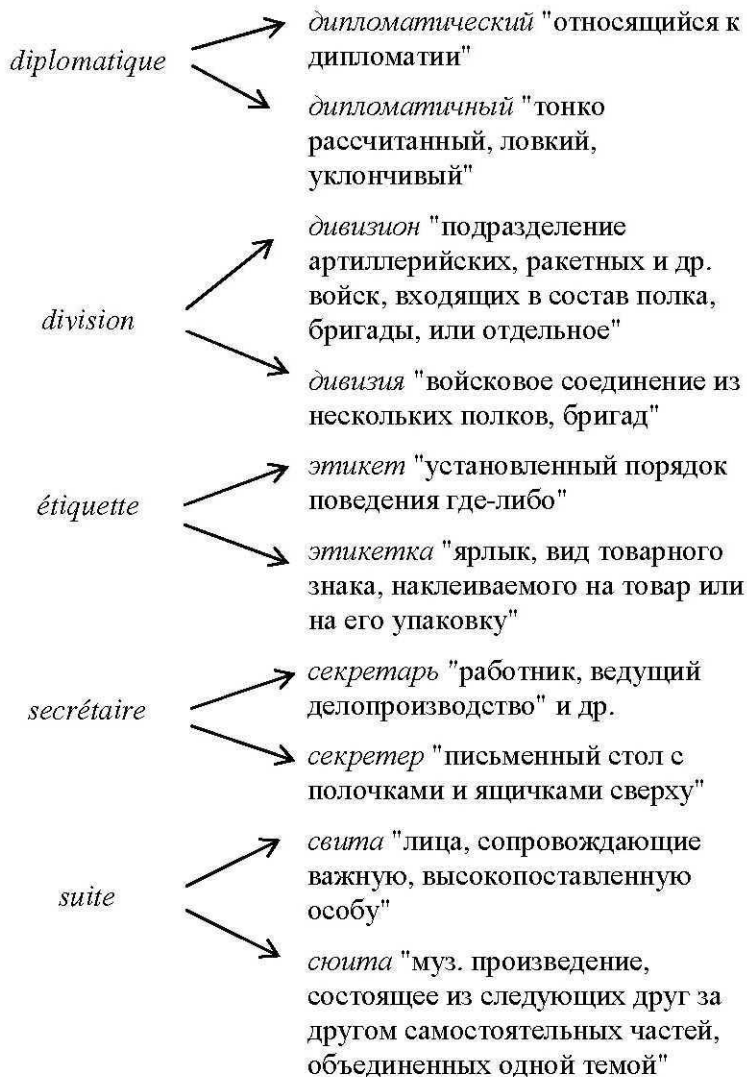
устроить сцену кому-нибудь < faire une scène à qn

черт подери < diable m'importe

это для меня китайская грамота < c'est du chinois
pour moi.

На базе некоторых французских слов в русском языке возникли *этимологические дублиеты*, "парные

образования, восходящие к единому этимону, заимствованные в разные периоды развития общества, отличающиеся друг от друга как по звучанию, так и по значению" (Лобашевская 1978: 18):

Значения одного французского слова, подтверждающие двойственность языкового знака, были разведены в русском языке между двумя разными словами, возникшими на основе данного слова. Вышеуказанное явление стало возможно благодаря фонетическим (секретарь – секретер; свита – сюита) или морфологическим (дипломатический – дипломатичный; дивизион – дивизия; этикет – этикетка) образованиям. В этом проявляется связь семантики, фонетики, морфологии и орфографии.

Жизненность заимствованных русским языком иностранных слов, в том числе французских, объясняется тем, что это были преимущественно международные термины, широко известные во многих языках (Ефимов 1971: 84).

Итак, на семантическом уровне нами обнаружено следующее: сужение значения (*авантюра* < *aventure*, *карьер* < *carrière*); разведение значений по разным словам (*этикет*, *этикетка* < *étiquette*, *свита*, *сюита* < *suite*); появление нового значения, в частности, при создании полузаимствований (*тужурка* < *toujours*, *турник* < *tourner*); изменение значения в собственно французских словах (*журнал* < *journal*, *интеллигенция* < *intelligence*); создание калек (*трогательный* < *touchant*, *утонченный* < *raffiné*).

На семантическом уровне мы наблюдаем процесс, аналогичный тому, который был выявлен в разделе, посвященном грамматическим и словообразовательным изменениям французской лексики при её адаптации русским языком, а именно приведение в действие, или *активизация внутренних ресурсов языка-реципиента*.

Таким образом, при адаптации французских слов в русском языке происходили изменения на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях.

1.3. Динамика фиксации французских слов в русском языке

Изучение выявленного нами корпуса французских заимствований, проникших впоследствии в удмуртский язык, позволило составить представление о динамике их фиксации в русском языке (см. Рис. 1):

Рис. 1. Динамика фиксации французских слов в русском языке (заимствованных удмуртским языком)

Как видим, значительная часть французских слов в русском языке, согласно нашему исследованию, зафиксирована в XVIII (42,9%) и XIX (40,7%) веках, что обусловлено тесными историческими контактами России и Франции.

Поскольку французские слова в основном были заимствованы русским языком в XVIII–XIX вв. (83,6%), то мы сочли необходимым рассмотреть соотношение слов внутри каждого из этих веков (см. Рис. 2, 3).

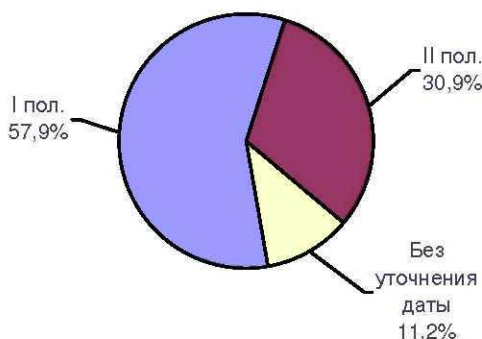

Рис. 2. Фиксация французских слов в русском языке в XVIII веке (заимствованных удмуртским языком)

Как свидетельствуют количественные подсчеты, преобладающая часть французских слов была заимствована русским языком в 1-й половине XVIII в. (около 60%), причем значительная часть слов приходится на 1-ю четверть века (более 45%). Данное наблюдение подтверждает исследования ученых, выявивших, что в Петровскую эпоху было чрезвычайно интенсивно западноевропейское влияние. На этот период в 30-е гг. приходится более половины заимствований из разных языков всего XVIII в. (Биржакова 1972: 170; Ист. лексики... 1981: 59).

Во второй половине XVIII в., начиная с 1740-х годов, явно преобладает осторожность в прямом заимствовании иностранных слов. Положение с заимствованными словами на протяжении XVIII в. исследователи считают неустойчивым. *Пуризм* был господствующим течением (Сорокин 1965: 45–47).

Данные XIX в. выглядят следующим образом:

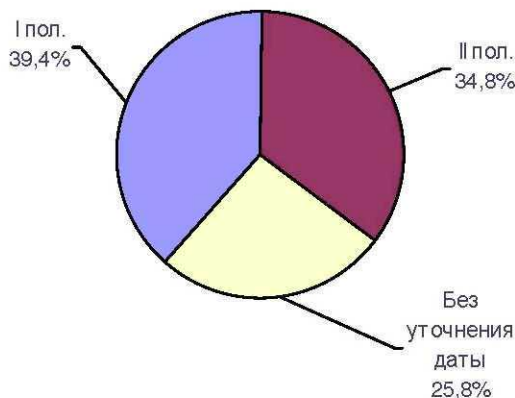

Рис. 3. Фиксация французских слов в русском языке в XIX веке (заимствованных удмуртским языком)

Проникновение французских слов в русский язык в XIX в., согласно данным этимологических словарей, осуществлялось достаточно равномерно, с некоторым преобладанием в 1-й половине века.

Исходя из исследований ученых, начало XIX в. не внесло заметных изменений по отношению к иностранным словам. Резкий перелом наступает к 1830-м годам. Поток заимствований в эти годы становится намного сильнее и последовательно нарастает к середине века, до 1860–1870-х годов включительно.

На вторую половину XIX в. приходится расцвет русской науки, которая развивается в обстановке острых дискуссий вокруг проблем мировоззренческого и методологического характера. В эту эпоху, особенно в ее первые десятилетия, пробуждается громадный интерес русской общественности к науке. Именно в эти годы в основном определился широкий круг терминов западно-европейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему (Бельчиков 1974б: 27; Сорокин 1965: 48).

Что касается установления времени заимствования, то ответ на этот вопрос возможен лишь тогда, когда то или иное заимствование связано с памятником, хронологически документированным. Но и в этом случае можно говорить лишь об относительном установлении времени конкретного заимствования. Заимствованное слово представляет готовый лексический материал, который может быть взят из одного языка в другой в разное время. При наличии большого количества письменных памятников и документов, в которых может быть употреблено то или иное заимствованное слово, чрезвычайно трудно установить наиболее раннюю его фиксацию. Поэтому понятия "первая фиксация", "самое раннее употребление" должны применяться с большой осторожностью (Сорокин 1965: 59–60; Сороколетов 1970: 287). В своем исследовании мы использовали данные словарей, в которых датировка того или иного конкретного слова не всегда совпадала. В целом же разброс в датах незначителен, что, как нам кажется, позволяет говорить об относительной достоверности приведенных выше количественных подсчетов.

Раздел II. КОНТАКТЫ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

2.1. Историческая основа взаимодействия удмуртского и русского народов и их языков

На протяжении своей истории удмуртский язык развивался в контексте с болгарским (VIII–XVII вв.), с татарским (XIV–XVI вв., местами до настоящего времени), с русским (с XI–XII вв. и до наших дней), маргинально – с марийским, башкирским, коми-пермяцким и другими языками. Наиболее ощутимый след в удмуртском языке оставили контакты с татарским и русским (Алатырев 1958; Вахрушев 1959: 190–200; Кельмаков 2000: 37; Насибуллин 1999; Перевощиков 1963; Тараканов 1981: 32–51; 1982a: 21–49, 1982b: 153–156; Csúcs S. 1970; 1972; Rédei 1972; Wichmann 1903 и др.).

Удмурты с древних времен заселяли междуречье Камы и Вятки. До присоединения к Русскому государству они прошли длительный путь общественно-экономического развития. Их основными занятиями были земледелие, домашнее скотоводство, отчасти охота, рыболовство; удмурты имели относительно развитое ремесло.

Первые контакты славян и финно-угров Вятского края, по мнению исследователей, относятся к X–XI вв. Об этом свидетельствуют археологические находки славянских украшений на средневековых могильниках региона (Макаров 1993: 31–32). Начало славянского заселения земель по р. Вятке началось в XII–XIII вв. (Владыкин, Грипина 1970: 3–4; Лушпов 1889: 56; Макаров 1993: 32; Фотеев 1978: 78, 82).

Из-за вторжения в VIII в. в Камско-Вятское междуречье булгарских племен и нашествия в XIII столетии татаро-монгольских завоевателей удмурты юга долгое время не могли соединиться с северными удмуртами.

Борьба с татаро-монгольским владычеством сопровождалась установлением тесных связей удмуртов с русским населением. Находясь под постоянной угрозой разграбления и угона в рабство татаро-монголами, русские покидали свои насиженные места и бежали в малодоступные районы междуречья Камы и Вятки. Впоследствии здесь укрывались русские крестьяне, спасаясь от крепостнического гнета (Перевожиков 1963: 4).

Вхождение населения Вятской земли в конце XV в. в состав формирующегося русского централизованного государства не было добровольным, как это принято было считать ранее. Историки не располагают какими-либо свидетельствами волеизъявления северных удмуртов относительно их вхождения в состав Великого княжества Московского. Присутствие 64-тысячного войска было убедительным аргументом, чтобы этот акт совершился "добровольно" и не вызвал попыток сопротивления основной массы крестьянства не только удмуртского, но и русского (Гришкина 1994: 31). Количество переселенцев увеличивалось, и в XVIII в. в Вятской губернии появились первые совместные селения удмуртов и русских, число таких селений со смешанным национальным составом в последующие столетия все возрастало (Кельмаков 1986: 32).

В начале XVIII в. русификация удмуртов стала широко распространенным явлением: к 30-м годам они женились на русских, некоторые приглашали русских в кумовья (Миллер 1791: 66). Часть удмуртов постепенно переходила на русский язык. Определенную роль в сближении удмуртов и русских сыграла и политика насильственной христианизации. Указ 1740 г. предписывал при крещении удмуртов быть приемниками "старинных

русских людей". Результат этого указа до сих пор сохраняется в терминологии родства: можгинские и ижевские удмурты крестного зовут *жуч айы* "русский отец", а крестную *жуч мумы* "русская мать". Было желательно, чтобы новокрещенные вступали в браки с русскими; для сглаживания неодинаковости брачных обычаев предписывалось русских склонять к тому, чтобы они поступали по инородческому обычаю (Луппов 1889: 131; Шкляев 1998: 60).

Начавшийся в XVI–XVIII вв. процесс ассимиляции удмуртов продолжался и в первой половине XIX в. В это время наблюдался усиленный приток русского населения на территорию проживания удмуртов. За краткий (в историческом плане) промежуток времени оно увеличилось в несколько раз, усилилось и влияние русской культуры на удмуртскую. Наиболее быстрые и глубокие по своим результатам темпы русификации отмечены в Глазовском уезде, возле заводов Ижевского и Воткинского, в восточной части Сарапульского уезда и по почтовым трактам (Шкляев 1998: 60, 104). Так, например, в Завьяловской волости – вблизи Ижевского завода – в одежде удмурток в конце XIX в. стал преобладать синий цвет, любимый русскими (Верецагин 1886: 26).

Если первоначально русские и удмурты проживали в отдельных населенных пунктах, то к концу XIX в. не было ни одной волости с исключительно удмуртским населением. В каждой волости, где проживало коренное население, русские располагались не отдельными селениями, а совместно с удмуртами. По данным переписи восьмидесятых годов XIX в., из 1704 деревень, в которых прежде жили лишь удмурты, уже 47% были со смешанным удмуртско-русским населением. В отдельных уездах процент удмуртско-русских населенных пунктов значительно превышал эту среднюю цифру: в Елабужском – 66%, Сарапульском – 59%, Малмыжском – 53% (Луппов 1889: 17–20).

По данным на 1 января 1980 г., деревни и села с удмуртско-русским населением составили 36% от общего количества сельских населенных пунктов Удмуртской АССР, селений со сплошным удмуртским населением насчитывалось 37,7%, с русским – 24,9% (Шкляев 1983: 46). В городах, рабочих поселках городского типа, а также в районных центрах сельского типа русская часть населения, как правило, преобладала над удмуртской. Большинство (79%) сельских производственных объединений – колхозов и совхозов УАССР были многонациональными, чисто удмуртские составляли 6%, в 11 районах из 25 полностью отсутствовали моноэтнические (удмуртские) колхозы и совхозы (Шкляев 1983: 45).

Исследователи удмуртского языка неоднократно отмечали влияние русского языка на удмуртский. Имеются отдельные работы, посвященные влиянию русского языка на фонологическую систему (Акмаров, Юдина 1986; Кельмаков 1977, 1979, 1981, 1986; Осипов 1992, 1999; Поздеева 1986, 1990) и грамматический строй удмуртского языка (Перевощиков 1963; Ушаков 1982), а также исследования по сопоставительной фразеологии (Осипов 1994), грамматике и фонетике русского и удмуртского языков (Каракулова, Каракулов 2001; Кельмаков 2000).

Чаще всего внимание привлекает русская лексика, заимствованная удмуртским языком (Алатырев 1958, 1959; Алашеева 1987; Вахрушев 1955, 1959; Вахрушева 1976; Каракулова 1996; Кельмаков 2000, Насибуллин 1987, 1992, 1995, 1998, 1999; Перевощиков 1963; Соколов 1977; Тараканов 1981; Csúcs 1970–1972; Munkacsí 1884 и др.).

Общепризнано, что взаимодействие между различными языками на лексическом уровне составляет обязательную и важную страницу в истории лексики каждого национального языка (Биржакова 1972: 9).

История заимствования иноязычных слов в удмуртском языке является отражением истории удмуртского народа. Анализ словарного состава

удмуртского языка показывает, что удмуртский народ вступал в процессе своего исторического развития в непосредственные связи с разноразличными народами. Отражением этих взаимоотношений является наличие в удмуртском языке значительного количества заимствований из соседних контактирующих языков, передающих многочисленные понятия из самых различных областей человеческой жизни и деятельности (Тараканов 1982: 3).

Русскому человеку, знакомящемуся с удмуртским языком, обычно бросается в глаза большое количество в нем русизмов. Экономические, географические, политические условия способствовали тому, что удмуртский язык заимствовал из русского языка много слов, однако их чрезмерное количество, по мнению некоторых исследователей, мнимо, потому что они узнаваемы для русскоговорящих, а потому слишком заметны. Так, в удмуртском языке много и торкизмов, но они не замечаются русскоговорящими только по причине незнания ими торкских языков (Каракулова, Каракулов 2001: 28).

В удмуртском языке можно выделить целую группу русских слов, которые применяются не вместо удмуртских, а наряду с ними, находясь с последними в синонимических отношениях (Каракулова, Каракулов 2000: 30). По приблизительному подсчету около 500 русских заимствований находятся в синонимических отношениях с исконно удмуртскими (Ушаков 1993: 7). Это так называемые дублетные пары, характерные для разговорного удмуртского языка:

бутерброд – вййнянь (вййин нянь). Удмурты хлеб с маслом называют удмуртским словом (букв.: *масло + хлеб* или *с маслом хлеб*), а бутерброд с сыром или колбасой – русским *бутерброд* (в немецком обозначает "хлеб с маслом", букв.: *масло + хлеб*)

гриб – *губи*. *Грибом* называют жители Кезского района только благородные грибы (белый гриб, груздь, подберезовик...), а удмуртским словом *губи* – любые

двор – *азбар*. Русское *двор* служит для удмуртов обозначением городского общего двора, а удмуртское *азбар* – деревенского, личного

доска – *пул*. Русским словом удмурты называют только школьную доску, а удмуртским *пул* – любую доску

желудок – *жуш*, *печень* – *мус*, *почки* – *пекеля*.

Русскими словами этой группы удмурты называют обычно внутренние органы человека, а их удмуртские эквиваленты служат для обозначения внутренних органов животных, а также блюд, приготовленных из них (Каракулова 1996а: 201–205; Каракулова, Каракулов 2001: 31).

Подобные примеры показывают, что если в языке функционируют синонимические пары слов из своего и чужого языка, билингвы, выбирая одно из них, руководствуются тем, что при противопоставлении родного и неродного языков объем понятия "неродного" слова кажется обычно меньшим и имеющим более четкие границы (Каракулова, Каракулов 2001: 32; Серебренников 1988: 82).

Удмуртский дореволюционный язык был приспособлен, по мнению исследователей, к обслуживанию простого натурального хозяйства и патриархальных отношений (Бутолин 1937: 14). Этим объясняется, прежде всего, массовое заимствование лексики, отражающее изменение всего уклада жизни удмуртов после Октябрьской революции. В удмуртском языке появляются политические и общественно-экономические термины: *общество*, *класс*, *революция*, отвлеченные понятия, которые раньше были представлены в удмуртском

языке незначительно: *литература, экономика, процесс* и т. д. С механизацией сельского хозяйства и внедрением агротехники проникают в большом количестве технические и агрономические термины: *трактор, комбайн* и т. д.

Таким образом, ведущим направлением в лексике удмуртского языка является формирование терминологической системы. Одним из эффективных путей образования отраслевой терминологической лексики можно считать переводы учебников, книг, дублирование газетных и журнальных статей и т. д. Влияние русского языка, как отмечает В.К. Кельмаков, проявлялось в различных направлениях:

а) по образцу русских терминов, возникших на базе бытовой лексики, происходило терминологическое расширение значения бытовых слов, ср.: *õtён* "приглашение" > *õtёнъёс* "призывы", *нюръяскон* "борьба (физическая)" > "борьба (классовая, идеологическая)" и др.;

б) имело место калькирование терминов русского происхождения, при этом известны случаи как полного (*часть речи* > *вераськон люкет, производительность труда* > *ужасинлык* и др.), так и неполного калькирования (*легкая промышленность* > *капчи промышленность, тяжёлая атлетика* > *секыт атлетика* и т. д.);

в) производилось описательное толкование смысла русских терминов, например: *мелиорация* – *музьем куасьтон* "осушение земли", *монополия* – *огнын кузёяськон* "единоличное господство" и др.;

г) осуществлялось прямое заимствование терминов: *автор, депутат, приёмник, суд* и т. д. (Кельмаков, 2000: 51).

Пополнение удмуртского языка за счет русской лексики сопровождается усвоением отдельных элементов звукового состава русского языка. Речь идет об усвоении удмуртским языком звуков, изображаемых буквами *ф, х, ц, и:* *фабрика, фамилия, физика, химия, колхоз, художник,*

цех, организация (Бубрих 1948: 63; Кельмаков 2000: 50; Перевопиков 1963: 10). Нет сомнений относительно факта и источника заимствования этих согласных, хотя до сих пор остается открытым вопрос о фонематическом статусе вышеуказанных звуков как в литературном удмуртском языке, так и в его диалектах. Однако влияние русского языка на фонетику удмуртского языка, с которым он контактировал в течение многих столетий, не ограничилось лишь подобными очевидными явлениями прямых заимствований относительно недавнего времени. Это воздействие было более глубоким и менее заметным, на первый взгляд, и проявилось, в частности, в том, что собственно удмуртские, обусловленные системными отношениями фонетические процессы удмуртского языка получили определенные коррективы со стороны фонологической системы русского языка. Данное явление свидетельствует о том, что наложение фонологической системы русского языка на удмуртскую способствовало оживлению и усилению тех фонетических процессов, которые были направлены на нейтрализацию наиболее специфических особенностей консонантизма и вокализма удмуртского языка (Кельмаков 1986: 35–43).

Русский язык оказал влияние не только на лексический и фонологический уровни, но и на *грамматический строй* удмуртского языка. В речи удмуртов возникают интерференционные явления, связанные с влиянием русского языка. Так, из области грамматики можно привести следующие примеры:

- употребление имен существительных, обозначающих парные предметы, во множественном числе, вместо традиционного единственного: *пельёсы жуало* "у меня уши горят" вместо *пельы жуа*, букв. "у меня ухо горит";
- сочетание имени числительного с формой множественного числа имени существительного:

вить муртъёс (новое явление) ~ *вить мурт* (традиционная форма) "пять человек";

- согласование в падеже собственного имени в функции приложения с нарицательным существительным: *профессорлы Ивановлы* "профессору Иванову" вместо *Иванов профессорлы* и т. д. (Кельмаков 2000: 54).

В области синтаксиса проявляется формирование отдельных типов сложноподчиненных предложений и увеличение частотности употребления сложных конструкций за счет вытеснения ими простых предложений с оборотами. Например, традиционным предложениям типа *Мон солэсь лыктонзэ ой тоды* "Я не знал, что он придет" (букв. "Я его приход не знал"), явно предпочитают оформленные по русскому образцу сложноподчиненные предложения типа: *Мон ой тоды, со лыктоз шуыса* (Кельмаков 2000: 50).

Таким образом, влияние русского языка на удмуртский очевидно. В свою очередь, в русской разговорной речи встречаются элементы удмуртского языка, которые носят региональный характер.

Исследование большого фактического материала по русской разговорной речи на территории Удмуртии свидетельствует о том, что влияние удмуртского языка обнаруживается прежде всего на уровне лексики и фонетики (Литвинова 1974; Прокуровская 1987: 173–175; 1990: 111–114; 1996: 195–215). Русские, проживающие в Удмуртии, свободно используют в речи общеупотребительные удмуртские слова: *мон* "я", *тон* "ты", *нянь* "хлеб", *эвэл* "нет", *мар* "что", *валамон* "понятно" и др. Так, слово *чебер* пополняет синонимический ряд со значением "красивый, привлекательный". От него образовано прилагательное *чеберистый*. В речи русских встречаются удмуртские этикетные слова *зечбур*, *чырткем* "здравствуй", *тау* "спасибо".

Лексические средства удмуртского языка в разговорной речи русских чаще всего используются в следующих случаях.

1. Для обозначения реалий:

- название магазинов, кафе, производственных учреждений: Нянь "Хлеб", Тылобурдо "Птица", Бакчасиён "Овощи", Пельнянь "Пельмени", Югдон "Рассвет", Ошмес "Родник", Зангари "Василек", Сактон "Рассвет", Наталь (удмуртская разговорная форма имени Наталья) и даже (магазин) Tay "Спасибо", (салон звукозаписи) *Gondir rekords*, где *Gondir* (*гондыр*) – "Медведь" на удмуртском языке (Каракулова, Каракулов 2001: 29);
- название периодических изданий и ансамблей: "Инвожо" (бог полудня), "Кенеш" (совет), "Италмас" (лазоревого цветка), "Чипчирган" (дуда – старинный духовой удмуртский музыкальный инструмент, сделанный из стебля недоспелки копьевидной);
- название кулинарных блюд и напитков: *табани* < удм. *табань* (кислые лепешки из всех видов муки, которые пекутся перед горячей печью), *перепечи* < удм. *перепечь* (пресные ватрушки с начинкой из мяса, грибов, редьки, свежей капусты и др., залитые омлетной массой), *зырет* (подливка, приправа к лепешкам, приготовленная из взбитых яиц с добавлением муки и молока), *шекера* (круглое печенье в виде шариков из сдобного теста), *кыстыбей* (сочни из пельменного теста с начинкой: варёный толчёный картофель, каши) (Кузнецова 2001: 13–14), *тазалык* (минеральная вода, букв. "здоровье").

Кстати, русское блюдо *пельмени* связано с финно-угорскими языками, ср. удм. *пельнянь*, что означает "ухо + хлеб", т.е. "хлеб, похожий на ухо". Словари рассматривают это слово как заимствование в русском из коми и удмуртского языков (Ф IV, 115);

- название предметов: *пестерь* < удм. *пестэр* (ранец из лыка, бересты), *туесок* < удм. *туй* "береста" (коробка из бересты с деревянной крышкой для яиц, молока, муки, сливок, соли, грибов, ягод).

Особо следует остановиться на географических названиях – топонимах. Многие из них связаны с удмуртским языком (Архипов 1965; Атаманов 1988, 1997): *Вавож*, *Игра*, *Кыйлуд*, *Лудорвай*, *Можга*, *Сюмси*, *Тыловой*, *Якиур-Бодья*.

2. Для выражения модально-оценочной семантики (русские употребляют прилагательное *чебер*): *Вот это кофточка, просто чебер* (*чебер* "красивая") // *Какое платье чеберистое* (*чеберистое* "красивое") // *А парень ничего, чеберистый такой* (*чеберистый* "симпатичный").

3. Для выражения высокой степени признака некоторые русские слова могут быть использованы с удмуртским суффиксом множественного числа *-ос/-ёс*: *Это не жизнь, а кошмаръёс* // *Нет, это ужасъёс*.

4. Удмуртские слова применяются для создания определенного комфорта общения, снятия официально-деловой его установки: *Такой важный стал, мон не мон* (*мон не мон* "я не я") // *Техника вань* (*вань* "есть"), *результат эвэл* (*эвэл* "нет").

Проникновение удмуртских элементов в русский язык в основном происходит через разговорную речь. Однако несомненно влияние и удмуртского радиовещания, телевидения, литературы и театра на русский язык в Удмуртии.

Как отмечает Н.А. Прокуровская, частота употребления удмуртских слов в речи лиц русской национальности зависит как от степени владения ими словарным составом удмуртского языка, так и от ситуации, целей и задач общения. Более или менее регулярно можно слышать высокочастотные в удмуртском языке лексемы, связанные с диалогической формой речи (Прокуровская 1990: 112–113).

Еще более существенно удмуртский язык влияет на произношение русских. Длительное контактирование двух неродственных языков, славянского и финно-угорского, сказалось на ритмико-мелодической стороне речи. Наиболее ярко проявляются интонационные особенности удмуртской речи: повышение тона в конце фразы, растягивание конечного слога. Известно, что для удмуртского языка характерно синтагматическое ударение на последнем слоге фразы (Акмаров, Юдина 1986: 141). Так, фразы типа: *Сейчас лучше выйти ва-ам // Мне два абонемента на автобу-ус //* произносятся с заметным удлинением конечных слогов. Под влиянием удмуртского языка наиболее отчетливо растягивание конечного слога проявляется в общевпросительном предложении: *Есть буде-ешь? Мы в кино сегодня идё-ём?*

Кроме того, в произношении русских в Удмуртии можно обнаружить, в частности, следующее:

- отсутствие редукции, тщательное произношение всех звуков: *палат'энциэ* (не п'лат'энциэ);
- вставка гласных при стечении согласных: *смысыл* (смысл), *аванес* (аванс);
- смягчение согласных перед гласными *и, э* особенно на стыке предлога и слова и в окончаниях прилагательных: *об'этом, в'институте, холодний*;
- упрощение групп начальных согласных: *жем* (джем), *жемпер* (джерпер);
- отсутствие оглушения конечных звонких согласных: *м'од, л'од, прил'яг* (Прокуровская 1990: 112).

Показательным, по мнению исследователей, является удмуртский акцент в русской речи удмуртов, который свидетельствует о типологических расхождениях удмуртского и русского языков, например:

на фонетическом уровне:

- отсутствие редукции безударных гласных, свойственного и для местных русских говоров;
- более заднее произношение гласного *ы*;

- более открытый характер гласного э;
- отсутствие дифтонгоидности в произношении ударного гласного о;
- шипящее (шепелявое) произношение палатальных согласных с' и з';
- отсутствие аффрицированности палатальных смычных т' и д';
- велярное произношение палатальных б', в', г', к', м', н', р', ф', х' перед последующими гласными э и и, согласными и в конце слова: на /бэрэ/гу, /ви/д, /це/п/ (цепь), /бо/р/ба, /дро/б/, /морко/в/;
- замена вышеназванных палатальных согласных сочетанием с й в позиции перед а, о, у: /нй/ать (пять), /мй/ать (мять), /мй/од (мёд), /бй/уро (бюро);
- велярное произношение щ как иши;
- неполное оглушение парных звонких (в особенности щелевых ж, з, з') в абсолютном конце слова и т. д.;
на грамматическом уровне:
- нарушение согласования в роде определения с определяемым словом;
- ошибочное употребление творительного падежа с предлогом с и без него: рубить топором ~ рубить с топором, идти с другом ~ идти другом;
- неверное употребление глагольных форм совершенного или несовершенного вида;
- неправильное употребление отдельных предлогов, например: в заводе, из завода и т. д. (Кельмаков 2000: 54–55).

Исследователи отмечают, что некоторые черты русской речи, связанные с влиянием удмуртского языка, нельзя рассматривать как регулярные. Однако они представлены даже в речи русской интеллигенции, постоянно проживающей на территории Удмуртии (Прокуровская 1987: 175).

В финно-угроведении имеются сведения о влиянии финно-угорских языков на русский язык в других регионах

России. Например, выявляются финно-угорские заимствования (коми, обско-угорские, саамские и др.) в местных географических терминах (Туркин 1988), а также в русских говорах Урала и Сибири, которые связаны, как правило, с трудовой деятельностью людей данного региона (Панченко 2000: 209–210).

Таким образом, при взаимодействии двух типологически разных языков – русского и удмуртского – обнаруживаются изменения, которые в некоторой мере затрагивают литературную норму удмуртского языка на уровне лексики, фонетики и грамматики. Влияние удмуртского языка на русский носит, как правило, региональный характер. Изменения следуют рассматривать как речевые проявления.

Особо следует остановиться на вопросе русских заимствований на уровне удмуртских диалектов. Ученые отмечают, что отдельные диалекты удмуртского языка (как и марийского) в разной степени испытывали влияние либо русского, либо татарского языков. Северные диалекты обнаруживают много заимствований из русского языка, южные диалекты – из татарского языка. Отдельно взятые диалекты подвержены иноязычному влиянию в разной степени как на фонетико-морфологическом, так и на лексическом уровнях. В лексике наибольшей русификации подвержены нижнечепецкие говоры (на севере Удмуртии), а тюркизации – ташкичинский на территории Башкортостана. Указанные говоры как бы составляют два полюса иноязычного влияния на удмуртский язык. Часть русизмов и татаризмов характерна только для этих говоров. Некоторые иноязычные элементы в других говорах постепенно заменяются исконными словами. В других случаях татаризмы,двигающиеся с юга, в какой-то точке встречаются с русизмами, далее вместо тюркизмов употребляются русизмы. Из 23-х удмуртских диалектов каждый обладает определенным числом заимствованных

лексем как из русского языка, так и из татарского (Насибуллин 2000: 191).

Наличие русских заимствований в удмуртских диалектах находится в прямой зависимости от количества в них татарских заимствований. В диалектах постоянного контактирования удмуртского народа с тюркскими народами, где местное население характеризуется развитым двуязычием и многоязычием, процент употребления татарских заимствований в два раза больше, чем в диалектах северного, срединного и пограничного контактирования вместе взятых. Конкретно в процентном отношении от общего количества тюркизмов они распределены следующим образом:

1. В периферийно-южных диалектах употребление тюркизмов составляет 49,7%;
2. В южных пограничных говорах – 37,1%;
3. В северных и срединных диалектах – 13,2%.

Влияние тюркских языков сказалось не только на лексическом и семантическом уровнях, но и на фонетике и грамматическом строе удмуртского языка (Тараканов 1993: 25–26).

В нашем исследовании мы изучаем лексику литературного удмуртского языка, не заостряя внимание на лексике отдельных удмуртских диалектов, но имеем в виду, что некоторые различия, несомненно, присутствуют. Заметим, что литературный удмуртский язык обогатился за счет местных диалектов (Тараканов 1998: 109). После Октябрьской революции во всех национальных языках произошел "процесс перемалывания, нивелировки диалектов" (Иванов 1990: 56), но к удмуртскому языку это относится не в полной мере.

Как уже отмечалось выше, русская лексика, заимствованная удмуртским языком, является неоднородной в этимологическом плане. Опираясь на исследования ученых, занимающихся вопросами контактирования русского и национальных языков

(Взаимовлияние... 1987: 141–218; Насибуллин 1999 и др.), и собственный языковой материал, мы выделили среди русской лексики, заимствованной удмуртским языком, следующие группы с точки зрения её происхождения:

- 1) лексика древних языков: греческий (*антоним, архаизм, кафедра, терапевт, теорема, философия, хирург*) и латинский (*аспирант, лектор, пролетарий, транскрипция, туберкулез, фикус*);
- 2) лексика современных европейских языков, преимущественно романо-германских: французский (*армия, антрекот, комбинезон, лейтенант, рояль, этажерка, этюд*), итальянский (*арка, казарма, кантата, консерватория, оперетта, паста, тара*), испанский (*гитара, карамель, мандарин, негр, попугай, силос, шоколад*), немецкий (*балетмейстер, комендатура, мотороллер, панцирь, фельдмаршал, инициэль, итанга*), английский (*бульдозер, танк, комбайн, лидер, лифт, митинг, теннис, трамвай*), голландский (*вахта, крейсер, мачта, трос, флаг, иллюпка, иторм*);
- 3) лексика языков народов бывшего СССР: украинский (*бандура, борщ, вареники*), молдавский (*брынза, цигейка*), грузинский (*кинза, лаваш*) и др.;
- 4) общеславянский (*беда, бой, борозда, брат, капля, клад*) или собственно русский фонд (*балалайка, бедняк, бестолковой, больница, бумажник, верной, власть*).

В нашем исследовании, как это следует из его названия, изучается французский пласт русских заимствований в удмуртском языке.

2.2. Тематические группы в составе русской лексики французского происхождения в удмуртском языке

2.2.1. Основной словарный фонд удмуртского языка в его отношении к опосредованным заимствованиям

Одним из эффективных методов сопоставительного изучения лексики является распределение слов по тематическим группам. В течение XX в. ученые неоднократно обращались при рассмотрении лексики языков к понятию слова с целью выделения тематических групп. В первой половине XX в. наиболее продуктивно в этой области работал немецкий лингвист Ф. Дорнзайф (Dornseif 1934). Значительный вклад в создание тематического словаря внесли европейские ученые-лингвисты Р. Халлиг и В. фон Вартбург. В 1952 г. они выпустили известную в Европе книгу на немецком языке "Система понятий как основа для лексикографии" (Hallig-Wartburg 1952). О данной книге в европейской печати вышло более 200 откликов. Авторы переиздали свою книгу через одиннадцать лет с учетом замечаний и пожеланий своих оппонентов, а также на основе своих дальнейших изысканий (Hallig-Wartburg 1963). Второе издание было высоко оценено нашими соотечественниками Ю.Н. Карауловым (Караулов 1976: 313–340) и Ю.С. Степановым (Степанов 1975: 50–53). Оно включает обширное предисловие на немецком и французском языках. Авторы обосновывают необходимость классификации лексики с учетом системы понятий, объясняют принцип классификации и её практическую значимость, отмечая при этом, что при классификации лексики необходимо учитывать три компонента *"слово-предмет-понятие"*. Предпринятые ранее попытки создать классификацию без учета всех компонентов приводили, по мнению авторов, к затруднениям. Трудности возникают по двум причинам: во-первых, не все слова обозначают

предметы; это могут быть отвлеченные понятия, связанные с качеством, количеством, движением и т. д., во-вторых, слово может иметь множество значений; многозначные слова трудно отнести к тому или иному понятийному полю (Hallig-Wartburg 1963: 29–51).

Классификация по тематическим группам имеет большое значение при изучении заимствований. Большинство исследователей, изучающих заимствования, в той или иной мере затрагивают эту область, предлагая свои варианты классификаций. Выделение тематических групп позволяет выявить хозяйственное, культурное, общественное взаимовлияние контактирующих народов.

В удмуртском языкознании попытки классифицировать заимствованную лексику по тематическим группам были сделаны в первых учебниках русского и вотяцкого языков для вотяков (ПервУч. 1892, 1898, 1905, 1912 и др.). Наиболее полное исследование, посвященное заимствованиям в удмуртском языке, относится к восьмидесятым годам XX столетия. Это монография И.В. Тараканова "Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты" (Ижевск, 1982). И.В. Тараканов дает детальную классификацию тюркских заимствований в удмуртском языке, базируясь на различных классификациях отечественных исследований. Изучение лексики с учетом тематических групп позволило автору сделать вывод о сфере влияния тюрков. Так, в раннюю, болгарскую, эпоху наибольшее количество слов проникло из области сельскохозяйственного производства, животноводства, ткачества, свадебно-обрядовой терминологии. В более позднюю, татарскую, эпоху преобладают слова, обозначающие предметы домашнего хозяйства, одежду, животный мир, а также слова, связанные с характеристикой человека: качеств, свойств, действий, состояний (Тараканов 1982, 1993).

Как уже отмечалось выше, русские заимствования в удмуртском языке изучал удмуртский языковед

Р.Ш. Насибуллин. При распределении слов он исходил из классификационной системы слов на понятийной основе, разработанной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом. Мы взяли за точку отсчета данную классификационную систему, вслед за Р.Ш. Насибуллиным (1998), изучавшим русские заимствования дооктябрьского периода в удмуртском языке. Во-первых, она не утратила своей научной ценности по сей день, во-вторых, она дает возможность проводить сравнительное изучение лексики на синхронном и диахронном уровнях (Hallig-Wartburg 1963: 49). Это сравнение позволит нам выявить доленое участие русских слов французского происхождения в дооктябрьский и послеоктябрьский период относительно тематических групп.

Изучая в удмуртском языке русские заимствования дооктябрьского периода на уровне тематических групп, Р.Ш. Насибуллин пришел к следующим выводам. Основная масса первых русских заимствований относится к так называемому культурному слою лексики, т. е. заимствованные слова большей частью обозначают предметы и понятия, созданные человеческими руками (*коса, лопата, сеялка, машина, станок, циркуль, автомобиль, шляпа, сапоги, школа, тетрадь, ружьё, пушка, книга, венок*) и человеческой фантазией (*бес, домовой, банник, царство небесное, благовещение, Святой Дух, рай, мытарство*), а также те предметы и понятия, которые ранее не бытовали и не бытуют в окружении удмуртов (*слон, кит, белый медведь, лев, тигр, павлин, удав, ехидна, сельдь, пальма, виноград, кукуруза, баобаб*) (Насибуллин 1998: 40).

При рассмотрении галлицизмов в других языках (например, германских, славянских, балтийских) исследователи констатируют, что по своему функциональному употреблению более половины из них относятся к терминологической лексике самых различных отраслей: технической, политической, военной, экономической, филологическим дисциплинам (Банкав 1986: 18).

Систематизация языкового материала по тематическим группам требует в первую очередь выделения групп, составляющих основной словарный фонд языка, ядро его лексической системы. Исследователи относят к ним основные термины родства, наименования частей тела, названия времен года и явлений природы, а также количественные числительные, качественные прилагательные, важнейшие глаголы. Приведем ниже удмуртские слова, относимые к *основному словарному фонду* удмуртского языка:

Основные термины родства:

<i>мумы</i> "мать"	<i>сузэр</i> "сестра"
<i>бубы</i> "отец"	<i>кали</i> "сноха"
<i>ныл</i> "дочь"	<i>ичимень</i> "невестка"
<i>ти</i> "сын"	<i>чужмурт</i> "дядя (брат матери)"

Части тела:

<i>йыр</i> "голова"	<i>кыл</i> "язык"
<i>син</i> "глаз"	<i>ки</i> "рука"
<i>ныр</i> "нос"	<i>кӧт</i> "живот"
<i>ым</i> "рот"	<i>мӧля (гадь)</i> "грудь"
<i>пель</i> "ухо"	<i>тыд</i> "нога"
<i>бам</i> "щека"	<i>тыбыр</i> "спина"

Времена года. Явления природы:

<i>гужем</i> "лето"	<i>гудыри</i> "гром"
<i>сйзъял</i> "осень"	<i>зор</i> "дождь"
<i>тол</i> "зима"	<i>лымы</i> "снег"
<i>тулыс</i> "весна"	<i>ву</i> "вода"
<i>шунды</i> "солнце"	<i>му</i> "земля"
<i>тӧл</i> "ветер"	<i>кизили</i> "звезда"
<i>ӝардон</i> "рассвет"	<i>тыл</i> "огонь"

Количественные числительные:

<i>одйг</i> "один"	<i>ныль</i> "четыре"
<i>кык</i> "два"	<i>вить</i> "пять"
<i>кунь</i> "три"	<i>куать</i> "шесть"

Качественные прилагательные:

<i>умой</i> "хороший"	<i>паськыт</i> "широкий"
<i>урод</i> (рус.) "плохой"	<i>сюбег</i> "узкий"
<i>чебер</i> "красивый"	<i>капчи</i> "легкий"
<i>шуныт</i> "теплый"	<i>секыт</i> "тяжелый"
<i>кезьыт</i> "холодный"	<i>пичи</i> "маленький"
<i>жужыт</i> "высокий"	<i>бадъым</i> "большой"
<i>лапег</i> "низкий"	<i>тöдды</i> "белый"
<i>мур</i> "глубокий"	<i>сьöд</i> "черный"
<i>вуж</i> "старый"	<i>вож</i> "зеленый"
<i>выль</i> "новый"	<i>горд</i> "красный"
<i>кузь</i> "длинный"	<i>лыз</i> "синий"
<i>вакчи</i> "короткий"	<i>йуж</i> "желтый"

Важнейшие глаголы:

<i>лэсьтыны</i> "делать"	<i>мыныны</i> "идти"
<i>адъыны</i> "видеть"	<i>ветлыны</i> "ходить, ездить"
<i>учкыны</i> "смотреть"	<i>сылыны</i> "стоять"
<i>кылыны</i> "слышать"	<i>пукыны</i> "сидеть"
<i>кылзыны</i> "слушать"	<i>луыны</i> "быть"
<i>сётыны</i> "дать"	<i>вераськыны</i> "говорить"
<i>валаны</i> "понимать"	<i>изъыны</i> "спать"
<i>вераны</i> "сказать"	<i>кырзаны</i> "петь" и т. д.

Среди удмуртских слов, входящих в основной словарный фонд, мы не обнаружили слов изучаемого нами пласта лексики. Основной словарный фонд лексики удмуртского языка оказался *непроницаемым* для иноязычных заимствований исторически относительно ближнего нам времени.

2.2.2. Распределение опосредованных заимствований в удмуртском языке по тематическим группам

Опираясь на данные исследований и собственный анализ языкового материала, мы разработали классификацию русских слов французского происхождения в удмуртском языке на уровне тематических групп, отражающих влияние внешних факторов в процессе освоения заимствований удмуртским языком.

Изучаемая нами лексика словарного состава удмуртского языка, находящаяся на периферии основного словарного фонда, была распределена нами по тематическим группам, которые мы объединили в три раздела:

А. Вселенная.

Б. Человек:

1. Человек как физическое существо;
2. Душа и интеллект;
3. Человек как социальное существо.

В. Человек и вселенная.

А. В с е л е н н а я

Небо, атмосфера, земля: *бриз, каскад, климат, муссон, пляж, рельеф, ураган.*

Минералы, природные ископаемые: *азот, аметист, боксит, газ, графит, колчедан, минерал, топаз.*

Растительность: *абрикос, анис, бамбук, банан, бергамот, бутон, валерьяна, ваниль, жасмин, какао, камелия, лиана, люцерна, маис, мускат, олеандр, редис, резеда, ренет, салат, спаржа, тюльпан, шампиньон, эспарцет.*

Животные: *антилопа, бекас, бизон, боа, жираф, зебра, канарейка, кашалот, колибри, лангуст, муфлон, омар, орангутанг, пантера, пеликан, пингвин, солитёр, тритон, шимпанзе.*

Б. Ч е л о в е к

I. Человек как физическое существо

Внешность, органы: *блондин, метис, негр, нерв, профиль, пульс, раса, талия, физиономия, шатен.*

Движение, положение, действие: *гипнотизировать карыны, жест, поза, шокировать карыны.*

Болезни: *гангрена, грипп, дифтерия, инвалид, истерика, коклюш, колики, мигрень, парализовать карыны, спазма, тик, шанкр, шок, эпилепсия.*

Человеческие потребности

Пища

Блюда, выпечка, продукты: *антрекот, бисквит, бульон, вермишель, винегрет, гарнир, желатин, желе, консерв, котлет, крем, маргарин, маринад, маринованной, мариновать карыны, пюре, рагу, рафинад, рафинадной, сосиска, соус, томат, фарш, филе.*

Напитки: *компот, коньяк, ликёр, лимонад, сироп, ситро, шампанской.*

Кондитерские изделия: *драже, мармелад, помадка.*

Общая лексика: *гурман, деликатес, десерт, десертной, меню.*

Другие потребности

Курение: *никотин, сигара, сигарета.*

Одежда

Одежда: *берет, блуза, жакет, жилет, кальсон, камзол, кашне, костюм, пальто, панама, панталон, пилотка, сюртук, трико, трикотаж, тужурка, фрак, фуражка, шаль, шапка, шарф.*

Детали одежды, аксессуары, украшения: *борт (одежды), браслет, брильянт, брошка, вуаль, галун, декольте, капот, капюшон, кокетка, кулон, лампас, манжет, медальон, пелерина.*

Обувь: *ботик, ботинка, боты, галоша, гетра.*

Общая лексика: *демисезонной, клёш, мода.*

Материалы для изготовления одежды

Ткани: ажур, байка, батист, бостон, бумазель, габардин, газ, гобелен, драп, канва, кашемир, коленкор, креп, марля, плюш, репс, сатин, саржа, тафта, тюль, фланель, шевит.

Материалы: фетр, фетровой, шагрень, шевро, шевровой.

Уход за собой

Туалет, косметика: букли, маникюр, парик, помада, пудра.

II. Душа и интеллект

Разум, мысль, интересы: анализ, анализировать карыны, дебатировать карыны, детализировать карыны, идиот, интерес, интересно, интересной, констатация, констатировать карыны, критика, критиковать карыны, курьёз, курьёзной, машинальной, педант, пикантной, принцип, резюме, резюмировать карыны, сувенир, талант, шифр, шифровать карыны.

Воля, желания, намерения: альтернатива, дезорганизатор, дезорганизация, инициатива, инициативной, инициатор, каприз, комплимент, контролёр, контролировать карыны, контроль, контрольной, мотивировать карыны, организатор, организовать карыны, перспектива, перспективной, план, проект, проектировать карыны, пунктуальной, ревизовать карыны, резон, резонной, риск, рисковать карыны, рутина, шанс.

Чувства, эмоции: амбиция, апломб, ирония, конфуз, кошмар, паника, раж, романтик, романтика, романтической, сенсация, сентиментальной, серьёзной, сюрприз, фанфарон, флегматичной, шик, экспансивной, экспрессивной, экстаз, эгоизм, эгоист, эгоистической, экстравагантной, элегантной, эмоция.

Мораль, нравственность: агрессивной, афера, аферист, дебош, деморализация, интрига, интриган, каналья, лояльной, меркантилизм, меркантильной,

морализовать карыны, моралист, мораль, моральной, пардон, респектабельной, шарлатан.

III. Человек – социальное существо

Взаимоотношения в обществе: банда, бригада, визит, визитной, галантной, деликатной, дипломатичной, дискредитировать карыны, интимной, карьерист, компания, компаньон, компрометировать карыны, манер, манерьяськыны, мизантроп, партнер, престиж, реверанс, репутация, садизм, садист, такт, третиловать карыны, фаворит, фаворитка, шантаж, этикет.

Речь: анекдот, галиматъя, диалог, диктовать карыны, каламбур, лаконической, монолог, парировать карыны, полемика, резонёр, реплика, секрет, фраза, фразёр.

Жилье

Внутренний вид помещения: будуар, вестибюль, гардероб, душ, зал, кабинет, кулуар, ниша, паркет, салон, туалет, этаж.

Постройки вне помещения: балкон, барак, гараж, мансарда, навильон, палисад, паранет, терраса, тротуар.

Строительные материалы: асфальт, бетон, брикет, гравий, лак, толь.

Общая лексика: ремонт.

Мебель, обстановка: абажур, буфет, бюро, гарнитур, диван, канделябр, комод, курантёс, кушетка, люстра, мебель, меблировать карыны, плафон, портьера, софа, табурет, трельяж, трюмо, этажерка.

Кухонная посуда, утварь: бак, баллон, бидон, бокал, бутылка, бутылъ, кастрюля, розетка, сервиз, фаянс.

Другие предметы: ванна, гамак, кассета, пакет, портмоне, портсигар, рулон, сак.

Населенные пункты, учреждения

Устройство населенного пункта: авеню, аллея, артезианской, ассенизация, бульвар, газон, дренаж, парк.

Почта, телеграф: адрес, бандероль, бланк, депеша, телеграф.

Другие учреждения: арсенал, бассейн, кафе, отель, пансион, ресторан.

Территориальное подразделение: департамент, кантон, коммуна, коммунальной, район, районной.

Страна, государство, общество

Социальное деление общества: аристократ, аристократической, барон, буржуа, буржуазия, вассал, ветеран, виконт, гарем, дама, деклассированной, интеллигенция, кавалер, каста, класс, лакей, мадам, мадемуазель, миллиардер, миллионер, патрон, пенсионер, пионер, принц, свита, сюзерен, шейх, шеф, элитной, эмир.

Нации: араб, арабской, тюрк, фламандской.

Руководящие органы, организации: ассамблея, комитет, организация, парламент.

Должности, кадры: вакансия, вакантной, кадрѣс, карьера, коррупция, министр, мэр, премьер, премьер-министр, протекционизм, секретарь.

Делопроизводство: папье-маше, пресс-папье.

Режим, принцип устройства: абсолютизм, бюрократ, бюрократизм, бюрократия, демократ, демократия, денационализация, жандарм, жандармерия, милитаризм, монархист, муниципализация, национализация, режим, роялист, трон, унитарной, федерализм, федералист, эшафот.

Выборы: баллотировать карыны, баллотироваться карыны, баллотировка, бюллетень, секретариат.

Политическая деятельность: авангардной, блок, дебаты, девиз, империализм, империалист, империалистической, клика, коалиция, коммуна, коммунизм, коммунист, консерватизм, контрреволюционер, контрреволюция, лига, манифест, марионетка, марионеточной, национализм, оппортунизм, оппортунист, партия, пацифист, реакционер, реваншизм, революционер, революционной, революция, ренегат,

реформа, реформизм, реформировать карыны, саботаж, саботировать карыны, солидарность, солидарной, социализм, социальной, тотальной, трибуна, фракция, шовинизм, шовинист, эмансипация.

Средства массовой информации: *афишировать карыны, дезинформация, дезинформировать карыны, журналист, журналистика, журналистка, корреспондент, манипулировать карыны, манипуляция, муссировать карыны, плакат, пресса, пропаганда, редакция, реклама, рекламировать карыны, репортаж, утрировать карыны.*

Общая лексика: *анкета, анкетной, декретировать карыны, директива, инструктивной, космополит, патриот, суверенной.*

Внешняя политика: *аккредитовать карыны, аннексия, атташе, виза, денонсация, денонсировать карыны, дипломат, дипломатической, дипломатия, контрабанда, паспорт, эмиграция.*

Национальная оборона

Войсковые единицы: *армия, батальон, батальонной, батарея, десант, десантной, дивизион, дивизионной, дивизия, резерв, эскадра, эскадрилья, эскадрон, эскорт, эскортировать карыны.*

Иерархия, персонал, звание: *десантник, драгун, интендант, капитан, капрал, комиссар, конвоир, контр-адмирал, корнет, курьер, лейтенант, маршал, минёр, мушкетёр, ранг, сапёр, сержант.*

Виды оружия: *арбалет, артиллерийской, артиллерия, бомба, зенитной, калибр, карабин, мина, мушкет, патрон, пистолет, пистон, револьвер, фугас.*

Военные укрепления: *амбразура, база, баррикада, баррикадировать карыны, бастион, блиндаж, кордон, пост, траншея, цитадель.*

Оборудование, снаряжение: *галифе, гимнастерка, каска, кокарда, планшет, португез, шинель, эполет.*

Гарнизонная служба: гарнизон, комендант, комиссариат, лазарет, марш, маршевой, маршировать карыны.

Война и военные действия: авангард, арьергард, атака, атаковать карыны, баталия, бомбардировать карыны, героической, герой, дезертировать карыны, демаскировать карыны, демобилизация, диверсант, дуэль, залп, кампания, канонада, командовать карыны, контратака, манёвр, маневрировать карыны, мародёр, маскировать карыны, медаль, минировать карыны, мобилизация, пароль, партизан, патрулировать карыны, патруль, пикет, плацдарм, рапорт, рапортовать карыны, реванш, трофей, фланг, форсировать карыны, фронт, фронтальной.

Художественная литература и искусство

Литература: баллада, беллетристика, биограф, биографической, биография, бульварной, виньетка, героиня, куплет, лирика, мадригал, мемуар, персонаж, плагиат, плеяда, поэма, поэт, поэтесса, поэтизировать карыны, пролог, прототип, пьеса, ремарка, роман, романист, рондо, сатира, сентиментализм, фельетон, фельетонист, этиграф, этилог, этиафия, этической, юмористика.

Театр: авансцена, амфитеатр, анонс, анонсировать карыны, антракт, аплодировать карыны, аплодисментъёс, артист, артистка, афиша, бельэтаж, бенефис, бинокль, варьете, водевиль, грим, гримировать карыны, дебют, дебютировать карыны, декоратор, декорация, контрамарка, конференсье, костюмерной, кулисаос, ложа, партер, премьеры, рампа, режиссер, репертуар, репетировать карыны, репетиция, роль, спектакль, суфлёр, суфлировать карыны, театр, театральная, фойе, эстрада.

Музыка: аккомпанемент, аккомпаниатор, аккомпанировать карыны, аккорд, ансамбль, бас, вокальной, гамма, дирижёр, дирижировать карыны,

диссонанс, мажорной, мотив, ноктюрн, оркестр, пианист, романс, серенада, сюита, тембр, тон, увертюра.

Музыкальные инструменты: аккордеон, виолончель, кларнет, патефон, рояль, шарманка.

Живопись: акварель, альбом, батальной, контраст, контрастной, контур, кубизм, палитра, панорама, пейзаж, пейзажист, портрет, портретист, ретушёр, ретушировать карыны, ретушь, силуэт, тушь, фон, шарж, экспрессионизм, эскиз, этюд.

Скульптура: барельеф, бронза, бюст, декоративной, обелиск, панно, пьедестал, статуэтка.

Другие виды изобразительного искусства: гравёр, гравировать карыны, гравюра, мозаика, мозаичной.

Архитектура: готика, колонна, колоннада, купол, мемориал, фас, фасад.

Цирковое искусство: акробат, аллюр, балансировать карыны, дрессировать карыны, жокей, жонглёр, жонглировать карыны, манеж, трюк.

Хореография: балет, вальс, вальсировать карыны, кадриль, танцор.

Кино: актёр, актёрской, актриса, дублёр, дублировать карыны, кадр, экран.

Общая лексика: галерея, драматической, классической, натурализм, нюанс, реалист, романской, романтизм, реставрировать карыны, символизм, стилист, шедевр, эмаль.

Транспорт, передвижение

Наземный транспорт: абонемент, автомобиль, вагон, велосипед, велосипедист, депо, дилижанс, кабина, катафалк, купе, лимузин, локомобиль, локомотив, мотоциклист, педаль, педальной, перрон, платформа, такси, талон, тамбур, фаэтон, фургон, шоссе, шофёр, эшелон.

Воздушный транспорт: авиатор, авиация, авиетка, ангар, аэроплан, аэростат, биплан, дирижабль, кабинка,

моноплан, пилот, пилотаж, пилотировать карыны, планёр, планерист, фюзеляж, шасси.

Водный транспорт: баржа, барка, баркас, глассер, дебаркадер, канал, канонерка, пирога, понтон, понтонной, порт, скафандр, флот, флотилия, эстакада.

Подземный транспорт: метро, метрополитен.

Общая лексика: авария, багаж, билет, жетон, караван, пассажир, портативной, саквояж, семафор, транзит, транзитной, транспорт, фара, экипаж, экипировать карыны.

Экономика, торговля и денежные отношения

Экономика: аванс, авансировать карыны, авансовой, акционер, акционерной, баланс, балансовой, капитал, картель, рантье, рента, ресурс, фонд, фондовой, эксплуататор, эксплуатация, эксплуатировать карыны, экспроприатор, экспроприация, экспроприировать карыны.

Торговля: акциз, акцизной, ассортимент, букинист, витрина, галантерея, гастроном, гастрономия, киоск, коммерсант, коммивояжер, котировка, люкс, магазин, прейскурант, тариф, тарификация, экспортёр, этикетка.

Финансы, деньги: банк, бюджет, вальвация, дивиденд, кредит, купон, купюра, ливр, ломбард, сантим, финанс, франк.

Промышленная индустрия, техника:

амортизационной, амортизация, аэрация, батарейка, бюретка, демонтаж, изолировать карыны, изоляция, инженер, кабель, карбюратор, каркас, компостер, лупа, маркировать карыны, мартен, мартеновской, металл, механизм, микроскоп, монтаж, монтёр, монтировать карыны, нивелировать карон, полировать карыны, пресс, прожектор, рафинированной, рафинировать карыны, реактив, реактор, резервуар, резина, рессора, рефрижератор, стираль, турбина, фасет, фиксировать карыны, филигранной, фильтр, фреза, шаблон, шарнир, электризация, электризовать карыны, электрической.

Здравоохранение

Медицинское обслуживание: акушер, акушерка, акушерство, дантист, зондировать карыны, компресс, массаж, массировать карыны, окулист, оперировать карыны, пломбировать карыны.

Медтехника: бандаж, вата, ланцет, пенсне, пинцет, пипетка, пломба, протез.

Медикаменты: йод, наркоз, наркотической, пилюля, таблетка, эликсир, эмульсия.

Общая лексика: дезинфекция, диспансер, изолятор, карантин, морг, санитарной.

Образование:

академической, ассистент, аттестовать карыны, библиограф, библиографической, библиография, блокнот, гуманитарной, диплом, журнал, журнальной, иероглиф, монография, портфель, семестр, стаж, стажёр, стажировать карыны, стажировка, теоретической, факультативной, энциклопедизм, энциклопедист, энциклопедической, энциклопедия.

Юриспруденция:

акция, арбитр, арбитраж, гарантировать карыны, гарантия, демаркация, кадастр, кассация, ликвидация, ликвидировать карыны, патент, полис, прокурор, протокол, регламент, регламентировать карыны, сертификат, фиктивной.

Другие виды деятельности

Полиграфия: брошюра, брошюровать карыны, картон, клише, макет, матрица, типография, тираж.

Сельское хозяйство: культиватор, маркёр, пикировать карыны, пикировка, секатор, ферма, триер, фураж.

Парфюмерия: ароматичной, одеколон, парфюмерия, флакон.

Религия: бонза, кардинал, минарет, миссионер, ореол, секта.

Издательская деятельность: *корректировать карыны, редактор.*

Текстильное производство: *гофрировать карыны, текстильной.*

Другая деятельность: *браконьер, калька, калькировать карыны, канитель, карьер, манекен.*

Игры, праздники, развлечения

Игры: *азарт, аттракцион, валет, лотерея, лото, маркёр, пас, пари, пасовать карыны, тики, пулька, ребус, рулетка, тасовать карыны, шарада.*

Праздники: *банкет, гала, иллюминация, карнавал, карусель, маска, маскарад, парад, салют, фестиваль.*

Общая лексика: *авантюра, тикник, фланёр.*

Спорт:

балл, барьер, бокс, боксёр, жюри, команда, парашют, парашютизм, планеризм, приз, ракетка, тир, трамплин, тур, туризм, турист, турник, финал, эстафета, этап.

В. Человек и Вселенная

I. Априори

Размер, форма: *габарит, колоссальной, массив, массивной, овал, овальной, ромб, формат, эллипс.*

Пространство: *вертикальной, визави, диагональ, диаметр, зигзаг, зона, метр, метраж, параллель, пик, сантиметр.*

Время: *дата, датировать карыны, декада, минута, период, перманентной, сеанс, сезон, эпизод.*

Число, вес, количество: *биллион, грамм, деталь, детальной, дифференциация, доза, дублет, кило, литр, логарифм, миллиард, миллион, серия, тонна, триллион.*

Движение: *дезориентация, ретироваться кариськыны, рикошет, ритм.*

Зрение: *бордовой, матовой, мираж, оранжевой, фиолетовой.*

Слух: *резонанс, сигнал, сирена.*

Другие значения: вариант, жанр, интенсивной, модель, монотонной, поляризация, система, сорт, спектр, сюжет, тип, фасон, фасонной, эластичной, эталон.

II. Наука

Философия: атеизм, деизм, догматической, доктринёр, идеал, идеализировать карыны, идеализм, идеалист, идеалистической, идеальной, кальвинизм, материализм, материалист, материалистической, мистик, мистицизм, нигилизм, нигилист, позитивизм, рационализм, фетиш, фетишизм, фидеизм, эстетика, эстетической.

История: Антанта, баналитет, бонна, вандал, вандализм, гильотина, гувернантка, гувернёр, гугенот, директория, домен, доминиканец, жакерия, кадет, кадетской, каземат, каннибал, марсельеза, ордонанс, парцелла, помпадур, санкюлот, якобинец.

Лингвистика: диалект, жаргон, лексикограф, лексикография, лингвист, лингвистика, омоним, префикс, романист, стилистика, стиль, тире.

Химия: ализарин, амальгама, бензин, кристалл, купорос, метан, метил, танин, хлороформ.

Физика: ампер, амперметр, кулон, магнетизм.

Биология: дегенерация, деградация, деградировать карыны, паразит.

Другие науки: азимут, анатомической, зенит, зоолог, космография, минеролог.

* * *

При помощи носителей удмуртского языка удалось выяснить, что многие французские слова употребляются в речи, но не зафиксированы словарями или не встретились в текстах. Среди них можно выделить слова, относящиеся к

растительному миру: базилик, камей, корнишоны, патиссон, петунья, порей, сельдерей, фисташка, эстрагон;

животному миру: газель, гепард, гну, кальмар, креветка, лама, лангуста, ондатра, экстерьер;

человеческим потребностям:

– пища: *аперитив, безе, бефстроганов, гриль, грильяж, дюшес, крюшон, лангет, майонез, мусс, омлет, пломбир, рокфор, сидр, суфле, шарлотка, эклер, эскалоп;*

– одежда, обувь, ткани, аксессуары, украшения и пр.: *комбинезон, ботфорты, сабо, букле, велюр, вигонь, крепешин, бижутерия, брелок, бретель, жабо, колье, корсаж, корсет, плиссе, рюш, бобина, фурнитура, плиссировать карыны, драпировать карыны, меланж, бигуди, лосьон, макияж, педикюр, плойка, мишень и др.;*

жилью, населенным пунктам и учреждениям: антресоль, интерьер, жалюзи, ламбрекен, штингалет, бра, кашпо, секретер, сервант, кессон, фужер, шезлонг, бордюр, кювет, ателье, бар, бистро, кабаре, казино, мэрия и др.

При том, что современные удмуртские словари не отражают всей употребляемой лексики (Каракулова 1997: 32), нельзя не видеть, что у удмуртов, одинаково хорошо владеющих русским и удмуртским языками, этот список значителен.

Анализ русских заимствований французского происхождения в словарном составе удмуртского языка с учетом тематических групп, отражающих функционирование внешних языковых факторов, позволяет сделать следующие выводы.

Раздел "А. Вселенная" включает в себя небольшое количество слов. Для обозначения объектов природы удмурты используют собственные слова, унаследованные от своих предков, живших в различные исторические эпохи (Насибуллин 1999: 253). В удмуртском языке, среди опосредованных заимствований встречаются обозначения явлений природы (*бриз, муссон, ураган*), минералов (*аметист, колчедан, топаз*), растительности (*бамбук, камелия, люцерна*), животных (*антилопа, зебра, орангутанг*), которые являются, как правило, экзотическими для Волго-Камского региона.

Раздел "Б. Человек" – самый большой раздел среди русских заимствований французского происхождения в удмуртском языке.

Группа I "Человек как физическое существо" дает небольшое количество примеров. Для обозначения внешности и простых действий у удмуртов имеются свои обозначения. Появление новых слов связано с появлением новых понятий в языке (*негр, шатен, гипнотизировать карыны*). Это же относится и к названию болезней (*коклюш, мигрень, шанкр*). Наиболее богато в этой группе слов представлена лексика, связанная с человеческими потребностями. Разнообразие в пище (*антрекот, маргарин, коньяк*), одежде (*берет, жилет, костюм*) и материалах для изготовления одежды (*байка, драп, сатин*) свидетельствует о новых возможностях удовлетворения потребностей человека.

Группа II "Душа и интеллект" включает в себя понятия, неизвестные ранее носителю удмуртского языка. Они передают человеческие качества, отражающие разум (*анализ, констатация, резюме*), волю (*паника, сентиментальной, эмоция*), нравственность (*интриган, мораль, меркантильной*). Слова данной группы представлены богаче по сравнению со словами, обозначающими физические качества человека.

Группа III "Человек – социальное существо" – самая большая в разделе "Человек". Слова отражают взаимоотношения в обществе и социальный статус человека (*компаньон, аристократ, пенсионер*). Окружающий мир, связанный с обустройством в нём, повлек за собой появление слов, обозначающих жилье, мебель, кухонную утварь (*паркет, софа, бокал*), а также устройство населенного пункта и постройки вне помещения (*аллея, асфальт, палисад*). Значительная часть слов этой группы связана с разными видами деятельности человека: организация государства (*министр, партия, федерализм*), военная деятельность (*армия, бомба*,

траншея), занятие литературой и искусством (пьеса, оркестр, барельеф), путешествие (велосипед, баркас, пассажир), экономическая, торговая и финансовая деятельность (рента, тариф, купюра, прокурор), медицина и образование (массаж, йод, диплом), работа в промышленной индустрии (монтаж, фреза, шарнир). Другие виды деятельности дают единичные примеры: это относится к сфере полиграфии (брошюра, клише), сельского хозяйства (пикировать карены, секатор), парфюмерии (одеколон, флакон), религии (миссионер, секта) и т. д. В отдельную достаточно большую группу выделились слова, связанные с играми, развлечениями и спортивной деятельностью человека (лото, карнавал, трамплин).

Раздел "В. Человек и Вселенная" представлен внутри русских заимствований французского происхождения незначительным количеством слов. В группу I "Априори" включены слова, обозначающие размер, форму, количество, вес, число (колоссальной, овальной, доза, грамм, миллион), пространство и время (метр, минута), слух, зрение, движение (сигнал, мираж, рикошет). Группа II "Наука" отражает научную лексику, относящуюся к философии, истории, лингвистике (материализм, жакерия, префикс), химии, физике, биологии (метан, ампер, дегенерация) и др. Эта лексика встречается, как правило, в учебниках или работах, переведенных с русского языка на удмуртский.

Изучение слов приведенных выше тематических групп, не входящих в основной словарный фонд, подтверждает, таким образом, ранее отмеченную мысль применительно к удмуртской лексике разной этимологии, проникшей через русский язык, о том, что пополнение русской лексикой французского происхождения происходило в основном на уровне терминологии. Известно, что одной из характерных особенностей национального литературного языка является возникно-

вание и оформление его различных функциональных разновидностей, включающих разнообразные системы терминологий. Формирование этой разновидности русского национального литературного языка относится к XVIII в. (Кутина 1966: 3). Что касается удмуртского языка, то формирование терминологии начинается в *после-октябрьский период* (XX в.) – подтверждением этого может служить опосредованная русская лексика французского происхождения.

Руководствуясь теоретическими положениями о функционировании внутренних языковых факторов и полученными в ходе исследования эмпирическими данными, нами установлены виды преобразований русской лексики французского происхождения в удмуртском языке на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

2.3. Закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения русской лексики французского происхождения удмуртским языком

2.3.1. Фонетическая адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке

Удмуртский язык, в отличие от русского, является в отношении места ударения на исконно удмуртских словах языком окситонического типа (Каракулова, Каракулов 2001: 54), т. е. как во французском, так и в удмуртском языке, ударение падает на последний слог слова. Изученный нами материал трех языков показывает, что *типологическое сходство* акцентуации французского и удмуртского языков при изучаемом нами типе заимствований *нейтрализуется*: удмуртский язык заимствует французские слова, сохраняя ударение, свойственное языку-посреднику (русскому):

удм.	рус.	фр.
------	------	-----

авиа́тор	авиа́тор	avia'teur
диа́метр	диа́метр	dia'mètre
дезорганиза́то	дезорганиза́то	désorganisa'teu
р	р	r
исте́рика	исте́рика	hysté'rique
кри́тика	кри́тика	cri'tique

Совпадая с русским ударением, ударение в опосредованных русских заимствованиях французского происхождения в удмуртском языке отражает, как правило, поздние заимствования.

В удмуртском языке, как в русском и французском, звуки делятся на гласные и согласные. В исконно удмуртских словах выделяются 33 фонемы: 7 гласных и 26 согласных. Удмуртский алфавит содержит 38 букв и построен на основе русского алфавита (кириллицы). Учитывая фонетику удмуртского языка, к 33 буквам русского алфавита дополнительно введены 5 букв: *ж, џ, э, ö, й* (Каракулова, Каракулов 2001: 45–46).

Обобщающее описание фонетики удмуртского языка с использованием элементарных экспериментальных данных впервые было дано В.И. Лыткиным и Т.И. Тепляшиной (ГСУЯ 1962: 5–51). Дальнейшее описательное изучение фонетического строя удмуртского языка на экспериментальной основе было предложено в 80–90-е гг. В.Н. Денисовым (1980), Т.А. Красновой (1985), П.И. Воронцовым (1999), Е.Б. Беловой (2000).

Изучением фонетической системы удмуртского языка длительное время занимается удмуртский лингвист В.К. Кельмаков. Он установил периодизацию истории удмуртского языка, используя материалы исторической фонетики, а также изучил важнейшие процессы и тенденции в развитии фонетической системы удмуртского языка, привлекая сведения из удмуртских диалектов. Исследователь неоднократно рассматривал фонетическую систему удмуртского языка в свете удмуртско-русских контактов (Кельмаков 2001: 50, 2000: 9–19, 1979: 45–56 и др.).

Опираясь на материалы предшествующих исследований, касающихся фонетических процессов в удмуртском языке, и на наши собственные наблюдения, мы можем предложить следующую систематизацию фонетических преобразований русских слов французского происхождения в удмуртском языке на начальном этапе заимствования.

Рассмотрим наиболее распространенные явления при фонетической адаптации (некоторые относятся к диалектным).

1. *Усечение конечного гласного:*

а) наиболее распространенный случай – русские слова, оканчивающиеся в графике на *-ия*, теряют в удмуртском языке *-я*:

авиаци < авиация

акци < акция

арми < армия

бумазей < бумазея

дезинфекци < дезинфекция

дезорганизаци < дезорганизация

декораци < декорация

демобилизаци < демобилизация

дипломати < дипломатия

жандармери < жандармерия

изоляци < изоляция

интеллигенци < интеллигенция

контрреволюци < контрреволюция

лотерей < лотерея

организаци < организация

парти < партия

б) усечение конечного *-а*:

альтернатив < альтернатива

анкет < анкета

антилоп < антилопа

афиш < афиша

директив < директива

зебр < зебра
манер < манера
минут < минута
поэм < поэма
рас < раса

Редукция конечных гласных в удмуртском языке, как показывает языковой материал, особенно наглядно обнаруживается в ранних русских заимствованиях. Это констатируют исследователи-удмуртоведы (Кельмаков 2000: 15).

в) усечение другого гласного *-ы (-и)* – в русском языке слова употребляются во множественном числе:

ботик < ботики (ед. ч. ботик)
кальсон < кальсоны
колик < колики
консерв < консервы
мемуар < мемуары
пantalон < pantalоны
финанс < финансы
эполет < эполеты

Усечение конечного гласного некоторые исследователи объясняют частым употреблением форм родительного падежа русских слов, которые и закрепились в удмуртском языке.

2. *Добавление конечного гласного -а:*

зала < зал

3. Удмуртский язык, как известно, *не терпит стечения согласных в одном слоге* (Кельмаков 2000: 13), в связи с этим в русских заимствованиях французского происхождения происходит:

а) вставка гласного звука:
бинокль < бинокль
министр < министр
портманет < портмоне
сантиметр < сантиметр
спектакль < спектакль

б) появление на конце слова после группы согласных опорного -а:

банка < банк

катафалка < катафалк

бланка < бланк

литра < литр

бокса < бокс

нерва < нерв

в) выпадение одного из согласных:

империалис < империалист

коммунис < коммунист

манифес < манифест

монархис < монархист

мопансье < монпансье

патен < патент

патрет < портрет

шовинис < шовинист

г) упрощение двойных согласных:

кристал < кристалл

милиард > миллиард

метал < металл

опортунис < опортунист

4. Замена фонемы:

а) в системе согласных:

- замена *ф* на *п* или *т*:

галице < галифе

шарт < шарф

портцель < портфель

шец < шеф

шарц < шарф

- оглушение согласных:

арац < араб

комот < комод

металь < медаль

- палатализация согласного:

сатинь < сатин

Палатализованный согласный имеет графические варианты оформления при проникновении слов:

н' : кампания, кампания, кампанья < кампания

компанион, компаньён, компаньон < компаньон

л' : батальён, баталион, баталлён, батальон <

батальон

мыльен, мильен, мелльон, милльион < миллион

миллёнер, миллионер < миллионер
павильён, павильон < павильон
эскадрили, эскадрилья < эскадрилья

б) в системе гласных:

е < э: аеростат < аэростат

- < э: шалон < эшелон

э < е: варьетэ < варьете

мартэн < мартен

пенсэ < пенсе

а < е: казамат < каземат

эшалон < эшелон

о < а: комзол < камзол

а < о: бардовой < бордовой

каленкор < коленкор

каманда < команда

кампаньён < компаньон

у < о: пашурт < паспорт

у < ы: бутуль < бутыль

е < и: кашаер < кашемир

мелльон < миллион

о, а < у: эксплоататор < эксплуататор

эксплататор < эксплуататор

эксплоатаци < эксплуатация

эксплоатировать карыны < эксплуатировать

у, о, е < ю : жуури < жуюри

кастроль < кастрюля

сертук < сюртук

На начальном этапе заимствования некоторые слова могли иметь разные фонетические и, соответственно, графические варианты:

акцизный: акцизный, акцизной, аксызной

паспорт: пашпорт, пашпурт, паспорт

пистолет: пристол, пистолет, пистол и т. д.

Проведенный нами анализ языкового материала и использование наблюдений удмуртоведов позволяют систематизировать фонетические явления:

- усечение конечного гласного: *акци* < *акция*, *анкет* < *анкета*, *консерв* < *консервы*;
- замена фонемы: *портпель* < *портфель*, *аеростат* < *аэростат*, *папшурт* < *паспорт*;
- отказ от скопления группы согласных, который проявляется: а) вставкой гласного между согласными: *министыр* < *министр*; б) появлением опорного *а* на конце слова: *бланка* < *бланк*; в) выпадением одного из консонантов: *коммунис* < *коммунист*; г) упрощением двойных согласных: *метал* < *металл*.

Рассмотрение фонетических процессов при заимствовании удмуртским языком русских слов французского происхождения показало, что на момент заимствования удмуртский язык приспособлял их к своей собственной фонетической системе.

Вместе с тем, в отношении истории удмуртского языка известен тот факт, что в 30-е гг. XX столетия появилось требование орфоэпических и орфографических норм русских слов. Именно тогда журналистов и писателей обязали писать русские слова без "искажения". Политика вторгалась в законы языка. Тех, кто "деформировал" слова (а точнее, шла естественная адаптация слов), обвиняли в национализме (Тараканов 1998: 111). В этот период многим адаптированным в дореволюционный период словам вернули русскую орфографию и произношение. Современное состояние заимствований почти не сохранило следов более раннего фонетического облика русских слов французского происхождения.

Как свидетельствует наш материал, практически все слова французского происхождения в удмуртском языке приняли графическое оформление, приблизив заимствования к русскому звучанию. Исключение составляют только несколько слов, дошедших до сегодняшнего дня с усеченным конечным гласным:

- а) усечение *а*: *манер*, *минут* – заимствованы в XIX в.;

б) усечение *ы* (слова, употребляемые в русском языке во множественном числе): *ботик, кальсон, консерв, мемуар, панталон, финанс, эплет* – слова зафиксированы в удмуртском языке в послеоктябрьский период.

Проведенное нами исследование показало, что фонетические изменения, произошедшие с французскими словами в языке-посреднике (русском), перешли и в удмуртский язык:

удм.	рус.	фр.
амбразура	амбразура	embrasure [ãbrasy:r]
батальон	батальон	bataillon [batajõ]
бисквит	бисквит	biscuit [biskvi]
букли	букли	boucle [bukl]
буржуй	буржуй	bourgeois [burʒwa]
бюллетень	бюллетень	bulletin [byl(ə)tẽ]
вермишель	вермишель	vermicelle [vɛrmisɛl]
волонтёр	волонтёр	volontaire [volõtɛ:r]
гарем	гарем	harem [arɛm]
декоратор	декоратор	décorateur [dekɔratœ:r]
драгун	драгун	dragon [dragõ]
драп	драп	drap [dɾɑ]
манипуляция	манипуляция	manipulation [manipylasjõ]
паспорт	паспорт	passport [paspɔ:r]
регламент	регламент	règlement [rɛglɛmã]
салат	салат	salade [salad]
фонд	фонд	fond [fõ] и др.

Известно, что буквы (и фонемы) *ф, х, ц, щ* в удмуртском языке являются показателями русских заимствований (Бубрих 1948: 26; ГСУЯ 1962: 24-25; Перевошиков 1963: 10; Кельмаков 1968: 34-35). Буква *ф* в самом русском языке свидетельствует об иностранном происхождении слов (Успенский 1960: 111), хотя звук [f] русскому языку известен, например *Иванов* [ivanɔf].

Во французском языке звук [f] – явление распространенное, следовательно, французский язык способствовал проникновению этого звука и буквы *ф* в удмуртский язык: *фреза* < fraise, *фон* < fond, *фара* < phare. Что касается фонем [h] (буква *х*), [ts] (буква *ц*) и [tʃ] (буква *ч*), то они не являются показателями французского звучания: *х*лороформ, ме*х*анизм, шей*х*, амбиция, принц, революция, матрица.

Влияние на произношение французских слов оказали греческий, латинский, немецкий, польский и восточные языки. Французских слов со звуком [tʃ] (буква *ч*), пришедших через русский язык в удмуртский, среди исследуемых примеров не обнаружено.

В целом русские заимствования французского происхождения отражают в современном удмуртском языке специфику фонетической системы русского (а не французского) языка. Таким образом, роль языка-посредника заимствований оказывается решающей.

2.3.2. Грамматическая и словообразовательная адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке

Русский и удмуртский языки принадлежат к разным языковым типам: русский – флективный язык, удмуртский – агглютинативный. Все это определяет отличия в структуре сопоставляемых языков.

В связи с сопоставительным описанием языков необходимо различать понятийные и грамматические категории. Так, например, на уровне грамматики в удмуртском языке нет категории рода, но отсюда нельзя делать вывод, что у удмуртов нет понятия рода или пола (Каракулова, Каракулов 2001: 14, 24–25).

Мы проанализировали заимствованный материал с точки зрения частей речи. Анализ показал, что

значительная часть слов представлена существительными – 84%, на прилагательные приходится 9%, на глаголы – 7%. Следовательно, удмуртский язык пополнял свою лексику за счет других языков избирательно. Такую же избирательность к иностранной лексике проявляют языки, относящиеся к другим языковым группам, в частности, русский (Калиневич 1978: 23; Успенский 1960: 196) и французский (Егорова 1967: 7; Чекалина 1998).

Внедряясь в новую языковую среду, русские слова французского происхождения подвергаются определенным изменениям. Рассмотрим эти изменения по частям речи. На словообразовательном уровне большинство слов употребляется в той же форме, что и в русском языке.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

1. Многие существительные полностью совпадают с заимствованной русской формой: *абонент, балкон, букет, гарантия, десант, инициатор, комиссариат, коммунизм, нигилист, рантье*.

Особого внимания заслуживают существительные, употребляющиеся в русском языке во множественном числе. Они могут получать суффикс *-ёс (-ос)* – показатель множественного числа в удмуртском языке (Насибуллин 1998: 44–45), т. е. являются суффиксальными заимствованиями:

аплодисментъёс < аплодисменты

кадръёс < кадры

кулисаос < кулисы

курантъёс < куранты

мемуаръёс < мемуары

эполетъёс < эполеты

Иногда у существительных во множественном числе наблюдается в удмуртском языке, как уже отмечалось выше, утрата конечного гласного: *консерв* "консервы", *мемуар* "мемуары", *панталон* "панталоны", *сигарет* "сигареты", *финанс* "финансы". Нами замечено, что в этом случае удмуртское окончание совпадает с первоначальным

французским: *conserve* [kɔ̃sɛrv], *mémoires* [memwar], *pantalon* [pɑ̃talɔ̃], *cigarette* [sigarɛt], *finance* [finɑ̃s].

Конечный произносимый гласный, появившийся на конце многих французских слов в русском языке, отражает фонетический и морфологический строй русского языка: *дата*, *команда*, *машина*, а не французского: *date*, *commande*, *machine*. Более того, конечный ударный гласный (звук и буква) во французском языке, исходя из исторической фонетики, служит зачастую маркером иностранного происхождения: *alibi* (латинское), *dynamo* (греческое), *casao* (испанское), *balalaika* (русское).

2. Заимствованное существительное может использоваться в удмуртском языке в функции прилагательного без изменения формы, т. е., расширяя функции слова, оно употребляется в качестве и существительного, и прилагательного:

карнавал "карнавал/карнавальный"

картон "картон/картонный"

фасон "фасон/фасонный"

Напр.: *парашют десант* "парашютный десант",
консерв банка "консервная банка".

3. Существительные, участвующие в словообразовательном процессе удмуртского языка (как правило, суффиксальные заимствования, в которых используется синтетический способ словообразования), являются исключением:

бюрократлык "бюрократизм"

интерестэм "без интереса"

манертэм "без манер"

манеръем "манерный, с манерой"

манеръяскон "манерничество"

миллёнлык "на миллион (рублей)"

миллёнъем "миллионный"

реформизмо "реформистский"

шарниро "шарнирный, с шарнирами"

Например:

миллѣнѣм парти "миллионная партия"
реформизмо профсоюз "реформистские профсоюзы".

В дооктябрьский период исследователи выявили случаи употребления в заимствованных словах каритивного суффикса *-тэм* вместо русской приставки *без-* (*бес-*) и суффикса *-о*, например: *толыктэм* "бестолковый", *памитѣ* "памятливый" (Насибуллин 1998: 45).

4. Аналитический способ словообразования (добавление глагольного форманта) позволяет использовать заимствованное существительное в новой функции:

аванс сѣтыны "авансировать", букв. "давать аванс"
гарантия сѣтыны "гарантировать", букв. "давать гарантию"
дезинфекция ортчытыны (лэсьтыны) "дезинфицировать", букв. "проводить (делать) дезинфекцию"
декорация лэсьтысь "декоратор", букв. "делающий декорацию"
массаж лэсьтыны "массировать", букв. "делать массаж".

П р и л а г а т е л ь н ы е

Все выявленные опосредованные русские прилагательные французского происхождения имеют окончание *-ой*: *агрессивной, актерской, анатомической, ароматичной, вакантной, вертикальной, вокальной, гуманитарной, деклассированной, догматической*.

Известно, что прилагательные на *-ой* в удмуртском языке характеризуют русские заимствования (УРСл. 1983: 573). Конечный *-ый* у французских слов в русском (*авангардный, авансовый, буржуазный*) – это специфика русского языка: во французском языке данное окончание отсутствует (*d'avant-garde, avance, bourgeois*).

В истории удмуртского языка имелись случаи употребления прилагательных с русским окончанием *"-ый"*. Это было возможно только в момент проникновения

изучаемых слов (в 20-е гг.): *акцизный, идеальный, интенсивный, монотонный, районный, резонный, фиктивный*. Зафиксировано в виде исключения прилагательное с формантом женского рода в русском языке *-ая* (*унитарная федерация*), хотя, известно, что в удмуртском языке нет деления на род.

Итак, в современном удмуртском языке русские заимствованные прилагательные употребляются с формантом *-ой*. Исключение внутри рассматриваемого корпуса примеров составляют слова *электрической*, которое параллельно может употребляться еще в форме *электро* "электрический" и *героической* – вариант *геройлыко* "героический".

Как отмечают исследователи, имена прилагательные на *-ой, -ной, -ской* являются нехарактерными для современного удмуртского языка, их обильное употребление совершенно неоправданно (Тараканов 1998: 111–112).

На наш взгляд, при использовании в удмуртском языке форманта *-ой* (и его производных) формально осуществляется разграничение исконных и заимствованных слов. Ср.: *вакчи* "короткий", *кезьыт* "холодный", *чебер* "красивый" – исконные удмуртские прилагательные; *академической, актерской, вакантной* – заимствованные прилагательные.

Г л а г о л ы

1. Практически все заимствованные слова, употребляясь в качестве глагола, имеют вспомогательную форму *карыны* "делать", т. е. удмуртский язык использует аналитическую структуру: *гофрировать карыны, демаскировать карыны, диктовать карыны, дрессировать карыны, жонглировать карыны, мебелировать карыны, пикировать карыны, суфлировать карыны*.

Несколько глаголов встретились с иным вспомогательным глаголом (*карыськыны, карылыны* "делать, совершаться"):

баллотироваться кариськыны "баллотироваться"
критиковать карылыны "критиковать" (много-
кратный вид)

критиковать каремъяськыны "делать вид, что
критикует"

ликвидироваться кариськыны "ликвидироваться"

маскироваться кариськыны "маскироваться"

ретируются кариськыны "ретируются"

электризовать кариськыны "электризоваться".

2. Большинство русских глаголов французского происхождения, присоединяя форму *карон* "делание", могут выражать значение имени действия:

аккредитировать карон "аккредитование"

анализировать карон "анализирование"

атаковать карон "атака"

балансировать карон "балансирование"

гарантировать карон "гарантирование"

изолировать карон "изолирование"

маскировать карон "маскировка"

реставрировать карон "реставрирование" и др.

Получив вспомогательные формы *каристь*, *кариськон*, глагол употребляется иногда в функции существительного: *баллотироваться кариськон* "баллотировка", *корректировать карись* "корректировщик", *шифровать карись* "шифровальщик", а также с присоединением *карем* в качестве отглагольного прилагательного: *ликвидироваться карем* "ликвидированный", *реформировать карем* "реформированный", *саботировать карем* "саботированный".

3. Нами выявлены русские заимствования французского происхождения, которых в удмуртском языке коснулся словообразовательный процесс:

бюрократъяськыны "бюрократничать"

дезертираны "дезертировать"

критикъяны "критиковать"

манеръяськыны "манерничать, жеманничать".

В подобных редких случаях глаголы образованы на основе существительных с добавлением суффикса (синтетический способ словообразования не характерен для изучаемых слов). От этих глаголов появились существительные с новыми суффиксами: *дезертиран* "дезертирство", *манерьяськон* "манер, жеманство".

Таким образом, в области глагола в исконных удмуртских словах используются суффиксы *-ыны*, *-аны* (*-яны*): *кылыны* "слышать", *учкыны* "смотреть", *пыраны* "заходить, заезжать", *усьяны* "открывать". Среди русских опосредованных заимствований нам также встретились глаголы с этими суффиксами, но такие примеры единичны. Для большинства же случаев заимствований удмуртский язык создал особый способ выражения – обозначение действия при помощи вспомогательной глагольной лексемы *карыны* "делать": *диктовать карыны*, *суфлировать карыны*. Данный компонент формально отделяет исконные глаголы от заимствованных. Аналогичное явление (прибавление дополнительного показателя заимствованного характера лексемы) наблюдается и при переводе заимствованных глаголов в разряд существительных: *реставрировать карон* "реставрирование".

* * *

Итак, опосредованные русские заимствования французского происхождения употребляются в удмуртском языке в подавляющем большинстве в том виде, в каком они существуют в русском языке.

Особенностью удмуртского языка является использование удмуртских формантов для маркировки иноязычных слов: *карыны* "делать" – для глаголов: *диктовать карыны*, *тикировать карыны*; *карон* "делание" – при переводе заимствованных глаголов в разряд существительных: *балансировать карон*, *изолировать карон*; *-ой* – для прилагательных: *агрессивной*, *анатомической*, *вокальной*. Присутствие при заимство-

ванных из русского языка словах французского происхождения указанных маркеров свидетельствует о стремлении удмуртского языка формально отделить исконный лексический фонд от заимствованного.

Суффиксальные заимствования, т. е. слова, оформленные с помощью суффикса языка-реципиента встречаются в письменных текстах 20–30-х гг. XX в.: *бюрократлык* "бюрократизм", *интерестэм* "без интереса", *манерьяськон* "манерничанье", *критикъяны* "критиковать". В словарях современного удмуртского языка зафиксировано несколько слов, образованных на базе опосредованных заимствований суффиксальным способом: *дезертираны* "дезертировать", *дезертиран* "дезертирство", *манерьяськыны* "манерничать, жеманничать", *электро* "электрический", *геройлыко* "героический".

Как показало исследование, словообразовательная система русского языка нашла отражение в удмуртском языке при передаче французских слов (суффиксация, появление окончаний):

<i>удм.</i>	<i>рус.</i>	<i>фр.</i>
авансировать	<u>авансировать</u>	avancer
карыны		
агрессивной	<u>агрессивный</u>	agressif
аккредитовать	<u>аккредитовать</u>	accréditer
карыны		
акушерка	<u>акушерка</u>	accoucheur
акушерство	<u>акушерство</u>	accoucher
анатомической	<u>анатомический</u>	anatomique
антракт	антракт	entr'acte
артезианской	<u>артезианский</u>	artésien
ассенизация	<u>ассенизация</u>	assainissement
балансовой	<u>балансовый</u>	balance
баллотировка	<u>баллотировка</u>	ballotter
барельеф	барельеф	bas-relief
беллетристика	<u>беллетристика</u>	belles lettres
буржуазия	<u>буржуазия</u>	bourgeoisie

<i>удм.</i>	<i>рус.</i>	<i>фр.</i>
вандализм	ванда <u>лиз</u> м	vandalisme
галантерея	галантере <u>я</u>	galanterie
дантист	дант <u>ис</u> т	dentiste
деградация	деград <u>а</u> ция	dégradation
дезертирство	дезертир <u>ств</u> о	déserteur
дезорганизатор	дезорганизат <u>ор</u>	désorganisateur
департамент	департамент <u>т</u>	département
десантник	десант <u>ник</u>	descente
диверсант	диверсан <u>т</u>	diversion
дипломатичной	дипломатичн <u>ый</u>	diplomatique
доминиканец	доминикан <u>ец</u>	dominicain
журналистка	журналист <u>ка</u>	journaliste
лексикограф	лексикогр <u>а</u> ф	lexicographe

При изучении подобных слов нами был использован "Обратный словарь удмуртского языка" (Р.Ш. Насибуллин, В.Ю. Дудоров 1992), который позволил выявить окончания, нехарактерные для удмуртского языка.

Так, в удмуртском языке слова с окончаниями *-ировать, -изировать, -овать, -изовать* – для глаголов; *-ной, -ической, -ской, -евой, -овой, -ичный* – для прилагательных; *-ство, -ация, -ировка, -ея, -ия, -истика, -изм, -ист, -тор, -ант, -ент, -граф* – для существительных свидетельствуют о том, что они не являются словами исконного происхождения. Как показывает языковой материал, данные лексические элементы проникли из русского языка и отражают морфологические процессы либо русского языка, либо европейских или древних языков, оказавших влияние на русский язык.

Исследователи отмечают, что при изучении этимологии слов очень важным является рассмотрение их производных. Не только каждое слово, но и каждое производное от него имеет свою историю. Зачастую происходит смешение производных слов, возникших на русской территории, с производными, заимствованными из других языков (Гальди 1958: 59-63).

В связи с этим положением особого внимания заслуживают слова, в которых, как нам представляется, через посредство русского языка пришли в удмуртский язык французские маркеры. К таковым относятся конечные форманты *-аж* (< фр. *-age*) и *-ёр* (< фр. *-eur*).

Слова, данные в обратном словаре удмуртского языка, которые оканчиваются на *-аж*:

<i>удм.</i>	<i>рус.</i>	<i>фр.</i>
багаж	багаж	bagage
бандаж	бандаж	bandage
пейзаж	пейзаж	paysage
тренаж	тренаж (собств.)	traîner "тащить"
сенаж	сенаж (собств.)	-аж
шпионаж	шпионаж	espionnage
персонаж	персонаж	personnage
экипаж	экипаж	équipage
гараж	гараж	garage
тираж	тираж	tirage
хронометраж	хронометраж	chronométrage
арбитраж	арбитраж	arbitrage
фураж	фураж	fourrage
массаж	массаж	massage
Эрмитаж	Эрмитаж	Ermitage
инструктаж	инструктаж (собств.)	instructeur "учитель"
монтаж	монтаж	montage
саботаж	саботаж	sabotage
трикотаж	трикотаж	tricotage
пилотаж	пилотаж	pilotage
репортаж	репортаж	reportage
листаж	листаж (собств.)	-аж
партетаж	партетаж (собств.)	stage
этаж	этаж	étage

Среди приведенных примеров мы выделили три категории: а) слова, созданные в самом французском языке и пришедшие в русский и удмуртский языки без изменений

(багаж, бандаж, пейзаж); б) слова, состоящие из французской основы и получившие окончание -аж в русском языке (тренаж, инструктаж); в) слова, образованные на русской основе с французским окончанием (сенаж < сено + -аж; листаж < лист + -аж).

В словаре зафиксированы некоторые удмуртские слова, оканчивающиеся на -аж, как правило, это слова онomatopoeического характера:

виж-важ звукоподр. пиле при пилке дров

куаж, куаж-куаж звукоподр. хрусту при еде или хрусту сухих хрупких предметов, "хруст-хруст"

кыж-куаж звукоподр. скрежетанию металлических предметов

наж-наж < *нажак*: *нажак карыны* "с хрустом раздавить (придавить, сплющить)"

нэж-куаж звукоподр. с треском, с хрустом

резь-куаж звукоподр. с шумом, с гамом

чаж звукоподр. шуму дождя, треску разрываемой материи, звуку (шуму) воды в чайнике (в самоваре) при кипячении.

Исключением являются только два удмуртских слова, оканчивающихся на -аж и не относящихся к разряду звукоподражательных слов:

гаж диал. "желание", "хотение" / "милый", "желанный"

кираж < *кислэс* "краж, чурбан".

Следовательно, можно говорить о том, что окончание -аж нехарактерно для удмуртских слов и свидетельствует об опосредованном французском влиянии. Оно может рассматриваться как иноязычный маркер.

Слова, данные в обратном словаре удмуртского языка, которые оканчиваются на -ёр:

удм.	рус.	фр.
дирижёр	дирижёр (собств.)	diriger
призёр	призёр (собств.)	prise
ликёр	ликёр	liqueur

удм.	рус.	фр.
паникёр	паникёр (собств.)	paniquer
маркёр	маркёр	marqueur
жонглёр	жонглёр	jongleur
контролёр	контролёр	contrôleur
гастролёр	гастролёр (собств.)	-eur
планёр	планёр	planeur
минёр	минёр	mineur
партнёр	партнёр (-ёр аналог.)	partenaire
сапёр	сапёр	sapeur
боксёр	боксёр	boxeur
режиссёр	режиссёр	régisseur
актёр	актёр	acteur
парламентёр	парламентёр (-ёр аналог.)	parlementaire
монтёр	монтёр	monteur
репортёр	репортёр	reporter
экспортёр	экспортёр	exportateur
костёр	костёр (слав.)	-eur
вахтёр	вахтёр (собств.)	-eur
шахтёр	шахтёр (собств.)	-eur
шофёр	шофёр	chauffeur

Слова, оканчивающиеся на *-ёр* в удмуртском языке, полностью повторяют русскую основу. В самом русском языке это, как правило, французские заимствования либо они созданы по аналогии на русской основе с использованием французского суффикса:

- французская основа + *-eur*:
diriger "управлять" > *дирижёр*
prise "добыча" > *призёр* (во фр. слово *priseur* несет в себе другое значение: "любитель нюхать табак")
paniquer "паниковать" > *паникёр*;
- русская основа + *-eur*:
вахта > *вахтёр*
шахта > *шахтёр*
гастроль [< нем. *Gastrolle* (Ф I, 396)] > *гастролёр*;

- французский суффикс *-aire* [ɛ:r] начинает звучать при переходе как [-œr]:

partenaire > *партнёр*

parlementaire > *парламентёр*.

Только в одном удмуртском слове русского происхождения *-ёр* входит в основу слова: *костёр* – слово славянского происхождения (Ф II, 347).

Исключение составляют три односложных удмуртских слова на *-ёр*: диал. *ёр* "дерн"; *сёр* "куница"; *тёр* звукоподр. падающей струйке жидкости или сыпучих материалов.

Среди удмуртских слов с окончанием на *-ёр* мы также выделили три категории слов: а) слова, созданные в самом французском языке и пришедшие в русский и удмуртский языки без изменений (*ликёр*, *монтёр*); б) слова, состоящие из французской основы и получившие окончание *-ёр* в русском языке (*дирижёр*, *призёр*, *паникёр*); в) слова, созданные на русской основе с французским окончанием (*вахтёр* < *вахта* + *-ёр*; *гастролёр* < *гастроли* + *-ёр*; *шахтёр* < *шахта* + *-ёр*).

Таким образом, слова, оканчивающиеся на *-ёр* в удмуртском языке также свидетельствуют об опосредованном влиянии французского языка. Это окончание может тоже рассматриваться как иноязычный маркер.

Как уже отмечалось выше, некоторые французские заимствования с суффиксом *-eur* (*-teur*) в русском языке вместо *-ёр* (*-тёр*) получали латинизированную форму *-ор* (*-тор*), например, *дезорганизатор* < фр. *désorganisateur* (см. Раздел 1.2.1.). Заметим, что окончание слова *-тор* не является распространенным в удмуртском языке (*тор* "прямо, вертикальный", *куттор* "гамаши", *утор* "дверь, замок"). Слова русского происхождения в удмуртском языке, оканчивающиеся на *-тор*, употребляются очень часто. Следовательно, этот формант также может служить маркером иноязычных слов в удмуртском языке.

Таким образом, русские заимствования французского происхождения в удмуртском языке отражают словообразовательную систему русского языка, а также морфологические процессы, связанные с влиянием европейских и древних языков на русский язык. Удмуртский язык использует и собственные языковые средства при адаптации изучаемых слов.

2.3.3. Семантическая адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке

Семантика русских заимствований дооктябрьского периода в удмуртском языке рассматривалась Р.Ш. Насибуллиным. Исследователь отмечает следующие моменты:

- В количественном отношении на первом месте стоят слова, которые усвоены с тем же значением, в каком употребляются в русском языке (*арбуз*, *беженец*, *мино́мёт*, *ари́ин*). Внешний облик этих слов сохранился либо полностью, как в русском языке, либо частично изменился в результате фонетической адаптации звуков удмуртским языком (*черк* < *церковь*, *ульча* < *улица*, *огреч* < *огурец*, *кусо* < *коса*).
- В памятниках удмуртской письменности встречаются калькированные слова: *возьмась кылчин* "ангел-хранитель" (*возьмась* "охраняющий, хранитель" + *кылчин* "ангел"), *Инмар Пи* "Сын Божий" (*Инмар* "Бог" + *Пи* "Сын"), *сураськон вадес* "смутное время" (*сураськон* "смута, смутный" + *вадес* "время").
- При переводе устойчивых словосочетаний и составных терминов используются полукальки, или гибридные кальки: *бад́жым пост* "великий пост" (*бад́жым* "великий, большой"), *кирос атай* (*кирос* "крест, крестный" + *атай* "отец"), *листовой корт* (*корт* "железо").

- Переводчики пользовались также описательным способом при передаче значений новых слов, например: *Инмарлэн пукон интыез* "престол Божий" (букв. "место, где Бог сидит"), *Инмарез вордыськытэм ныл* "богородица" (букв. "девушка, которая родила Бога"), *ву ултйй ветлйсь лодка* "подводная лодка" (букв. "лодка, которая ходит под водою").
- Многие атрибутивные словосочетания употребляются без калькирования, т. е. оба компонента в удмуртском языке у этих словосочетаний не имели своих эквивалентов: *арестантской отделение* "арестантское отделение", *археологической общество* "археологическое общество", *генеральной штаб* "генеральный штаб" (Насибуллин 1998: 42–45).

Мы рассмотрели наш материал с учетом отмеченных Р.Ш. Насибуллиным особенностей адаптации русских заимствований удмуртским языком.

Как отмечалось выше, заимствуя русские слова французского происхождения, удмуртский язык, как правило, сохраняет имеющееся значение: *ампер, антилопа, атеизм, балет, барельеф, вассал, диагональ, камелия, коклюш, кристалл, манифест, милитаризм, реактив, революция* и многие другие.

По нашим наблюдениям заимствования, имеющие несколько значений, могут утратить некоторые из них. В основном это слова, имеющие прямое и переносное значения. Переносное значение заимствованного слова в удмуртском языке может выражаться через собственно удмуртское слово:

борт

- 1) боковая стенка, бок судна; стенка кузова грузового автомобиля, открытого товарного вагона и т. д.;
- 2) правый и левый край застегивающейся спереди одежды, обычно с петлями или пуговицами. Удм.

сёзул "борт" (одежды), напр., *пальто сёзул* "борт пальто";

- 3) перен. *палэнтэмын* "за бортом" < *палэнтыны* "устранять, удалять, отчуждать";

винегрет

- 1) кул. разновидность салата, по набору компонентов из овощей – чисто русское кушанье;
- 2) перен. смесь различных предметов или понятий, всякая всячина. Удм. *суро-пожо, суро-пурто* "смесь";

ажур

- 1) прозрачный, сквозной. Удм. вариант: *чильпырась*;
- 2) перен. искусно и тонко сделанный. Удм. *быгатыса лэсьтэм*, напр., *быгатыса лэсьтэм уж* "ажурная работа";

мариновать карыны

- 1) консервировать пищевые продукты;
- 2) перен. удм. разг. ирон. *юри жегатыны*, напр., *ужез юри жегатыны* "мариновать дело";

маскировать карыны

- 1) одевать кого-либо в маскарадный костюм. Удм. варианты: *маска поныны (дйсяны), маскаен шобыртыны (ватыны)* "закрывать маской лицо", надевать маскарадный костюм";
- 2) перен. удм. *ватыны, лушкеш возыны* "делать что-либо незаметным";

пасовать карыны

- 1) в карточной игре – отказываться от участия в розыгрыше данной сдачи карт или оставлять игру, признавая себя побежденным;
- 2) перен. признавать неспособным справиться с чем-либо, отступать. Удм. варианты: *кышкатскыны, чигнаны, юскиськыны*, напр., *шугсекытьёслэсь кышкатскыны уг яра* "нельзя пасовать перед трудностями".

Особого внимания заслуживают русские *слова-кальки* французского происхождения. Удмуртский язык, как показывает материал, иногда использует опосредованное русское заимствование без собственных вариантов: *дневник, прямоугольной*.

Наряду с заимствованным русским словом-посредником удмуртский язык может иметь свои параллели, например:

расстояние, удм. варианты: *кусып, вис, кем*;

утка (ложный слух), удм. варианты: *пöян, пöям*; в качестве зоол. термина в удмуртском языке употребляется собственное слово: *чöж*;

утонченной, удм. вариант: *туж умой валан*; напр., *чеберез туж умой валан* "утонченный вкус".

В одном случае мы обнаружили в удмуртском языке кальку с русского слова французского происхождения, используемую наряду с русским вариантом:

противоядие, удм. варианты: *ядлы пумит*, букв. "против яда", *ядэз быттійсь*, букв. "губитель (убийца) яда". По-видимому, калькирование стало возможным благодаря прозрачной семантике слова.

В некоторых случаях русские слова, калькированные с французского, не подверглись заимствованию, т. к. удмуртский язык имеет для конкретных явлений собственные слова:

рус. *трогательный* (< фр. *touchant* < *toucher* "трогать"), удм. *сюлэме йöтійсь*, букв. "трогающий сердце", напр., *сюлэме йöтійсь верос* "трогательный рассказ";

рус. *развлечься* (< фр. *distraindre*), удм. *шулдыръяськыны, шудыны-серектыны*.

Не все французские устойчивые выражения, которые русский язык калькировал, нашли свое применение в удмуртском языке:

рус. *идти* (быть к лицу), удм. *кельшыны, тупаны*,
напр., *та шляпа солы тупа* "эта шляпа ей
идет";

рус. *медовый месяц*, удм. *шудо толэсь*, букв.
"счастливый месяц" (возможен досл. перевод
чечы толэсь < *чечы* "мед" + *толэсь* "месяц").

*Взаимоотношения заимствованной и исконной
лексики на семантическом уровне*

Известно, что заимствования, особенно в процессе освоения, могут способствовать реализации потенциальных ресурсов языка. Исследователи удмуртского языка отмечают, что наиболее благодатным и перспективным является развитие языка за счет собственных потенциальных ресурсов (Ушаков 2002: 223).

Как уже отмечалось выше, для удмуртского языка характерно выделение группы русских слов, которые употребляются наряду с удмуртскими, находясь с ними в *синонимических отношениях* (Каракулова, Каракулов 2001: 30). Исходя из данного положения, нами были рассмотрены русские слова французского происхождения с учетом частей речи. Анализ языкового материала показал следующее. Начнем рассмотрение с с у щ е с т в и т е л ь н ы х .

1. Неодушевленные существительные с конкретным значением:

а) наряду с опосредованным русским заимствованием параллельно употребляется удмуртское слово (возможно последнее было заимствовано на раннем этапе языка и воспринимается как исконно удмуртское, например, *сяська* "цветок" – тюркского происхождения):

борт – *сöзул* (одежды), но *борт* (машины)

браслет – *поскес*

букет – *сяська керттэм*, букв. "связка цветов"

бутон – *сяська пучы*, букв. "цветочная почка"

бульон – *лым*

капот – *шобырет* (одежды), но *капот* (тех.)

марионетка – мунё, букв. "кукла", но *марионетка*
(абстр.)

пюре – нелькем

суп – шыд

талия – кус

фарш – корам сіль, букв. "рубленное мясо"

филе – (мясо) зёч (вылі сортъем) сіль; (рыба)

лыэзлэсь сузям сіль

фильтр – сйс

шаль – бадъым кышет, букв. "большой платок"

шатка – изъы.

В данной подгруппе нами выделены слова, связанные с питанием человека и предметами одежды.

б) имеется параллель ранее заимствованного русского слова (иногда с удмуртским дополнением):

бутылка – зёнелик, букв. "зеленый" (диал. рус.
зеленик)

вуаль – чильпырась сетка, букв. "просвечивающая
сетка"

галун – нашивка

кабинка – тичи кабина, букв. "маленькая кабина"

кальсон – ул штани, букв. "нижние штаны"

портъера – секыт занавеска, букв. "тяжелая
занавеска"

в) слово с конкретным значением, имеющее в русском языке дополнительное переносное значение. В удмуртском языке для переносного значения используются, как правило, собственные средства:

винегрет – перен. *винегрет*; *суро-пожо*, *суро-пурто*,
букв. "смесь"

за бортом – перен. *палэнтэмын* < *палэнтны*
"отстранять, удалять, отчуждать"

за кулисами – *лушкемен*, букв. "тайно, скрытно".

2. Существительные с абстрактным значением:

а) наряду с русским используется удмуртское слово, являющееся его синонимом:

азарт – *вожомон*

аплодисментъёс – *кичапконъёс* (*кичабконъёс*)

дебоиш – *џашетон*, *жугиськон*, *далламон*

жест – *вырос*, *шонтон*

изоляция – *люкон* (действие), *висьян* (состояние)

интрига – *тэргаськон*, *керетон*

ирония – *серекъян*

каприз – *куатаськем*, *куатаськон*, *возъяскем*,
возъяськон

констатация – *возьматон*, *веран*

колики – *џогъян*

куръёз – *тумошо*

манер – *сям*, *вырос*

пари – *эчешон*

раз – *вожомон*

тон – *куара* (о звуке); *тус* (отенок цвета)

туалет – *дйськут* (наряд); *дйсяськон* (одевание);

закод, *уборной* (уборная)

ишк – *чебер*, *кильтырес*, *коштан*

шанс – *оскон*, *луон*, *луонлык* и др.

Большинство слов этой подгруппы связано с человеком, его моральными качествами и действиями.

б) возможно параллельное употребление описательных удмуртских структур:

галиматья – *номырзэ валантэм*, букв. *номыр*
"ничего" + *валантэм* "невнятно, непонятно"

декольте – *гольык чырты*, букв. "голая шея"

каскад – *ву усён ынтыос*, букв. "места падения воды"

комплимент – *чебер кыл*, букв. "красивое слово"

конфуз – *возьытэ вуон*, букв. "приход совести
(стыда)"

реваниш – *пунэмзэ берыктон*, букв. "отмщение"

резюме – *вакчияк йылпумъян*, букв. "краткий итог"

шантаж – *пӧяса кышкатон(ӓртон)*, букв.
"запугивание (притеснение) обманом"
эмоция – *жӱтскем мылкыд*, букв. "приподнятое
настроение"

в) абстрактные существительные достаточно часто имеют русские параллели, созданные на базе глагола того же словообразовательного ряда с удмуртским присоединением *карон*, являющимся отглагольным именем:

дезинфекция – *дезинфицировать карон*
маскировка – *маскировать карон*
мобилизация – *мобилизовать карон*
муниципализация – *муниципализировать карон*
национализация – *национализировать карон*
татуировка – *татуировать карон* (действие),
татуировать карем (рисунок на коже)
эмиграция – *эмигрировать карон*.

Удмуртское *карон* (< *карыны* "сделать, делать") употребляется в сочетании с именами существительными и прилагательными, междометиями и инфинитивами глаголов, заимствованными из русского языка в значении имени действия (УРСл. 1983: 187).

3. Одушевленные существительные

а) наряду с опосредованным русским словом используется синонимическое удмуртское:

идиот – *визьтэм*, букв. "бестолковый", *шузи*
"глупец"
инвалид – *сӧсыр*, *ӧлексы*
кавалер – *туган*
компаньон – *эш*
фразёр – *зулись*, *зульым*
шарлатан – *пӧечи*
шатен – *суд*

б) существительные с суффиксом *-ист* имеют в удмуртском языке параллели, созданные на базе русского слова этого же словообразовательного ряда и удмуртского

слова, т. е. являющиеся полузаимствованиями. Такие слова носят, как правило, описательный характер:

моралист – мораль *лыдэйсь*, букв. "читающий мораль"

пианист – пианиноен *шудэйсь*, букв. "играющий на пианино"

портретист – портрет *суредась*, букв. "рисующий портрет"

романист – роман *гожъясь*, букв. "пишущий роман"

фельетонист – фельетон *гожъясь*, букв. "пишущий фельетон"

в) существительные, указывающие на деятельность человека, могут иметь удмуртские параллели, созданные по принципу описательности:

дезертир – *пегась*, букв. "скрывающийся" < *пеганы* "скрываться от кого-либо"

инициатор – *кичёлтйсь*, букв. "зачинщик" (< *кичёлтыны* "положить начало")

пейзажист – живоп. *инкуазез суредась*, букв. "рисующий природу"; лит. *инкуазез возьматйсь*, букв. "отображающий (показывающий) природу"

романтик – *малпаськись*, букв. "мечтатель"; *малпаськыса уййсь*, букв. "живущий мечтой"

танцор – *эктйсь*, букв. "плясун" (< *эктыны* "плясать, танцевать").

П р и л а г а т е л ь н ы е, использующиеся параллельно, носят обычно описательный характер:

ароматичной – *ческыт зыно*, букв. "с вкусным запахом"

бордовой – *нап (пеймыт) горд*, букв. "густо-(темно-)красный"; *сьёдалэс-горд*, букв. "темновато-красный"

машинальной – *номыре малпатэк*, букв. "ничего не думая"

меркантильной – *чыры-пырыослы сук луись*, букв.
 "жадный до мелочи"
монотонной – *огвыллем гурен*, букв. "однообразной
 мелодией"
оранжевой – *Ћужалэс-горд*, букв. "желто-красный"
сентиментальной – *туж (ортчыт) шоддкись*, букв.
 "очень (чрезмерно) чувствительный"
элегантной – *туж чебер*, букв. "очень красивый"
эгоистической – *ассэ ачиз гинэ яратйсь*, букв.
 "любящий только себя".

В системе опосредованных заимствованных глаголов выявлено следующее:

а) используются параллельно удмуртские синонимы:
аплодировать карыны – *кичапкыны (кичабкыны)*
демаскировать карыны – *шараятыны*, букв.
 "выявить"
констатировать карыны – *возьматыны*
изолировать карыны – *висъяны*, букв. "отделять"; в
 качестве тех. термина используется только
 заимствование
контролировать карыны – *эскерыны*
рекламировать карыны – *ялыны*

б) употребляются параллели, созданные на базе существительных того же словообразовательного ряда с добавлением удмуртского глагола:

баррикадировать карыны – *баррикада лэсьтыны*,
 букв. "делать баррикаду"
калькировать карыны – *калька кылдытыны*, букв.
 "создать кальку"
массировать карыны – *массаж лэсьтыны*, букв.
 "делать массаж"
парализовать карыны – *паралич луыны*, букв. "стать
 в состоянии паралича", *паралич шуккыны*
 "ударить параличом"

морализовать карыны – мораль *лыдэёны*, букв.

"читать мораль"

стажировать карыны – стаж *ортчыны*, букв.

"пройти стаж"

в) встречаются параллельные удмуртские структуры, созданные описательным способом:

гримировать карыны – *ымнырез* *буяны*, букв.

"красить лицо"

дезинформировать карыны – *медлантыса* *валэктныны*, букв. "давать искажение"

детализировать карыны – *пыр-поч* *возьматыны*, букв. "подробно отображать"

корректировать карыны – *тупатъянъёс* *пыртыны*, букв. "вносить исправления"

экипировать карыны – *дйсяны-кутчаны*, букв.

"одеть-обуть".

При возникновении новых понятий удмуртский язык использует так называемые "парные слова" – распространенное явление в финно-угорских языках. При этом язык прибегает к сочинительному характеру сложения (основной генетический признак), при котором свободное и равноправное соотношение элементов сложения дает в сумме единое значение (Пачаи 2002: 192): *сьёдалэс-горд* "бордовый" ("темный" + "красный"), *ёужалэс-горд* "оранжевый" ("желтый" + "красный"), *дйсяны-кутчаны* "экипировать" ("одеть" + "обуть").

Таким образом, наличие синонимов и описательных структур, используемых наряду с русскими заимствованиями французского происхождения, свидетельствует о собственных *потенциальных возможностях удмуртского языка*, которые проявляются в процессе заимствования и, следовательно, на примере удмуртского языка подтверждается универсальный характер взаимоотношений исконной и заимствованной лексики.

2.4. Динамика фиксации русской лексики французского происхождения в удмуртском языке

В многовековом контактировании удмуртов и русских в политико-экономическом, социально-бытовом и лингво-культурном аспектах исследователи выделяют два важных периода:

- 1) дореволюционный;
- 2) послереволюционный.

Так, 1-й период на уровне контактирования двух народов, по мнению В.К. Кельмакова, делится на следующие мелкие отрезки:

а) XII–XIII – середина XVI вв.: стихийная колонизация удмуртских земель русскими и завершение административного подчинения всего Удмуртского края (северной части в 1489 г., южной – в 1558 г.) Московской Руси;

б) 2-я половина XVI–XVII вв.: Удмуртский край в составе централизованного Русского государства (начальный этап);

в) XVII – начало XX вв.: развитие капитализма в Удмуртии, усиление массового притока русского рабочего люда, сплошная христианизация и начало просвещения удмуртского населения (Кельмаков 2000: 39–40).

Удмуртский язык относится к числу языков с небольшой дореволюционной литературной традицией. Дооктябрьский период развития языка характеризуется отсутствием общественно-признанных норм и изданием литературы на разных диалектах удмуртского языка (на елабужском, сарапульском, казанском, глазовском). К данному периоду относится возникновение удмуртской письменности (начало XVIII в.). В это время шла интенсивная работа по накоплению лексического материала из различных диалектов удмуртского языка, составлялись рукописные словари, книги для чтения, издавались грамматики, фольклорные материалы, шла интенсивная работа по уточнению количества букв в

алфавите, делались первые шаги по установлению орфографических и пунктуационных норм, тем самым была подготовлена почва для возникновения единого литературного языка (Тараканов 1998: 109).

Совместная жизнь оказала влияние на развитие удмуртского и русского населения. После того как удмурты вошли в состав Русского государства, исчезла территориальная и экономическая разобщенность между их северной и южной группами, создались объективные предпосылки для национального сплочения и развития. Постепенно создается единый удмуртский язык, и в XVIII столетии завершается процесс формирования удмуртской народности. Каждый век, прожитый вместе с русскими соседями, приносил в развитие национальной культуры удмуртского народа элементы русского влияния. Словарный состав удмуртского языка воспринял элементы русской и интернациональной лексики (Перевоицков 1963: 5).

Остановимся на темпах усвоения удмуртским языком русских заимствований.

Известно, что коми и удмурты встретились с русскими одновременно. Но лингвистов удивило то, что коми стали сразу усваивать русские слова, а в удмуртский язык их проникновение осуществлялось с опозданием на два-три столетия. Метод лингвистической географии в исследовании диалектов пермских языков дает, по-видимому, возможность разгадать тайну. Секрет, как считают ученые, заключается в том, что удмурты на юге в VI в. начинают вступать в контакт с булгарами. Анализ состава булгаризмов в удмуртском языке и русских слов в коми языке показал, что эти заимствования обозначали одни и те же предметы. Таким образом, заимствованные из болгарского языка слова создали прочный заслон для проникновения русских заимствований. Булгаризмы, проникшие в удмуртский язык позднее, на своем пути передвижения на север встречали пришедшие ранее через коми язык русские слова. С XIII-XIV вв. лексика

удмуртского языка с севера пополняется за счет русских слов, с юга – болгаризмов, а затем татаризмов.

Большой вклад в удмуртское языкознание внес Р.Ш. Насибуллин, посвятивший много лет поисковой работе опубликованных и неопубликованных письменных памятников удмуртского языка дооктябрьского периода. Значительная часть его научной деятельности сосредоточена на изучении русских заимствований в удмуртском языке. Авторы, затрагивающие проблему периодизации русских заимствований в удмуртском языке, делили их на два периода: дооктябрьский и послеоктябрьский (В.И. Алатырев, В.К. Кельмаков, И.В. Тараканов, Ш. Чуч и др.). Такая периодизация относительно русских заимствований Р.Ш. Насибуллина представляется неудовлетворительной, так как она не учитывает особенности проникновения русских слов в дооктябрьский период: направление их движения по территории заимствующего этноса; каким образом шло проникновение: через устно-разговорную речь или через книжно-письменный язык, а также состав заимствований. В связи с этим исследователь предлагает свою периодизацию применительно к русским заимствованиям и выделяет 5 периодов:

Первый период – с XIII в. до середины XVI в. Проникновение русских заимствований происходит только в северные диалекты через устно-разговорную речь.

Второй период – с середины XVI в. по 1847 г. Русские заимствования проникают как в северные, так и в южные диалекты через устно-разговорную речь.

Третий период – с 1847 по 1905 гг. С самого начала этого периода русские заимствования усваиваются не только через устно-разговорную речь, но и через книжно-письменный язык. С 1847 г. издаются удмуртские азбуки и буквари для начальных классов, а также в большом количестве переводная религиозная литература, которая внедряет клерикальную лексику.

Четвертый период – с 1905 по 1918 гг. Наряду с изданием религиозной литературы выпускаются брошюры и книжки в области медицины, сельского хозяйства, торговли, этнографии, государственного переустройства России и т.д. Заимствованные слова отражают бурные события, которые произошли в общественной, политической, экономической и культурной жизни России.

Пятый период – с 1918 г. Заимствование многих слов этого периода, с одной стороны, отражает определенные этапы в развитии советского общества. С другой стороны, в эти годы идет усвоение удмуртами многочисленных иноязычных слов, которые были заимствованы русским языком в XVIII–XX вв. (Насибуллин 1999: 10–12).

В ходе изучения материала перед нами встал вопрос о времени проникновения русских слов французского происхождения в удмуртский язык.

Удмуртская лексика дооктябрьского периода наиболее богато представлена в работах венгерского исследователя прошлого века Б. Мункачи. Р.Ш. Насибуллин выявил в публикациях Б. Мункачи (Munkácsi 1952) 630 русских слов. Проанализировав их, автор приходит к выводу о том, что русские заимствования удмуртами были усвоены в связи с необходимостью обозначения новых предметов и понятий, возникших в результате живого общения с русским населением в повседневной жизни (Насибуллин 1986: 66). Известно, что в словаре Б. Мункачи представлена не вся русская лексика дооктябрьского периода, употребляющаяся в удмуртском языке. В различных письменных удмуртских памятниках в этот период встречается уже более 4 тысяч лексем, заимствованных из русского языка (Насибуллин 1999: 8).

Проведя анализ русских слов дооктябрьского периода в удмуртском языке (по словарю Р.Ш. Насибуллина), мы выявили среди них слова, заимствованные из французского языка, и установили три этапа заимствования русских слов французского

происхождения дооктябрьского периода в удмуртском языке (написание отражает их удмуртское произношение конца XIX – начала XX столетий):

I этап – XVIII–XIX вв.

- 1785 *арап (араб), пакет, шапка*
- 1847 *типографи (типография)*
- 1877 *каманда (команда)*
- 1878 *минут (минута)*
- 1880 *камзол, пашипурт (паспорт), шинель*
- 1882 *императрица*
- 1886 *сорт*
- 1889 *бутылка, диван, жилетка, канарейка, коленкор, купорос*
- 1889 *мебель, металь (медаль), метал (металл), метр, мыльен (миллион), сертук (сюртук)*
- 1890 *канал*
- 1892 *билет, бардовой (бордовый), манер, шарт (шарф)*
- 1893 *сак, шаль*
- 1895 *банк*
- 1898 *миссионер, пристол (пистолет)*
- 1900 *балкон, кастрюля*

Слова не поддаются систематизации по тематическим группам. Это единичные примеры, отражающие в основном конкретные предметы, незнакомые ранее удмуртам.

II этап – 1901–1914 гг. XX вв.

- 1904 *компресс, литра (литр), протокол*
- 1905 *манифес (манифест), минарет*
- 1906 *адрес, афиши (афиша)*
- 1907 *арабской, бланк, капитал, кредит, магазин*
- 1907 *портрет, тире*
- 1908 *батарея, колибри, орангутанг, шимпанзе*
- 1909 *акушерка, люцерна, резинка*
- 1911 *вандал*
- 1912 *лак*

На этом этапе можно выделить слова, обозначающие для удмуртов экзотических животных и растения (*колибри, орангутанг, шимпанзе, люцерна*).

III этап – 1915–1917 гг. XX вв.

1915 *автомобиль, армия, аэроплан, батальён (батальон), батальонной, бомба, командовать карыны, лазарет, мина, министр, патрон, тужурка, фронт, фугас*

1916 *акционер, акция, артиллерийской, артиллерия, атака, вагон, газ, жандарм, комитет, порт, сатинь (сатин)*

1917 *акцизной, аристократической, атаковать карыны, бандероль, бомбардировать карыны, гарнизон, департамент, зал, инженер, кадет, комендант, комиссар, миллиард (миллиард), министерство, монархист, навильён (навильон), пассажир, редакция, рессора, секретарь, телеграф, флот, экипаж*

Около 40% слов этого этапа приходится на слова, обозначающие военную терминологию. Этот этап связан с периодом Первой мировой войны, в которой принимали участие и удмурты.

Проведенный нами анализ русских слов французского происхождения дооктябрьского периода в удмуртском языке показывает следующее:

- на уровне частей речи заимствовались преимущественно существительные (93%); к первым глаголам (3%), появившимся в удмуртском языке, относятся: *командовать карыны, атаковать карыны, бомбардировать карыны*; к первым прилагательным (4%): *бордовой, батальонной, артиллерийской*. В послеоктябрьский период количество глаголов и прилагательных несколько увеличилось, соответственно: 7% и 9%;

- на момент заимствования 17% слов имели в удмуртском языке иную графику, чем русские эквиваленты, и, зачастую, иное произношение:

<i>арап</i>	1785	<i>бардовой</i>	1892
<i>типографи</i>	1847	<i>шарт</i>	1892
<i>каманда</i>	1877	<i>пристол</i>	1898
<i>минут</i>	1878	<i>литра</i>	1904
<i>пашпурт</i>	1880	<i>манифес</i>	1905
<i>металь</i>	1889	<i>афиш</i>	1906
<i>метал</i>	1889	<i>батальён</i>	1915
<i>мыльен</i>	1889	<i>миллиард</i>	1917
<i>сертук</i>	1889	<i>навильён</i>	1917

В современном удмуртском языке у всех этих слов графическое оформление совпадает с русским. Исключение составляет слово *минут* (рус. *минута*);

- с точки зрения тематической направленности среди первых опосредованных русских заимствований французского происхождения дооктябрьского периода удастся выделить следующие группы:

военная лексика: *армия, батальон, батальонной, батарея, бомба, командовать карыны, лазарет, мина, патрон, фронт, фугас, атаковать карыны, бомбардировать карыны, гарнизон, артиллерийской, артиллерия, атака, пистолет*;

слова обозначающие лицо: *араб, императрица, миссионер, акушерка, вандал, министр, инженер, кадет, акционер, жандарм, комендант, комиссар, монархист, пассажир, секретарь*;

предметы быта, одежды, ткани: *пакет, бутылка, диван, мебель, сак, кастрюля, камзол, жилетка, сюртук, шарф, шаль, тужурка, сатин, коленкор*;

финансовая и экономическая лексика: *акцизной, акционер, акция, банк, капитал, кредит, магазин*;

единицы измерения: *метр, миллион, миллиард, литр, минут*;

животный и растительный мир: *канарейка, колибри, орангутанг, шимпанзе, люцерна*.

Появление в удмуртском языке опосредованных русских заимствований французского происхождения дооктябрьского периода связано с названиями экзотических предметов, животных и растений, с наличием прогресса, с событиями в общественной жизни, с революциями 1905 и 1917 гг., с периодом Первой мировой войны.

Анализ языкового материала показывает, что среди русских заимствований французского происхождения, используемых в удмуртском языке, на дооктябрьский период приходится около 8% слов. В данном случае удмуртский язык отражает общую тенденцию языков народов бывшего СССР, проявляющуюся в том, что иностранные слова, пришедшие через русский, относящиеся в большинстве случаев к терминологической лексике, являются, как правило, поздними заимствованиями (Ахунзянов 1968: 35; Дешериев 1962: 4-5; Ыйги 1971: 22). Разумеется, у разных народов СССР в зависимости от хозяйственного уклада жизни были развиты различные отраслевые терминологии и до революции. Так, например, в эстонском – по рыболовству, в азербайджанском – по добыче и переработке нефти, в казахском и киргизском – по скотоводству, в армянском – по строительству, в узбекском – по шелководству, хлопководству, бахчеводству и т.д. (Развитие... 1986: 7). Удмуртский же язык, как отмечалось ранее, был приспособлен для обслуживания простого натурального хозяйства и патриархальных отношений, и необходимость в терминологии возникла только после Октября. С этого момента изменился весь уклад жизни удмуртского народа, который отразился и на его языке (Бутолин 1937: 14, 17).

По мере приближения к нашему времени число русских заимствований постоянно возрастает. По своему составу русизмы дооктябрьского периода в основном заключают в себе восточнославянский, общеславянский или собственно русский фонд. Однако большинство заимствований постепенно начинает восходить к западноевропейским источникам, что продолжается до сегодняшнего дня (Насибуллин 1987: 160).

Применительно к послереволюционному времени, когда прослеживается тесная связь удмуртского и русского языков, известный удмуртский исследователь И.В. Тараканов выделяет три периода в развитии удмуртского литературного языка:

*Первый период** (20–40-е гг. XX столетия) характеризуется тем, что возникает единый литературный язык. В это время окончательно определена диалектная база литературного языка (фонетическая основа его была ориентирована на срединно-северные – зуринский, игринский, дебесский – говоры (Д.В. Бубрих). Морфологические и лексические нормы разработаны на различных диалектных основах, главным образом на южных и северных диалектах. В эти же годы разработаны и опубликованы орфографические и пунктуационные правила, орфографический словарь, шла интенсивная работа по созданию учебников и учебных пособий для массовых школ, развернута работа по созданию новой терминологической лексики с целью обогащения литературного языка новой общественно-политической и отраслевой научной лексикой. В создании терминологической лексики для литературного языка участвовала вся творческая интеллигенция: писатели, журналисты, лингвисты. Особенно усердно в этой области

* В целом в истории удмуртского языка И.В. Тараканов выделяет четыре периода. К первому он относит дореволюционный период, соответственно, период, который начинается в советское время, у него значится вторым и так далее (Тараканов 1998: 109–113).

работал удмуртский деятель, этнограф и поэт Кузедан Герд, репрессированный в 1932 г. Многие предложенные слова прочно вошли в удмуртский язык. В результате словарный запас удмуртского литературного языка обогатился новыми оригинальными, сугубо национальными терминами, созданными за счет внутренних словообразовательных средств (словосложение, суффиксальный способ, способ лексикализации сочетаний слов, калькирование). В 30-е гг. К. Герд и его последователи были обвинены в "национализме" и "троцкизме". Появилось Постановление пленума Удмуртского обкома ВКП(б) (Молот 1936, № 2), в котором содержались тезисы, прямо призывающие к отказу от употребления "надуманных" националистами терминов. Было запрещено использовать в печати слова, которые якобы отражают старинный уклад жизни удмуртов и пропагандируют буржуазную идеологию. Запрещалось также использовать в печати узкодialeктные слова, рекомендовалось воздержаться от использования тюркизмов в литературном языке и не переводить интернациональные слова на удмуртский язык. Так начался следующий период в развитии удмуртского литературного языка.

Второй период (40-е – 80-е гг.). Вся удмуртская отраслевая (географическая, математическая, лингвистическая, литературоведческая, биологическая и др.) лексика, разработанная в 30-е гг., была предана забвению. В массовой публицистической литературе слова русского происхождения перестали переводить даже в тех случаях, где на то были соответствующие удмуртские эквиваленты. В школах республики с 1960-х гг. удмуртский язык стал преподаваться как рядовой предмет; в ряде районов (Сюмсинском, Граховском, Кизнерском и отчасти Селтинском, Ярском, Красногорском), а также в Кировской и Пермской областях обучение удмуртских детей стали вести на русском с первого класса. Устная форма общения удмуртов настолько засорилась, что она, по мнению

И.В. Тараканова, превратилась в макароническую речь, где через каждое удмуртское слово произносится два-три и более русских слов. Следует отметить и положительные моменты данного периода. Достигнуты определенные успехи в разработке теоретических вопросов ономастики и диалектологии: написана и опубликована в 4-х томах научная грамматика, дважды уточнены и унифицированы орфографические и пунктуационные правила, выпущены синонимический, биологические, двуязычные удмуртско-русские и русско-удмуртские словари, написаны и опубликованы учебники и учебные пособия для студентов вузов по удмуртской лексикологии, ономастике, заимствованной лексике и сопоставительной грамматике удмуртского и русского языков и др. Однако в последние 30 лет не проводилось заметных работ в области обогащения словарного состава удмуртского языка новыми словами и терминами. Учитывая "засоренность" удмуртской речи русскими и интернациональными словами, представители удмуртской интеллигенции – писатели, журналисты и ученые – в последние годы стали заниматься словотворчеством, используя внутренние возможности словообразования самого удмуртского языка.

Третий период (с конца 80-х – начала 90-х гг.) – период обогащения удмуртского языка терминологической лексикой. За последние 10 лет восстанавливаются забытые удмуртские названия дней недели, названия месяцев, некоторые позабытые названия мелких зверей и птиц, старинных национальных праздников, одежды, переводятся (калькируются) и даются в удмуртском варианте ряд общественно-политических и научных терминов (Тарканов 1998: 109–113).

Опираясь на предложенные исследователями периодизации, связанные с проникновением русских слов в удмуртский язык, мы выявили *динамику фиксации* русских слов французского происхождения в удмуртском языке (см. Рис. 4).

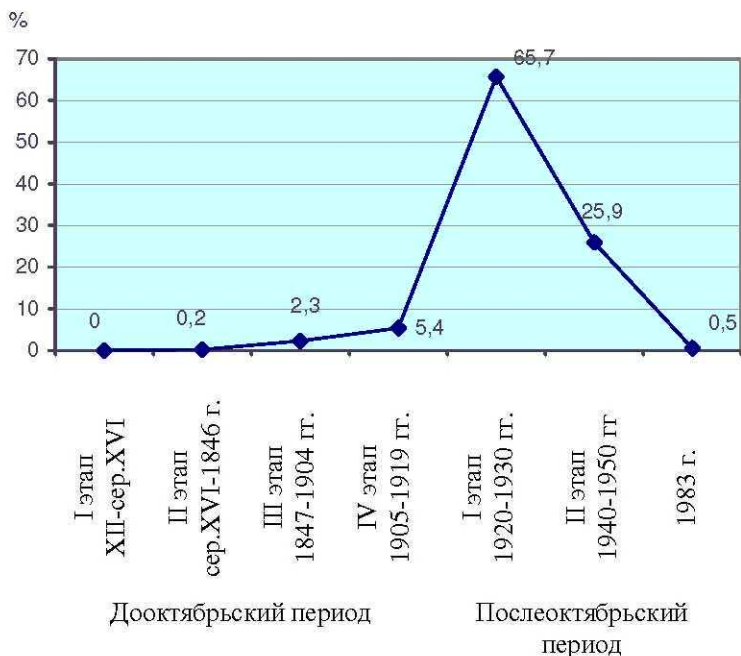

Рис. 4. Динамика фиксации русских слов французского происхождения в удмуртском языке

Рисунок показывает, что значительная часть русских заимствований французского происхождения в удмуртском языке связана с послеоктябрьским периодом (92,1%). Пик данных заимствований в удмуртском языке приходится на 20–40-е гг.

Мы сопоставили динамику фиксации французских слов в русском и русских слов французского происхождения в удмуртском языках.

Основное количество французской лексики в русском языке зафиксировано этимологическими словарями на период XVIII–XIX вв. (83,6%). Как показывают исторические источники, в этот период уже были достаточно активными контакты русских и удмуртов на

территории современной Удмуртии. Но для дооктябрьского периода характерно незначительное проникновение русских заимствований французского происхождения в удмуртский язык (около 8% от всех примеров), в то время как русская лексика в удмуртском языке употреблялась уже активно. Так, по данным исследования Р.Ш. Насибуллина, в памятниках удмуртского языка дооктябрьского периода зафиксировано 4290 русских слов (Насибуллин 1999: 8). Проанализировав эти заимствования, мы выявили, что среди них только 2,5% слов являются русскими словами французского происхождения. Незначительный процент изучаемых слов в удмуртском языке в дооктябрьский период объясняется тем, что, во-первых, в любом языке освоение лексики не происходит стремительно. Русскому языку потребовалось 1,5–2 столетия, чтобы он стал языком-посредником при передаче французских заимствований в удмуртский язык. Во-вторых, коренное население Удмуртии дооктябрьского периода занималось главным образом сельским хозяйством. Благодаря существующему укладу жизни русские слова французского происхождения не были востребованными. В-третьих, само русское население, проживающее совместно с удмуртами, было не образованно и, соответственно, не владело французским языком. Дворянство, которое могло бы способствовать распространению французского языка, практически отсутствовало.

Таким образом, изучение динамики фиксации опосредованных заимствований в удмуртском языке показало, что слова французского происхождения, зафиксированные в русском литературном языке в основной своей массе в XVIII–XIX вв., практически не употреблялись в разговорной речи русских Вятско-Камского региона в дооктябрьский период.

Раздел III. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕКСИКА, ЗАИМСТВОВАННАЯ УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ ЧЕРЕЗ РУССКИЙ, В ЕЁ ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

3.1. Неоднородность этимологических источников изучаемого французского пласта лексики

Французские слова, проникшие в удмуртский язык через русский, неоднородны по своему происхождению, т. е. имеют разную этимологию. В научной литературе можно встретить указания на то, что следует различать *исконные галлицизмы* (форма, значение и функционирование слова этимологически связаны только с собственной историей французского языка) и *опосредованные галлицизмы* (французские лексемы, заимствованные французским языком из других языков) (Банкав 1986: 18). Применительно к материалу, составившему основу нашего исследования, этот вопрос ранее специально не разрабатывался.

Анализ русских слов французского происхождения, заимствованных удмуртским языком, в истории самого французского языка показал, что более 70% слов появилось во французском языке после старофранцузского периода (см. Рис. 5):

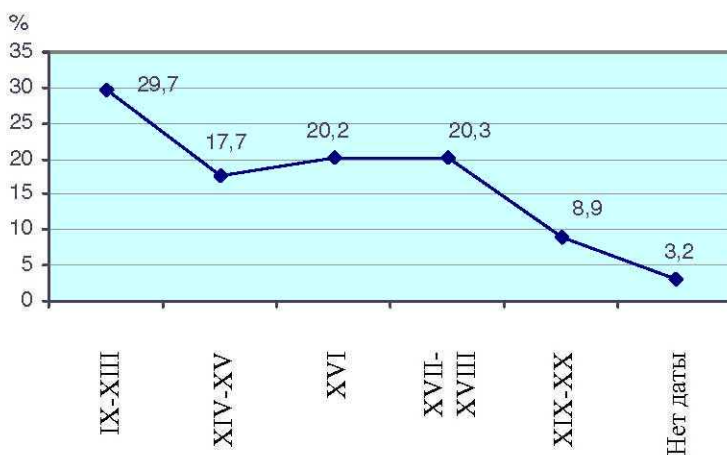

Рис. 5. Динамика фиксации в самом французском языке слов, проникших в удмуртский язык через русский

Как видно из Рис. 5, русские слова французского происхождения, заимствованные удмуртским языком, зафиксированы в самом французском языке в разные периоды его истории. В связи с этим появилась гипотеза о том, что не все слова, рассматриваемые нами, являются исконно французскими. Это потребовало исследования этимологии французских слов.

Из числа французских заимствований, проникших впоследствии в удмуртский язык через русский, слова *собственно французского происхождения* по нашим подсчетам составляют 37,4% от общего числа французских слов в удмуртском языке. Часть из них относится к первоначальному исконному фонду (13,5%), созданному на базе разговорного латинского языка. Такие слова присутствуют во французском языке уже на раннем этапе его существования, в них отражены закономерности исторической фонетики:

annoncer "сообщать" (удм. *анонсировать карыны*)

1080 < лат. *annuntiare* < *nuntius* "послание"

balance "весы" (удм. *баланс*) XII в. < нар. лат.

**bilancia* < лат. *bilanx*, букв. "две чашки (весов)"

bouteille "бутылка" (удм. *бутылка*) 1230 < лат.

bütticūla < уменьш. от *büttis* "бочка"

crème "сливки" (удм. *крем*) 1155 < лат. *chrisma* < гр.

khrisma "помазание"

drap "сукно" (удм. *драп*) 1160 < лат. *drappum* < кельт.

Значительная же часть слов в истории французского языка была подвержена словообразовательному процессу (23,9%):

abat-jour "абажур" (удм. *абажур*) 1676 < *abattre*

"убить", "ослабить" + *jour* "день"

avance "задаток" (удм. *аванс*) кон. XIV в. < *avancer*

"платить вперед"

boudoir "будуар" (удм. *будуар*) 1740 < *bouder*

"дуться, обижаться"

dentiste "зубной врач" (удм. *дантист*) нач. XVIII в. <

dent "зуб"

descente "спуск" (удм. *десант*) 1304 < *descendre*

"спускаться".

Более половины французских слов, составивших в дальнейшем пласт французских заимствований в удмуртском языке, судя по данным этимологических словарей и нашим собственным подсчетам, сами являются заимствованиями (см. Рис. 6).

Сопоставительный анализ этимологии показал, что 61% слов изучаемого пласта являются словами иноязычного происхождения (заимствования или словообразования во французском языке на основе заимствований).

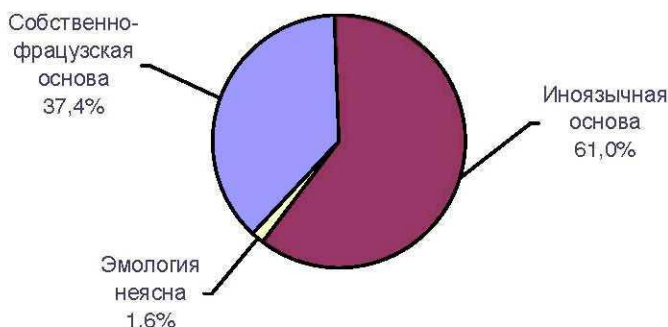

Рис. 6. Этимология французских слов, заимствованных через русский язык удмуртским языком

Значительная часть среди французских слов, проникших в удмуртский язык через русский, представляет латинский фонд (42,1%), который в свое время был частично пополнен за счет греческих заимствований:

dividende "дивиденд" нач. XVI в., финанс. значен. XVIII в. < лат. *dividendus* "подлежащее разделу"

gangrène "гангрена" 1495 < лат. *gangraena* < гр. *gaggraina* "гниение, разложение"

préfixe "префикс" 1751 < лат. *praefixus* "прикрепленный" < *prae* "спереди" + *figere* "прикреплять"

rythme "ритм" 1520 < лат. *rhythmus* "равномерность, размер" < гр. *rhythmos* "равномерность, размер".

vétéran "ветеран" 1554 < лат. *veteranus* "старинный, древний" < *vetus*, *veteris* "старый, испытанный, опытный"

Для научных языков европейских народов, как и для русского, латинский язык был поставщиком десятков и

сотен научных терминов (Кутина 1964: 197–198). Во французском языке первые латинизмы появились в старофранцузский период (XI–XII вв.). В конце XIII в. их число возрастает и в XIV в. можно говорить о настоящем нашествии латинизмов, которые сознательно и преднамеренно употребляются переводчиками светских произведений. Эпоха Возрождения (XVI в.) продолжила это развитие, придав ему еще больший размах. После некоторого спада латинские заимствования возобновляются в XVIII и особенно в XIX вв.: причина этого кроется в развитии наук, в потребности в специальных словарях (Доза 1956: 152–156).

Из современных европейских языков наибольшее влияние на французскую лексику, проникшую в дальнейшем в удмуртский язык через русский, оказал итальянский язык (29,1%). Почти половина итальянских слов (45%) была заимствована французским языком в XVI в., в период наиболее тесных контактов Франции и Италии:

banquet "банкет" 1458 < ит. *banchetto* "маленькая скамья", т. е. скамьи, расположенные вокруг столов для приглашенных

carrousel "карусель" 1596 < ит. *carosela* "карусель" < араб. *kuṭṭadj* "детская игрушка, сделанная из снаряженных лошадей"

esquisse "эскиз" сер. XVI в < ит. *schizzo* "схема, набросок" < лат. *schedium* "стихотворный экспромт" < гр.

sérénade "серенада" 1556 < ит. *serenata* "серенада" < *sera* "вечер" < лат. *sera (hora)* "поздний (час)"

vermicelle "вермишель" 1533 < ит. *vermicelli*, букв. "червячки"

Небольшое количество изучаемых слов приходится на заимствования из испанского языка (5,6%):

compliment "комплимент" 1604 < исп. *cumplimiento* < *cumplir* "совершать, выполнять" < от

выражения *cumplir con alguien* "быть вежливым по отношению к кому-либо"

cuadrille "кадриль" кон. XVI в. < исп. *cuadrilla* < измен. *cuarto* "четвертый" (первонач. танец четырех пар).

Большинство испанских заимствований среди изучаемых французских слов являются для французского языка опосредованными, так как пришли в испанский язык из других языков. Они несут в себе информацию об экзотических предметах или явлениях далеких стран:

cacao "какао" 1532 < исп. *sacao* < яз. ацтеков (Мексика)

hamac "гамак" 1519 < исп. *hamacu* < кариб. (Венесуэла)

maïs "маис" 1519 < исп. *maiz* < яз. Гаити

ouragan "ураган" 1533 < исп. *huracan* < кариб.

pirogue "пирога" 1640 < исп. *piragua* < кариб.

tomate "томат" 1598 < исп. *tomata* < яз. ацтеков и др.

Некоторые рассматриваемые нами слова проникли во французский язык из английского (4,8%):

bloc-notes "блокнот" 1888 < англ. *block-notes*, букв. "объединение листов"

comité "комитет" 1650 < англ. *committee* < (to) *commit* "доверять".

Особого внимания среди английских заимствований заслуживают так называемые *слова-бумеранги*: слова, которые в свое время были заимствованы английским языком из французского языка:

budget "бюджет" 1768 < англ. *budget* < ст.-фр. *bougette* "мешочек"

festival "фестиваль" 1830 < англ. *festival* < ст.-фр. *festival* < лат. *festivus* "праздничный, веселый"

jury "жюри" 1688 < англ. *jury* < ст.-фр. *juri* "суд присяжных" < *jurer* "клясться, присягать" и др.

Слова, сформированные на базе древнегреческого, немногочисленны (3,8%):

hypnotizer "гипнотизировать" 1855 < гр. *hypnos* "сон"
iode "йод" 1812 < гр. *iōdes* "фиолетовый"
polémique "полемика" 1578 < гр. *polemikos*
 "воинственный, враждебный".

Французская лексика, проникавшая в дальнейшем в удмуртский язык через русский, пополнялась также за счет *других языков* (14,6%), из которых каждый в отдельности дает незначительное количество слов. Языки заимствований:

- провансальский:
luzerne "люцерна" 1566 < прованс. *luzerno*
 "блестящий червяк"
- арабский:
zenith "зенит" 1361 < араб. *zamt* "высшая точка
 небосвода"
- немецкий:
accordéon "аккордеон" 1833 < нем. *Akkordeon* <
Akkord "аккорд" + окончание по аналогии со
 словом *Orpheon* "хоровая капелла"
- турецкий:
kiosque "киоск" 1608 < тур. *kiösk* "павильон в саду"
- португальский:
caste "каста" 1615 < порт. *casta* "порода,
 происхождение" < лат.
- нидерландский:
boulevard "бульвар" 1495 < ср.-нидерл. *bolwerc*
 "крепостной вал" и др.

Многие изучаемые слова являются полузаимствованиями, т. е. во французском языке произошло *словообразование на основе заимствованных ранее слов* (24,6%):

colossal "колоссальный" XVI в. < *colosse* "гигант"
 1495 < лат. *colossus* "статуя огромной
 величины" < гр. *kolossos*
massage "массаж" 1812 < *masser* "массировать,
 растирать" 1779 < араб. *mass* "трогать, щупать"

mousquetaire "мушкетер" 1580 < *mousquet* 1550 < ит. *moschetto* "стрела, посланная при помощи арбалета"

municipalisation "муниципализация" XX в. < *municipal* "муниципальный" сер. XV в. < лат. *municipalis* < *municipium* "самоуправляющая община"

sentimentalisme "сентиментализм" 1801 < *sentimental* 1769 < англ. *sentimental* < фр. *sentiment* "чувство".

Особо среди французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский, следует рассмотреть неологизмы. Они, как правило, созданы на базе существовавших латинских и греческих слов, которые французский язык использовал для обозначения новых реалий (предметов, явлений), обусловленных развитием французского общества. Как правило, это были книжные слова:

aéroplane "аэроплан" 1855 < гр. *aër* "воздух" + фр. *planer* "парить"

automobile "автомобиль" 1864 < гр. *autos* "сам" + лат. *mobilis* "подвижный, легкий"

aviation "авиация" 1863 < лат. *avis* "птица"

azote "азот" 1787 < гр. *a* "без" + *zôê* "жизнь"

bibliographe "библиограф" сер. XVII в. < гр. *biblion* "книга" + *graphein* "писать, описывать"

binocle "бинокль" 1859 < лат. *binī* "пара" + *oculus* "глаз"

égoïsme "эгоизм" 1755 < лат. *ego* "я"

manucure "маникюр" 1877 < лат. *manus* "рука" + *curare* "заботиться"

margarine "маргарин" 1813 < гр. *margaron* "перламутр" + суф. *-ine*, по аналогии со словом *glycérine* "глицерин"

vélocipède "велосипед" 1804 < лат. *velox* (*velocis*) "быстрый" + *pes* (*pedis*) "нога" и др.

Как показали наблюдения исследователей, для XVIII в. при достаточно широком употреблении латинского языка в различных европейских странах многие термины можно рассматривать как латинизмы. Иное положение складывается в XIX в., особенно со второй его четверти, когда латинский язык как "язык ученых" постепенно сходит со сцены. В это время генетические "латинизмы" появляются на почве живых языков и заимствуются из них непосредственно в другие языки, в том числе в удмуртский через русский. Основным и непосредственным источником таких заимствований является французский язык. Говорить о них как о латинизмах нет оснований (Сорокин 1965: 159).

На основе изучения лингвистической литературы, касающейся вопросов исторической фонетики и современной французской графики (Алисова, Репина, Таривердиева 1987: 139–189; Гак 1985; Доза 1956: 29–123; Катагощина, Гурычева, Аллендорф 1976: 48–57; Корлэтяну 1974: 128–161; Сергиевский 1947: 44–58; Щетинкин 1984: 28–56 и др.), мы попытались систематизировать *маркеры иноязычного происхождения французских слов* рассматриваемого нами пласта заимствований.

Среди *графических маркеров*, свидетельствующих о том, что слово не является исконно французским, мы выделили, в частности, следующие:

1. *Конечный ударный гласный* (звук и буква):

canari "канарейка" 1576 < исп. canario < нов.-лат. avis
Canaria "канарская птица", т. е. птица с
Канарских островов

colibri "колибри" 1640 < яз. туземцев племени
Антильских островов; во французском слово
зафиксировано раньше других европейских
языков

loto "лото" 1732 < ит. lotto "государственная лотерея"
< гот. hlauts "жребий"

panama "панама" 1842, по названию республики
Панама в Центральной Америке

panorama "панорама" 1799 < англ. *panorama*; слово образовано шведским художником Баркером (Barker) в 1787 г. при помощи гр. слов *pan* "все" + *horama* "вид, зрелище"

sofa "софа" 1560 < тур. *sofa* < араб. *suffa* "подушка"

visa "виза" XVI в. < лат. ср. р. мн. ч. от *visum*, букв. "виденное".

Гласные на конце слов в истории французского языка редуцировались, а затем выпадали (Алисова 1987: 171; Корлэтяну 1974: 156): *mur*_i, *mur*_o, *mur*_u > ст.-фр. *mur*. Наличие в современном французском языке слов с конечным ударным гласным свидетельствует об их появлении в более поздние периоды. Как правило, это слова – заимствования. Исключение среди имеющихся примеров составляют сокращения типа: *kilo* "кило" < *kilogramme*, *métro* "метро" < *métropolitain*, *taxi* "такси" < *taximètre*.

Исследователи отмечают, что, например, современные французские слова с конечным *o*, заключают в себе три категории: заимствования (*bravo*, *cacao*), разговорные усечения (*métro*, *vélo*), некоторые слова детской речи (*bobo*, *dodo*) (Гак 1985: 113). Две первые категории входят в корпус изучаемых нами слов.

2. *Отсутствие палатализации в начальном слоге ca-*:

cadastre "кадастр" 1527 < прованс. *cadastre* < ст.-ит. *catastico* < позднерп. *katastikhon* "лист, реестр"

calque "калька" 1690 < ит. *calco* < *calcare* "давить, жать"

cannibale "каннибал" 1515 < исп. *canibal* < назван. индейск. племени

caprice "каприз" 1558 < ит. *capriccio*, букв. "козьи ухватки"

caravane "караван" XIII в. < перс. *karwân* "караван верблюдов"

cardinal "кардинал" XIII в. < лат. *cardinalis* "главный, основной"

cartel "картель" 1527 < ит. *cartello*, букв. "объявление, вывеска".

Палатализация *c* перед *a* была нормой в истории французского языка (Guiraud 1979: 58). Этот согласный развился в аффрикату [tʃ] в галло-романский период, а затем перешел в [ʃ] (Катагощина 1976: 54; Сергиевский 1947: 57): лат. *cantare* > фр. *chanter*, лат. *camera* > фр. *chambre*, лат. *caballum* > фр. *cheval*. Исследуемые нами современные французские слова, начинающиеся с *ca-*, свидетельствуют об иностранном происхождении, чаще всего итальянском.

3. *s* (звук и буква) перед другим согласным:

Позиция согласного перед другим согласным в истории французского языка являлась слабой. В старофранцузском языке согласные в этой позиции либо исчезали совсем, либо претерпевали изменения. Самым стойким из согласных был звук [s], который исчез в среднефранцузский период (Катагощина 1976: 55–56): лат. *maester* > фр. *maître*, лат. *hospitalem* > фр. *hôpital*. В заимствованных словах *s* перед другим согласным в современном французском языке сохраняется:

bastion "бастион" кон. XV в. < прованс. *bastida*
"построенная"

buste "бюст" 1356 < ит. *busto* < лат. *bustum* "бюст
покойного, установленный на могиле"

costume "костюм" 1747 < ит. *costume* "обыкновение",
"костюм"

gastronomie "гастрономия" 1847 < гр. *gastronomia* <
gaster "желудок, живот" + *nomos* "закон"

mystique "мистик" XIV в. < лат. *mysticus* "тайный,
мистический" < гр. *mūsticos* < *mustēs*
"осведомленный, посвященный"

prestige "престиж" XVI в. < лат. *praestigium* "обман,
надувательство"

stylistique "стилистика" 1872 < нем. *Stilistik* < лат. *stilus, stylus* < гр. *stylos* "палочка для письма, почерк, стиль" + гр. суф. *-istēs + ikē*.

4. Буква *x*, звучащая как [ks]

В современных французских словах буква *x* является обычно показателем множественного числа и не произносится: *beaux* [bo], *chevaux* [ʃəvo] (Гак 1985: 216). В случае, если данная буква начинает звучать как [ks], мы обнаруживаем, что слово является заимствованным:

boxe "бокс" кон. XVII в. < англ. *box* "удар"

elixir "эликсир" 1265 < араб. *al iksir* "философский камень" < гр. *ksêron* "лекарство"

expansif "экспансивный" 1732 < лат. *expansio* "расширение" < *randere* "открывать"

extase "экстаз" 1495 < лат. *extasis* "изумление" < гр. *extasis* "неистовство, иступление".

Данная буква [звук ks] является иногда составной частью латинского префикса *-ex* "вне":

excentrique "эксцентрик" 1361 < лат. *excentricus* < *ex* "из, вне" + *centrum* "центр"

exporteur "экспортер" < *exporter* XVI в. < лат. *ex* "вне" + *portare* "нести"

expropriation "экспроприация" 1789 < *exproprier* < лат. *ex* "от, из" + *proprius* "собственный".

5. Сочетание *sc-* (*esc-*), *sp-* (*esp-*), *st-* (*est-*) в начале слова:

а) *sc-* (*esc-*):

scaphandre "скафандр" 1765 < *skaphê* "ладья, челнок" + *anêr* "человек"

escadre "эскадра" XV в. < ит. *squadra* и исп. *escuadra* "прямоугольник"

escadrille "эскадрилья" XVI в. < исп. *escuadrilla* < *escuadra*

escorte "эскорт" 1500 < ит. *scorta* "проводник"

esquisse "эскиз" XVI в. < *schizzo* "схема, набросок"

б) *sp-* (*esp-*):

spasme "спазма" 1256 < лат. *spasmus* < гр. *spasmos*
"спазма, судорога"

spectre "спектр" 1586 < лат. *spectrum*
"представление"; значен. термина появилось из
англ. *spectrum*, взятого Ньютоном из лат. в
1720 г.

spirale "спираль" XVI в. < ср.-лат. *spiralis* < *spira*
"виток, завиток" < гр. *speira*

esparcette "эспарцет" 1600 < прованс. *esparceto* – то
же

в) *st-* (*est-*):

stage "стаж" нач. XVII в. < ср.-лат. *stadium* < калька
ст.-фр. "пребывание"

statuette "статуэтка" 1829 < *statue* "статуя" < лат.
statua "статуя"

estafette "эстафета" 1619 < ит. *staffetta* "курьер,
посыльный"

estrade "эстрада" 1674 < исп. *estrado* "помост".

В поздней латыни все слова с группой согласных *sc-*,
sp-, *st-* в начальной позиции получали протетический
гласный звук. Обычно в качестве протетического гласного
появлялся звук [i], затем [e] (Корлэтяну 1974: 155). В этом
звучании слова дошли до старофранцузского периода. На
протяжении всего периода шло ослабление [s] перед
согласным, закончившееся утратой его в конце XIII в., т. е.
к началу среднефранцузского периода (Катагощина
1976: 54):

кл. лат.	ст.-фр.	ср.-фр.
<u>s</u> cola	<u>e</u> scole	école
<u>s</u> pata	<u>e</u> spee	épée
<u>s</u> trictum	<u>e</u> stroit	étroit

Следовательно, исходя из исторической фонетики,
слова с группой согласных *sc-* (*esc-*), *sp-* (*esp-*), *st-* (*est-*),
появились, как правило, после старофранцузского периода
и являются в современном французском языке словами

иноязычного происхождения. Отметим, что одно и то же слово этой серии, исходя из законов исторической фонетики, будет звучать по-разному в романских языках: фр. *échine* "хребет, позвоночник", ит. *schiena*, прованс. *esquina*, исп. *esquina* (Guiraud 1979: 58). Слова данной подгруппы пришли во французский язык, как правило, из других романских языков или являются латинскими заимствованиями.

Графические маркеры, свидетельствующие о словах-заимствованиях, не всегда отражают фонетические процессы в истории французского языка. Они могут обозначать звук, который во французском языке имеет собственное графическое оформление:

а) *ph* [f] (греческий маркер):

graphite "графит" кон. XVIII в. < гр. *graphein* "писать"

phare "фара" 1546 < лат. *pharus* "маяк" < гр. *pharos*; *Pharos* – название острова, над которым возвышалась башня маяка

phrase "фраза" 1546 < лат. *phrasis* < гр. *phrasis* "ораторский оборот"

sémaphore "семафор" 1812 < гр. *sêma* "знак" + *phoros* "несущий".

Для написания звука [f] в современном французском языке используется буква *f* и сочетание *ph*. Чаще всего употребляется буква *f* (*filet* "филе", *front* "фронт"). Графема *ph* пишется этимологически в словах, заимствованных из греческого и реже – из восточных языков (Гак 1985: 150).

б) *th* [t] (греческий маркер):

logarithme "логаритм" 1627 < лат. *logarithmus* < гр. *logos* зд. "отношение, связь" + *arithmos* "число"

panthère "пантера" 1119 < лат. *panthera* < гр. *panthêr* < *pan* "все" + *thêr* "животное"

théâtral "театральный" нач. XVI в. < лат. *theatralis* < *theatrum* "сцена" < гр. *theatron*

théorétique "теоретический" 1721 < лат. *theoreticus* < *theoricus* < гр. *theorikos* "видимый"

в) у [i] (как правило, греческий или английский маркер):

homonyme "омоним" нач. XVI в. < лат. *homonymus*
"одноименный" < гр. *homônymos* < *homos*
"похожий" + *onoma* "имя"

jockey "жокей" 1776 < англ. *jockey* < уменьш. от *Jock*,
шотландск. форма имени *Jack*

jury "жюри" 1688 < англ. *jury* "суд присяжных"

paralyser "парализовать" 1765 < лат. *paralysis*
"расслабление, паралич" < гр. *paralasis* < *lasis*
"ослабление"

système "система" 1552 < гр. *sustême* "совокупность".

Буква у среди изучаемых примеров употребляется в собственно французских словах в сочетании *ou* [wa]: *loyal* "лояльный", *royal* "королевский" (рус. "рояль"), *royaliste* "роялист".

Исследователи отмечают, что у в современном французском языке пишется в немногих собственно французских словах (*paus*, *abbaye*), в собственных именах (*Yves*, *Lyon*), на конце французских фамилий и географических названий (*Sully*, *Vichy*). В средние века буква у использовалась как каллиграфический вариант *i* для украшения слов, придания им большей "весомости", особенно часто в начале и на конце слова. Так сохранилась буква у в отмеченных случаях. Значительно чаще она употребляется в заимствованных словах из английского, греческого и других языков (Гак 1985: 115–116; Le Becherelle 1980: 36), что подтверждается нашими примерами.

г) *k*, *ch* [k] (разные языки):

cheïk "шейх" 1272 < араб. *chaikh* "старик", затем
"вождь племени"

chloroforme "хлороформ" 1834 < *chlorure* "хлорное
соединение" < гр. *chlôros* "зеленый" + *forme* <
сокр. *formique* "муравьиный"

kilo "кило" 1790 < гр. *kilogramme* < *khilioi* "тысяча"

kiosque "киоск" 1608 < тур. *kiösk* "павильон в саду".

Буква *k* пишется в словах иностранного происхождения, например в греческих, немецких, английских, славянских, восточных. Сочетание *ch* используется для обозначения звука [k] в словах греческого происхождения, а также в некоторых других заимствованиях (Гак 1985: 134; Le Becherelle 1980: 22).

Таким образом, рассмотренные нами графические маркеры иноязычного происхождения во французских словах, заимствованных удмуртским языком через русский, подтверждают, что значительная часть французских слов в свое время была заимствована самим французским языком. Языками-донорами для изучаемого пласта слов являются (по убывающей):

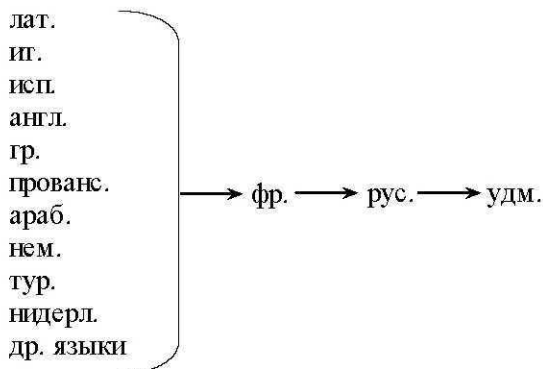

Рис. 7. Языки-доноры для французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский

Исследованный пласт лексики показал неоднородность французских слов по своему происхождению. Часть слов пришла во французский язык из других языков, а значит может продолжать функционировать и в тех языках, из которых была заимствована. В этом в определенной степени отражается *интернациональность* французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский.

3.2. Отношение изучаемого пласта заимствованной удмуртским языком лексики к понятию интернационализм

Интернациональный характер французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский, проявляется также в путях проникновения части слов в русский язык.

Изучение этимологии французских слов в русском языке свидетельствует о том, что значительная часть из них имеет прямой путь проникновения (76%). Этимологические словари и другие источники указывают на то, что заимствование изучаемых слов могло приходить в русский язык и через другие языки. В этом случае в словарях появляется помета "через", "и", "или", либо наряду с французским словом через запятую дается слово из другого языка, например, это могут быть следующие языки:

немецкий: *вальс* (Walzer), *дезертир* (Deserteur), *инициатива* (Initiative), *нигилизм* (Nihilismus), *obelisk* (Obelisk), *олеандр* (Oleander), *поза* (Pose), *полировать* (polieren), *портьера* (Portière) и др.

польский: *адрес* (adres), *аккредитовать* (akredytować), *бисквит* (biszkokt), *гарантировать* (gwarantować), *ревани* (rewanż), *секрет* (sekret), *флегматичный* (flegmatyczny) и др.

итальянский: *авария* (avaria), *арсенал* (arsenale), *мажорный* (maggiore), *репертуар* (repertorio), *рисковать* (risicare), *софа* (sofa), *терраса* (terrazzo) и др.

голландский: *абрикос* (abrikoos), *багаж* (bagage), *журнал* (journal), *компресс* (compres), *парик* (paruik) и др.

английский: *деизм* (deism), *магнетизм* (magnetism), *парламент* (parliament), *партнёр* (partner), *реактор* (reactor) и др.

испанский: *банан* (banano), *томат* (tomate) и др.

Некоторые французские слова, дошедшие до удмуртского языка через русский, могли быть заимствованы русским языком сразу из нескольких языков (трех, четырех, пяти), например:

батальон (фр., нем., пол., шв.)

галерея (фр., ит., пол., нем., гол.)

идеал (зап.-европ. яз.)

калибр (фр., пол., нем., гол.)

компания (фр., пол., нем., гол.)

лотерея (фр., нем., гол., ит.)

транспорт (фр., англ., гол., нем., дат.)

фиолетовый (фр., ит., нем., гол.)

флот (фр., гол., ит., пол.)

эскадра (фр., ит., гол., нем. и др.)

Представим схематично пути проникновения французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский (Рис. 8, 9).

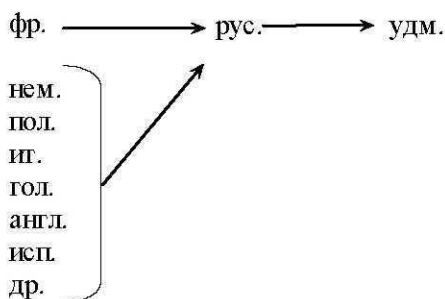

Рис.8. Параллельное проникновение в русский язык французских слов, дошедших до удмуртского языка

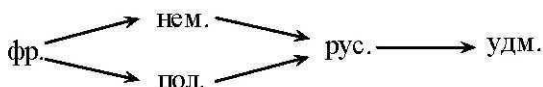

Рис. 9. Языки-посредники для русского языка французских слов, дошедших до удмуртского языка (наиболее распространенные варианты)

Каждое четвертое французское слово (26%) шло параллельно из другого языка или пришло в русский язык через другой язык. Количественные подсчеты параллельных заимствований и заимствований, пришедших через другие языки, показали принадлежность слов к следующим языкам: нем. – 70%, пол. – 13%, другие языки – 17%.

Большинство слов связано с немецким языком, что свидетельствует о тесных исторических контактах России и Германии (Горшков 1969: 185; Кутина 1964: 197).

Рассмотрение этимологии изучаемого пласта во французском языке и путей проникновения слов в русский язык выявляет импульсы интернационализации удмуртской лексики. Это наблюдение позволило нам воссоздать *типологию взаимодействия* французского языка с другими языками. Выделенные нами типы взаимодействия отражены в нижеследующих рисунках.

Импульсы интернационализации удмуртской лексики, заимствованной через русский из французского языка

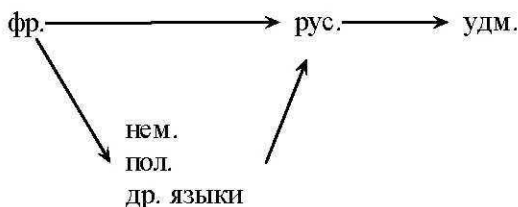

Рис. 10. Исконно французские слова

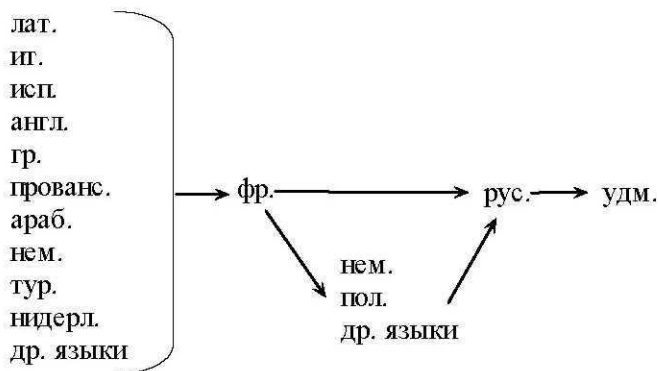

Рис. 11 Прямые заимствования во французском языке

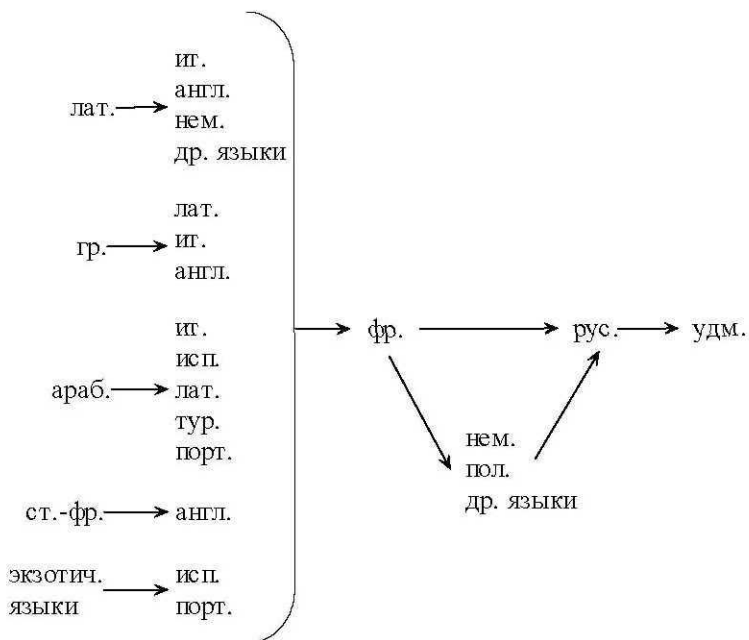

Рис. 12. Опосредованные заимствования во французском языке

Как видно из предложенного нами схематического представления типов взаимодействия французского языка с другими языками при заимствовании слов, исконно французские слова (Рис. 10) могли попадать в русский язык через посредство других языков. Аналогичный процесс мог иметь место и в случае прямого заимствования французским языком иноязычной лексики (Рис. 11), а также тогда, когда французский язык воспринимал иноязычную лексику через другие языки-посредники (Рис. 12). Приведенные рисунки показывают также, что при реализации всех трех типов взаимодействия языков для удмуртского языка единственным источником заимствования был *русский язык*.

Таким образом, изучение французских слов, заимствованных удмуртским языком через русский, дает некоторое представление о древних контактах разных народов. Так, на многие современные европейские языки заметное влияние оказала греко-латинская цивилизация. Особую роль в древности сыграла арабская цивилизация; следы арабского языка мы находим еще в латинском языке. Испанцы и португальцы имели контакты с экзотическими для Европы странами. Французские слова-бумеранги, вернувшиеся из английского языка, свидетельствуют о некогда тесных контактах Франции и Англии, известных под названием "эпоха Столетней войны" (Ист. Франции 1972, I: 121–122). Изучаемые слова сообщают также о языковых связях России с Германией, Польшей и другими странами. Все эти контакты демонстрируют *высокую степень интернационализации* французской лексики, дошедшей до удмуртского языка через русский.

Слова французского происхождения, пришедшие в удмуртский язык через русский, внесли *интернациональные маркеры*, в частности, морфологические. Среди морфологических маркеров интернационального происхождения можно выделить следующие.

1. Во французском языке наиболее показательными являются интернациональные *суффиксы*, чаще всего заимствованные из греческого и латинского языков. Суффиксы проникали первоначально из литературной латыни вместе с заимствованными словами. Затем они начали присоединяться к книжным образованиям, а позднее, став достаточно продуктивными, сочетались и с исконными словами (Доза 1956: 179).

а) к этой категории относятся слова с суффиксами *-isme* (< гр. *ismos*) и *-iste* (< гр. *istēs*). Данные слова появились в результате словопроизводства, формируя абстрактную лексику. Значительная часть изучаемой лексики создана в период нормализации французского языка (XVII–XIX вв.). Слова образованы на базе существовавших ранее собственных французских слов или на основе заимствований, например:

-isme

athéisme "атеизм" 1555 < гр. а "без" + *theos* "бог"

conservatisme "консерватизм" 1851 < *conserver*
"сохранять"

mercantilisme "меркантилизм" 1811 < ит. *mercantile*
"торговый"

naturalisme "натурализм" 1584 < *naturel*
"естественный"

nihilisme "нигилизм" 1787 < лат. *nihil* "ничто, ничего"

-iste

dentiste "дантист" нач. XVIII в. < *dent* "зуб"

égoïste "эгоист" XVIII в. < лат. *ego* "я"

journaliste "журналист" 1704 < *journal* "газета"

oculiste "окулист" 1503 < лат. *oculus* "глаз"

royaliste "кон. XVI в. < *roi* "король"

Имеется несколько примеров, заимствованных французским языком вместе с суффиксом из других языков, это подтверждает их интернациональный характер: *pianiste* "пианист" 1807 (< ит. *pianiste*), *touriste* "турист" 1816 (< англ. *tourist*), *tourisme* "туризм" 1811 (< англ. *tourism*).

Суффикс *-isme* образует слова, обозначающие названия учений, политических взглядов, названия действий, состояний, качеств, склонности к чему-либо. Суффикс *-iste* обозначает лицо по принадлежности к какой-нибудь сфере деятельности, по социальному положению, по отношению к организации, к какому-либо течению. Многие слова этой подгруппы сформированы парами:

chauvinisme "шовинизм" 1882 – *chauviniste*
"шовинист" 1867 < *chauvin*; от имени Николя Шовена (*Chauvin*), солдата армии Наполеона I, ярого поклонника его политики

communisme "коммунизм" 1840 – *communiste*
"коммунист" 1769 < лат. *communis* "общий"

fédéralisme "федерализм" 1792 – *fédéraliste*
"федералист" 1793 < *fédéral* "федеральный"

idéalisme "идеализм" 1752 – *idéaliste* "идеалист" 1749
< *idéal* "идеальный"

impérialisme "империализм" 1836 – *impérialiste*
"империалист" XVI в. < *impérial* "имперский", сер. XVI в. "сторонник Германской империи", нач. XIX в. "сторонник наполеоновского режима", 1893 "сторонник экспансионизма" из англ. *imperialist*

matérialisme "материализм" 1702 – *matérialiste*
"материалист" 1553 < *matériel* "вещественный"

opportunisme "оппортунизм" 1869 – *opportuniste*
"оппортунист" 1874 < *opportun* "подходящий"

б) *-ation* < лат. *-ationem*. Суффикс заменил исконно французский суффикс *-aison* в образовании абстрактных существительных (Доза 1956: 179). Данный суффикс проник в словарный состав французского языка с книжными заимствованиями в среднефранцузский период (Катагопцина 1976: 188):

aération "аэрация" 1863 < лат. *aer* < гр. *aër* "воздух"

ambition "амбиция" XIII в. < *ambitio* "честолюбие"

illumination "иллюминация" 1361 < лат. *illuminatio*

isolation "изоляция" 1774 < *isoler* "изолировать"
manipulation "манипуляция" 1716 < *manipule* "горсть
зерна"

в) **-al** < лат. *-alis*. Указанный суффикс прилагательных пришел на смену народному суффиксу *-el*, отмиравшему в конце средневековья, пока право и наука не вдохнули в него новую жизнь (Доза 1956: 179):

colossal "колоссальный" кон. XVI в. < *colosse*
"колосс, гигант"

frontal "фронтальный" XVI в. < *front* "фронт, лоб"

ovale "овальный" 1361 < лат. *ovum* "яйцо"

total "тотальный" 1361 < лат. *totalis* "весь, полный"

vertical "вертикальный" XVI в. < лат. *verticalis*
"отвесный, вертикальный"

vocal "вокальный" 1265 < лат. *vocalis* "одаренный
голосом"

г) **-atif** < лат. *-ativus*. Первоначально суффикс специализировался на образовании отглагольных прилагательных от латинских или французских глаголов (Доза 1956: 179):

décoratif "декоративный" 1478 < *décorer*

facultatif "факультативный" 1838 < *faculté*

portatif "портативный" 1328 < *porter* "нести"

Кстати, близкий к нему суффикс **-if** является исконно французским суффиксом, который употреблялся уже в старофранцузский период. Он образован от латинского суффикса *-ivus* (Щетинкин 1984: 133). Данный суффикс является продуктивным в разные периоды истории французского языка; он подкрепляется также заимствованным латинским суффиксом *-ivus*:

agressif "агрессивный" 1793 < *agresser* "нападать"

fictif "фиктивный" XIII в. < лат. *fictio* "вымысел"

intensif "интенсивный" кон. XIV в. < *intense*
"напряженный"

massif "массивный" кон. XII в. < *masse* "груда"

perspectif "перспективный" сер. XIV в. < лат. *perspectivus* – то же

д) *-ique* < гр. *ikos* (Виноградов 1972: 189–190).
Словарный состав письменно-литературного французского языка пополнился значительно прилагательными с данным суффиксом в XVI в. (Катагощина 1976: 238).

aristocratique "аристократический" 1361 < гр. *aristokratikos* < *aristokratieia* "правительство лучших"

dramatique "драматический" XIV в. < позднелат. *dramaticus* < гр. *dramatikos* < *drama* "драма"

flegmatique "флегматический" кон. XII в. < лат. *phlegmaticus* < гр. *phlegmatikos*

laconique "лаконический" XVI в. < лат. *laconicus* < гр. *lakonikos*

narcotique "наркотический" 1314 < лат. *narcoticus* < гр. *narkōtikos*

е) суффикс *-ade* итальянского происхождения закрепился во французском языке при поддержке юга (Доза 1956: 178), в частности, испанского и провансальского языков:

cavalcade "кавалькада" сер. XIV в. < ит. *cavalcata* "езда верхом"

charade "шарада" сер. XVIII в. < прованс. *charrado* "беседа"

estrade "эстрада" 1674 < исп. *estrado* "помост"

façade "фасад" 1611 < ит. *facciata* < *faccia* "лицо"

limonade "лимонад" XVII в. < ит. *limonata* "лимонная вода"

mascarade "маскарад" 1554 < ит. *mascarata*, *mascherata* < *maschera* "маска"

Список слов с суффиксом *-ade*, являющихся интернациональными, можно продолжить: *ballade* "баллада", *barricade* "баррикада", *brigade* "бригада", *canonnade* "канонада"; *cascade* "каскад", *colonnade*

"колоннада", *estacade* "эстакада", *marinade* "маринад", *palissade* "палисад", *parade* "парад", *salade* "салат".

Заемствованный итальянский суффикс настолько укоренился во французском языке, что стал участвовать в словообразовательном процессе. Среди слов, ставших в дальнейшем интернациональными, отметим, в частности, следующие:

promenade "променад, прогулка" 1557 < *promener* "водить гулять" [ср. ит. *passeggiata* "прогулка"]

raffinée "рафинад" XVI в. < *raffiner* "очищать" [ср. ит. *zucchero in quadretti* "рафинад", букв. "сахар в квадратах"]

Включение итальянского маркера в морфологическую структуру французского языка объясняется тесным контактом двух стран в эпоху Возрождения. Влияние итальянской лексики на французскую было настолько сильным, что в середине XVI в. во Франции прошла волна протеста против чрезмерного употребления итальянизмов (Шигаревская 1973: 188).

2. На уровне *префиксов* изучаемых французских слов, свидетельствующих о морфологических маркерах интернационального происхождения, мы выявили латинские префиксы *de-* и *dis-*, употребляющиеся в значении отрицания в словах с отвлеченным значением:

déclassé "декларированный" < *déclasser* 1813 < лат. *de* + *classer* зд. "относить к какому-то классу"

démobilisation "демобилизация" кон. XIX в. < лат. *de* + *mobilisation* "мобилизация"

dénationalisation "денационализация" кон. XVIII в. < *de* + *nationalisation* "национализация"

discréditer "дискредитировать" 1572 < лат. *dis* + *crédit* "доверие"

dissonance "диссонанс" 1628 < *dissoner* < лат. *dis* + *soner* "звучать"

Префикс *des-*, обозначающий также отрицание, является исконно французским и употребляется уже в старофранцузский период (Катагощина 1976: 158). Он также используется в словопроизводстве лексики, ставшей в дальнейшем интернациональной:

<i>désinfection</i>	"дезинфекция"	1630	<	dés	+infection
	"инфекция"				
<i>désinformation</i>	"дезинформация"	1274	<	dés	+
	information "информация"				
<i>désinformer</i>	"дезинформировать"	1190	<	dés	+
	informer "информировать"				
<i>désorganisateur</i>	"дезорганизатор"	1792	<	dés	+
	organisateur "организатор"				
<i>désorganisation</i>	"дезорганизация"	1764	<	dés	+
	organisation "организация"				
<i>désorientation</i>	"дезориентация"	1877	<	dés	+
	orientation "ориентация"				

3. Среди изучаемых французских слов выделяется греческий интернациональный формант *-graphie* "-граф" (< гр. graphō "пишу"):

<i>biographie</i>	"биограф"	1721	<	гр. bios	"жизнь" + graphō
<i>cosmographie</i>	"космография"	1512	<	kosmos	"вселенная" + graphō
<i>lexicographie</i>	"лексикография"	1578	<	lexis	"слово" + graphō
<i>monographie</i>	"монография"	XVIII в.	<	гр. monos	"один" + graphō
<i>télégraphe</i>	"телеграф"	кон. XVIII в.	<	гр. tête	"далеко" + graphō
<i>typographie</i>	"типография"	1577	<	гр. typos	"оттиск" + graphō

Интернациональных маркеров во французском языке значительно больше, чем представлено в настоящей работе. Мы отметили только те, которые вошли в состав удмуртских слов, заимствованных из французского языка через русский.

Развитие отвлеченной лексики в условиях нормализации языков обнаруживает черты, имеющие в известной мере закономерный характер (Веселитский 1972: 287).

Анализ слов изучаемого корпуса примеров показал, что большинство из них заключают в себе огромный интернациональный потенциал. Они используются во многих разносистемных языках: финно-угорских (финском, венгерском, эстонском, эрзянском), романских (испанском, итальянском, румынском), германских (английском, немецком), тюркских (татарском) и др. Мы создали многоязычный словарь на базе части изучаемых слов, входящих в число употребительных в самом французском языке (около 500 слов). Результаты следующие:

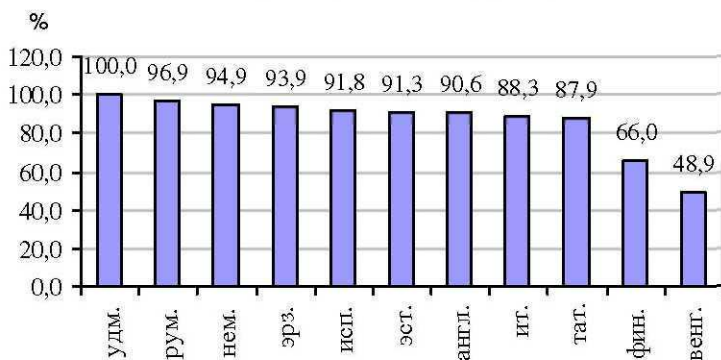

Рис. 13. Французские слова, заимствованные удмуртским языком через русский, в контексте разносистемных языков

Материал удмуртского языка в контексте разносистемных языков свидетельствует о том, что изучаемый пласт французских слов входит в состав лексической системы удмуртского языка в качестве *интернационального*.

* * *

В последние десятилетия удмуртская речь, по мнению удмуртских ученых, стала настолько изобиловать русскими и интернациональными словами (Тараканов 1998: 112), что появилась опасность утраты национальной самобытности удмуртского языка. Некоторые исследователи удмуртского языка считают, что "для исторической судьбы языка его развитие исключительно за счет дотаций из других языковых систем чревато серьезными последствиями. Это направление развития может привести к постепенной ассимиляции, в конечном результате и к исчезновению данного языка" (Ушаков 2002: 223). В связи с этим удмуртская интеллигенция ведет активную деятельность за чистоту удмуртского языка.

Негативное отношение к неоправданному внедрению заимствований в удмуртский язык не является исключительным явлением. Однотипные процессы наблюдались в разные эпохи в различных языках и культурах. Это было, например, во Франции (борьба с италянизмами в XVI в.) и в России (борьба с галлицизмами в XIX в.). Ярko выраженная тенденция к регулированию заимствований проявляется в разных странах и сегодня.

В настоящее время в разные языки ежедневно и неконтролируемо внедряется множество понятий и терминологических обозначений из политологии, экономики, права, философии, истории, материального быта и т. д., не вполне адаптируясь к национальной специфике языков. Так, по некоторым оценкам в русский язык с конца 80-х гг. входят без перевода примерно 300 слов ежедневно. Как правило, это слова англо-американского происхождения, что объясняется совокупностью политических и экономических причин. Невиданные масштабы нашествия "престижных" англо-американизмов поставили проблему контроля за их употреблением и охраны родного языка во многих европейских странах с высокоразвитыми литературными

традициями – во Франции, Германии, Италии и др. Так, Комитет национального языка во Франции ограничивает наплыв заимствований в средствах массовой информации. Он добился принятия закона об изъятии из официального обращения более двух тысяч англо-американизмов. Постоянная и независимая служба языка существует и в Японии: она контролирует правильность и чистоту родной речи, налагая подчас немалые штрафы за её искажение или засорение непредвиденными иноязычными словами.

Все это говорит о том, что общество вплотную подошло к *лингвистической экологии* как сохранению национально-исторических традиций своих культур и охраны этнического менталитета, воплощенного в словах, категориях и формах родного языка (Савельева 1995: 25–26).

Особого внимания заслуживает работа Республиканской термино-орфографической комиссии, образованной постановлением Президиума Государственного Совета и Правительства Удмуртской Республики от 30 октября 1995 г. за №103/316 "О Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку". В задачи комиссии входит, в частности, упорядочение терминотворчества и образование новых терминов с целью их постепенного введения в удмуртский язык (Постановление... 1998: 58). Комиссия уже издала свой первый бюллетень (Бюллетень 1998), который включает в себя историко-теоретические статьи о разработке терминологической лексики в удмуртском языке, а также солидный список новых терминов, предложенных комиссией для широкого обсуждения. В настоящее время членами комиссии проводится работа по выработке и усовершенствованию терминологии по отдельным ветвям гуманитарных и других наук (Кельмаков 2000: 51–52).

Нами был проанализирован словарь удмуртских слов, предложенных взамен употребляемых русских в современном удмуртском языке Республиканской термино-

орфографической комиссией (Кылвалэктос 1998: 20–52). Комиссия проделала очень большую работу при подготовке данного словаря, который включает несколько сотен терминологических единиц. Вне всякого сомнения это позволит уменьшить существующую русификацию удмуртского языка. Вместе с тем целесообразность замены некоторых слов представляется сомнительной.

Часть русских слов, к которым предлагаются новые удмуртские варианты, являются сугубо русскими, другие из них были заимствованы в свое время самим русским языком. Мы проанализировали слова французского происхождения, сравнив их с аналогичными словами других языков. Как показало сравнение, некоторые слова вновь созданного словаря употребляются во многих разносистемных языках.

Для иллюстрации этого последнего положения мы составили сводную таблицу интернациональных слов в удмуртском языке, воспроизводящих соответствующие русские слова, и те удмуртские новообразования, которые предлагаются им взамен (см. Табл. 1).

Представляется, что искусственное устранение из удмуртского языка русских заимствований интернационального характера может привести к обеднению удмуртского языка и затруднить общение с носителями других языков на уровне культуры, науки, экономики, политики, поскольку среди заимствований, о которых идет речь, большое место занимают *термины*.

Таблица 1

Примеры новых вариантов удмуртских слов, предложенных Республиканской термино-орфографической комиссией взамен существующих в удмуртском языке русских слов французского происхождения (в контексте разно-системных языков)

<i>фр.</i>	<i>propagande</i>	<i>social</i>	<i>système</i>	<i>phrase</i>	<i>souverain</i>
рус.	пропаганда	социальный	система	фраза	суверенный
удм.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
эрз.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
тат.	пропаганда	социаль	система	фраза	суверен..., суверенлык...
фин.	propaganda, propagointi	sosiaalinen, sosiaali-	systemi	fraasi	suvereeni(nen)
венг.	propaganda	szocialis	szisztéma	frazis	szuveren
эст.	propaganda	sotsiaal	süsteem	fraas	suveräänne
исп.	propaganda	social	sistema	frase	sovrano
ит.	propaganda	social	sistema	frase	sovrano
рум.	propagandă	social	sistem	frază	suveran
англ.	propaganda	social	system	phrase	sovereign
нем.	Propaganda	sozial	System	Phrase	souverän
<i>удм. новый вари- ант</i>	<i>валэктон, вёлмытон</i>	<i>мерлыко</i>	<i>сӧзнэт</i>	<i>басътэм ыл</i>	<i>асэрико</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избранные в качестве объекта исследования опосредованные заимствования, а именно слова французского происхождения, пришедшие в удмуртский язык через посредство русского, поставили нас перед необходимостью решения ряда вопросов теоретического и практического плана, среди которых наиболее важными представляются следующие.

Выявление и систематизация приемов адаптации французской лексики русским языком и русской лексики французского происхождения удмуртским в области фонетики, грамматики и семантики.

Приспосабливая французскую лексику к особенностям своей фонетической системы, русский язык редуцировал неударные гласные, которые в самом французском языке не подвергаются редукции (*commissaire* [kəmisɛ:r] > *комиссар* [кам'исар]), нейтрализовал назализацию гласных (*ensemble* [ɑ̃sɑ̃bl] > *ансамбль* [ансамбл']; заменил отсутствующие в нём французские звуки имеющимися в его собственной системе звуками и сочетаниями звуков (*régisseur* [ʁeʒisø:r] > *режиссёр* [рьжис'ор]); подверг оглушению конечные согласные (*narcose* [narko:z] > *наркоз* [наркос]) и т. д.

Удмуртский язык, в свою очередь, приспособлял русские заимствования французского происхождения к своей собственной фонетической системе путем усечения конечного гласного в русских заимствованиях (фр. *action* > рус. *акция* > удм. *акци*, фр. *enquête* > рус. *анкета* > удм. *анкет*), отказа от скопления группы согласных (фр. *centimètre* > рус. *сантиметр* > удм. *сантиметыр*, фр. *manifeste* > рус. *манифест* > удм. *манифес*), замены фонемы (фр. *passport* > рус. *паспорт* > удм. *пашпурт*) и т. д. В современном удмуртском языке изучаемые слова, за редким исключением, приняли русскую орфографию и

произношение, отразив фонетические изменения, произошедшие с французскими словами в языке-посреднике. Адаптации в удмуртском языке подвергались слова не французского, а русского языка, что свидетельствует об опосредованном характере заимствованных французских слов удмуртским языком.

В области грамматики заимствованные русским языком французские существительные обнаруживали изменения при передаче рода. Так, например, существительные женского и мужского рода получали в русском языке окончание *-а*, которого не было во французском слове (фр. *mode*, f > рус. *мода*, ж.р.; фр. *casque*, m > рус. *каска*, ж.р.); слова с французским суффиксом *-ette* приобретали дополнительный русский суффикс *-к* с флексией *-а* (фр. *couchette* > рус. *кушетка*); французские слова мужского рода, имеющие вокалический исход, переходили в разряд русского среднего рода (фр. *bureau* > рус. *бюро*, фр. *tire/t/* > рус. *тире*) и т. д.

На уровне словообразовательного процесса в русском языке происходили такие процессы, как лексикализация некоторых французских словосочетаний (*avant-scène* > *авансцена*), внедрение иноязычных (*bandage* > *бандаж*, *galanterie* > *галантерея*, *dicter* > *диктовать* *isoler* > *изолировать*) и национальных (*décadence* > *декадентство*, *prétention* > *претенциозность*, *unitaire* > *унитарный*) суффиксов, возникновение заимствованных лексических гнезд (*accoucheur* > *акушер*, *акушерка*, *акушерство*) и т. д.

Грамматический род в удмуртском языке отсутствует. Процесс адаптации удмуртской грамматической системой опосредованных русских заимствований французского происхождения, как выяснилось в ходе нашего исследования, происходило тремя способами: а) заимствованием без каких-либо изменений русского слова (*диагональ*); б) включением заимствованного слова в грамматическую систему удмуртского языка: *-ёс* как показатель множественного

числа существительных (фр. *mémoires* > рус. *мемуары* > удм. *мемуаръёс*); -ыны как показатель глагольности соответствующей основы (фр. *manière* "манера" > рус. *манерничать* > удм. *манерьясъкыны*); в) приданием заимствованному слову особого маркера, подчеркивающего иноязычный характер: -ой – у прилагательных (фр. *agressif* > рус. *агрессивный* > удм. *агрессивной*); вспомогательные компоненты: *карыны* – для обозначения глагола (фр. *balancer* > рус. *балансировать* > удм. *балансировать карыны*), *карон* – в качестве показателя субстантивации (рус. *балансирование* > удм. *балансировать карон* "балансирование"). Присутствие особых маркеров при заимствованных из русского языка словах французского происхождения свидетельствует о стремлении удмуртского языка формально отделить исконный лексический фонд от заимствованного. В области грамматики и словообразования, как показало наше исследование, удмуртский язык использует при адаптации заимствованной лексики собственные языковые ресурсы.

В области семантики французские слова, будучи заимствованными русским языком, сохраняли, как правило, значение французского слова (*абрикос*, *металл*, *окулист*). Обнаруживается также сужение значения (фр. *carrière* > рус. *карьера*), изменение значения (фр. *intelligence* > рус. *интеллигенция*), разведение значений по разным словам (фр. *étiquette* > рус. *этикет*, *этикетка*), калькирование (фр. *touchant* > рус. *трогательный*) и т. д.

Удмуртский язык еще в большей степени сохраняет значение русских слов французского происхождения. В некоторых случаях удерживается лишь прямое значение, а для выражения переносных значений используются собственно удмуртские слова (фр. *bord* > рус. *борт* > удм. *борт* "боковая стенка, бок судна" / *палэнтэмын* "за бортом" < *палэтыны* "устранять, удалять, отчуждать"). Опосредованные русские кальки могли усвоиться

удмуртским языком (фр. *journal* > рус. *дневник* > удм. *дневник*), использоваться параллельно с удмуртским вариантом (фр. *raffiné* > рус. *утонченный* > удм. *утоңченной / тууж умой валан*) или не заимствоваться (фр. *aller* > рус. *идти, быть к лицу* / удм. *кельшыны, тупаны*). В удмуртском языке нами отмечено большое число существительных как конкретного, так и абстрактного значения, пришедших через русский из французского и функционирующих наряду с собственно удмуртскими словами (*браслет – поскес, колики – цогъян*). Это свидетельствует о том, что лексика, заимствованная удмуртским языком из французского через посредство русского, вступая в сложные отношения с исконной лексикой, находит в лексической системе языка свою "нишу" и что удмуртский язык дает пример реализации универсального закона избирательности при освоении заимствованных слов.

Исследуя материал на понятийном уровне, мы обнаружили непроницаемость основного словарного фонда удмуртского языка для опосредованных русских заимствований французского происхождения. Пополнение его изучаемой лексикой происходило в основном на уровне терминологии, относящейся к разным областям жизни общества.

Определение динамики фиксации русским и удмуртским языками лексики французского происхождения.

На основе анализа материала, вошедшего в составленный нами этимологический словарь удмуртского языка (русских заимствований французского происхождения), мы выяснили, что свыше 80% французских слов, вошедших в дальнейшем в удмуртский язык, были заимствованы русским языком в течение XVIII–XIX вв. (в XVIII в. более 45% французских заимствований приходится на первую четверть века, в XIX в. процесс проникновения изучаемых слов был более равномерным).

В удмуртском языке пик заимствований из русского языка слов французского происхождения по нашим наблюдениям приходится на 20–40-е гг. XX в. (свыше 90%). В связи с существующим укладом жизни русских и удмуртов в Вятско-Камском регионе слова французского происхождения в дореволюционный период не были востребованы ни русским, ни удмуртским разговорным языками.

Выяснение отношения изучаемого корпуса заимствованных слов к понятию интернационализмов.

В данном случае мы предприняли изучение этимологии самих французских слов, пришедших впоследствии в русский, а через него – в удмуртский язык. Анализ материала показал, что значительная часть этих слов (60%) не является исконным пластом лексики французского языка. Среди источников заимствования мы обнаружили (по мере уменьшения количества заимствований) латинский, итальянский, испанский, английский, греческий и ряд других языков, в том числе арабский, турецкий, нидерландский. Впитав в себя разноязычную лексику и адаптировав её в своей собственной системе, французский язык, в свою очередь, явился источником заимствований другими языками (немецким, польским, итальянским, английским и т. д.), в частности и в большей степени – русским. Мы попытались установить типологию взаимодействия французского и русского языков с другими языками. Оказалось, что заимствование французских слов русским языком могло идти параллельно из французского и тех языков, которые заимствовали эти слова из французского, причем формы взаимодействия языков были различными. Что же касается удмуртского языка, то для него во всех случаях единственным языком-посредником при заимствовании слов французского происхождения, независимо от тех отношений, в которые вступал французский язык с другими языками, явился русский язык.

В связи с тем, что процесс заимствования французских слов русским языком проходил в условиях, во-первых, многоконтактности и, во-вторых, огромной роли, которую играли древние языки в судьбе европейских языков, мы изучили иерархию влияний при опосредованном заимствовании. Нам удалось выявить в удмуртском языке морфологические маркеры иноязычного происхождения, указывающие на влияние европейских и древних языков: *-аж*, *-ёр*, *дез-* (французского), *-ировать*, *-изировать* (немецкого), *-овать* (польского), *-изовать* (немецкого + польского), *-изм*, *-ист*, *-граф* (греческого), *-ант*, *-ент*, *-ация*, *-тор*, *де-*, *дис-* (латинского), *-ея*, *-ия*, *-истика* (разных языков).

В целях определения заимствованного характера слов в самом французском языке нами выявлены и систематизированы иноязычные маркеры, например: ударный гласный (звук и буква) на конце слова (*visa* – лат., *colibri* – яз. туземцев, *loto* – ит.); отсутствие палатализации в начальном слогe *ca-* (*cadastre* – прованс., *cannibale* – исп., *caravane* – перс.); наличие *s* (звук и буква) перед другим согласным (*costume* – ит., *mystique* – лат., *stylistique* – нем.) и др.

Присутствие одних и тех же слов одновременно во французском, русском и других языках позволяет отнести их к числу интернационализмов. Изучение по данным составленного нами этимологического словаря удмуртской лексики французского происхождения, заимствованной удмуртским языком через посредство русского, показало, что подавляющее число входящих в него лексем относится к терминам и носит интернациональный характер. Предпринимаемые в последнее время попытки устранить русские слова, являющиеся интернациональными, заменив их удмуртскими эквивалентами, представляются исторически неоправданными и, выводя удмуртский язык из общего процесса интернационализации лексики, могут привести к его обеднению.

В многонациональном регионе, каким является Удмуртская Республика, проблема межъязыкового и интеркультурного взаимодействия является особенно актуальной. Изучение удмуртской лексики в контексте лексики разносистемных языков представляется обоснованным и своевременным. Оно нацелено на совершенствование реального процесса обучения языкам в многонациональном регионе, что, несомненно, будет способствовать взаимопониманию, взаимодействию и взаимопроникновению национальных культур, в частности удмуртской, русской, западноевропейских, в ситуации сохранения самостоятельной ценности и интегрирования языков и культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмаров А.М., Юдина Н.В. Интонация общего вопроса в удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 138–147.
2. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? // ВЯ. 1961. № 3. С. 61.
3. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1972. 215 с.
4. Алатырев В.И. Октябрьской революцилэсь азьло ёуч кылэсь удмурт кылэ пырем кылъёс = Дореволюционные русские заимствования в удмуртском языке // Молот. 1958. № 7. С. 56–58.
5. Алатырев В.И. Основные пути и способы развития лексики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Т. 1. С. 6–39.
6. Алашеева А.А. О русских заимствованиях в верхне-чепецком говоре севернoudмуртского наречия // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. Ижевск, 1987. С. 161–165.
7. Алисова Т.Б., Ретина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 344 с.
8. Архипов Г.А. Удмуртские заимствования в русском языке: (на материале ономастики) // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар, 1965. С. 6–8.
9. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
10. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.

11. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
12. *Ахунзянов Э.М.* Русские заимствования в татарском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. 367 с.
13. *Банкав А.Я.* Роль французского языка в интернационализации словарного состава нероманских языков // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тез. Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Калинин: КГУ-АН СССР, 1986. Т. 1. С. 18–19.
14. *Баязитова Ф.С.* Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1991. С. 126–132.
15. *Белова Е.Б.* Аффрикатy удмуртского языка: (в экспериментальном освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2000. 19 с.
16. *Белорукова Г.П.* Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества: (опыт этносоциологического изучения) // Вестн. Удм. ун-та. 1999. № 4. С. 22–31.
17. *Белорукова Г.П.* Языковая ситуация в молодом поколении Удмуртии: (этносоциологический аспект) // Раннее языковое образование: состояние и перспективы: Материалы Всерос. конф. Ижевск, 2001. С. 21–25.
18. *Бельчиков Ю.А.* Интернациональная терминология в русском языке. М.: Просвещение, 1959. 78 с.
19. *Бельчиков Ю.А.* Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 132 с.

20. *Бельчиков Ю.А.* К характеристике русских словарей иностранных слов 50–60-х годов XIX в. как источника историко-лексикологических исследований // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: Наука, 1974а. С. 69–77.
21. *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высш. шк., 1974б. 192 с.
22. *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1972. 431 с.
23. *Бубрих Д.В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.
24. *Бутолин А.С.* Вопросы терминологии и перевода на удмуртский язык: (тезисы) / Удм. науч.-исслед. ин-т соц. культуры. Ижевск, 1937. 37 с.
25. *Вахрушев В.М.* Общественно-политическая лексика в удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 21 с.
26. *Вахрушев В.М.* К вопросу развития лексики удмуртского языка // Зап. УдНИИ. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 167–217.
27. *Вахрушева Л.В.* Взаимодействие русского и удмуртского языков в топонимии бассейна реки Иж // Ономастика Поволжья–4. Саранск, 1976. С. 206–208.
28. *Верецагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Записки РГО. СПб., 1886. Т. 14, вып. 2. 218 с.
29. *Вершинин В.И.* Удмуртские заимствования в прикамских говорах марийского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Совмине Удм. АССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 133–139.

30. *Вершинин В.И.* Марийско-удмуртские контакты: По данным топонимии Нижнего Прикамья // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 102–110.
31. *Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII–начала XIX в. М.: Наука, 1972. 319 с.
32. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР / Под ред. Ю.Д. Дешериева. М.: Наука, 1987. 318 с.
33. *Виллер М.А. и др.* Фонетика французского языка: Учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1977. 240 с.
34. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1972. 639 с.
35. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
36. *Владыкин В.Е., Гришкина М.В.* Исторические корни дружбы удмуртского и русского народов. Ижевск: Удмуртия, 1970. 20 с.
37. Вопросы терминологии и переводов: К итогам 1-й республиканской конференции 1937 г. по строительству удмуртского языка / УдНИИ. Ижевск, 1938. 43 с.
38. *Воронцов П.И.* Вокализм удмуртских говоров: (в экспериментальном освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. 19 с.
39. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1966. 335 с.
40. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
41. *Гак В.Г.* Французская орфография. М.: Просвещение, 1985. 240 с.

42. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. 3-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
43. *Галкин И.С.* О марийско-пермских лексических параллелях // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. Т. 1: Языкознание. Устинов, 1987. С. 61–62.
44. *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке // IV Международный съезд славистов: (Из докладов венгерской делегации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 81 с.
45. *Горшков А.И.* История русского литературного языка. М.: Высш. шк., 1969. 366 с.
46. *Горшков А.И.* Теория и история русского литературного языка. М.: Высш. шк., 1984. 319 с.
47. Государственная программа Удмуртской Республики по сохранению и развитию удмуртского языка и языков народов, компактно проживающих в Удмуртской Республике (от 14 июня 1994 г. № 318) // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень №1. Ижевск, 1998. С. 62–77.
48. *Готлиб К.-Г.М.* Междуязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках. Кемерово: Кн. изд-во, 1966. 49 с.
49. *Гришкина М.В.* Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.) / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1994. 207 с.
50. *ГСУЯ* – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П.Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

51. *Дашикова М.Ф.* Иноязычные заимствования в деловом языке Петровской эпохи: (на материале “Отчета, поднесенного Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии”) // Труды Воронеж. ун-та. 1969. Т. 83. С. 134–137.
52. *Денисов В.Н.* Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 21 с.
53. *Дешириев Ю.Д.* Русский язык – язык межнационального общения и сотрудничества народов СССР // Русский язык в национальной школе. 1962. № 1. С. 3–11.
54. *Дешириев Ю.Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1976. 431 с.
55. *Доза А.* История французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 471 с.
56. *Егорова К.Л.* Типы лингвистических заимствований: (на материале англицизмов и англо-американизмов в современном французском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 20 с.
57. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1971. 294 с.
58. *Зеленина Т.И.* Русские заимствования французского происхождения в удмуртском языке // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. Т. 1: Языкознание. Устинов, 1987. С. 82–84.
59. *Зеленина Т.И.* Русские заимствования французского происхождения как источник пополнения удмуртской лексики // Советское финно-угроведение. Таллин, 1989. № 3. С. 182–184.
60. *Зеленина Т.И.* Греко-латинские элементы в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 171–178.

61. Зеленина Т.И. Интернациональная лексика в современном удмуртском языке // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 3 C: *Linguistica*. Debrecen, 1990. P. 252–258.
62. Зеленина Т.И. К вопросу об интернационализации удмуртской лексики // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 2 A: *Linguistica*. Debrecen, 1990. P. 285.
63. Зеленина Т.И. Об интернациональной лексике в современном удмуртском языке: (романо-германский пласт) // *Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР*. Ижевск, 1990. С. 53–65.
64. Зеленина Т.И. Роль французской лексики в интернационализации удмуртского языка // VI Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Москва; Воронеж, 1991. С. 69–70.
65. Зеленина Т.И. Иностранный язык и молодой финно-угр // *Финно-угорская молодежь: проблемы, перспективы, решения: Междунар. науч.-практ. конф.* Ижевск, 1994. С. 8–10.
66. Зеленина Т.И. Интернациональная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 84 с.
67. Зеленина Т.И. Французское слово в русском и удмуртском языках: Этимологический словарь. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2000. 256 с.
68. Зеленина Т.И., Маратканова Л.И. Интернациональная лексика в процессе обучения иностранным языкам // Тез. докл. 3-й Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. Ижевск, 1997. С. 130–131.
69. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

70. *Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 19 с.
71. *Игушев Е.А.* Введение в финно-угроведение: Учеб. пособие / Сыктывкар. гос. ун-т. Сыктывкар, 1987. 67 с.
72. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола, 1989. 173 с.
73. *Исанбаев Н.И.* Тюркские лексические кальки в марийском языке // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1995. № 1. С. 139–148.
74. История лексики русского литературного языка конца XVII–начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
75. История Франции / Отв. ред. А.З. Манфред: В 3 т. М.: Наука, 1973.
76. *Ишбулатов Н.Х.* Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкозн. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Совмине Удм. АССР. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 101–104.
77. *Йыги А.* Слова английского происхождения в эстонском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 24 с.
78. *Калиневич М.М.* Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu // Seria filologia rosyjska. Poznan, 1978. № 13. С. 7–52.
79. *Каракулов Б.И.* Условия функционирования удмуртского языка в послеоктябрьский период // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: Материалы Всерос. науч. конф. М., 1994. С. 96–100.

80. *Каракулова М.К.* Об употреблении понятийно эквивалентных удмуртских и русских слов в удмуртской речи билингвов // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы междунар. конф. М., 1996а. С. 201–205.
81. *Каракулова М.К.* Языковая политика по целенаправленному освобождению от избыточных русизмов в современном удмуртском языке: плюсы и минусы // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Т. 2: Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996б. С. 109–114.
82. *Каракулова М.К.* Диалог о языковой терпимости // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. Глазов, 1997. Ч. 1. С. 31–36.
83. *Каракулова М.К.* О языковом сознании удмуртов // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы регион. науч. конф., посвящ. Д.К. Зеленину. Глазов, 1999. С. 64–68.
84. *Каракулова М.К.* Сегодня смешанная речь, а завтра – "языковой сдвиг"? // Жизнь и творчество Флора Васильева: Материалы регион. науч.-практ. конф. (18–19 февраля 1999 г.). Глазов, 2000. С. 35–40.
85. *Каракулова М.К., Каракулов Б.И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2001. 227 с.
86. *Караулов Ю.Н.* Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 313–340.
87. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звягинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85–90.

88. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. М.: Высш. шк., 1976. 319 с.
89. Кельмаков В.К. Заимствования как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка // Финно-угристика: Межвуз. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. Саранск, 1979. Вып. 2. С. 45–56.
90. Кельмаков В.К., Алашеева А.А. Некоторые факты влияния русского языка на фонетическую систему удмуртских диалектов // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1981. С. 49–51.
91. Кельмаков В.К. К истории удмуртов Правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. ст. Ижевск, 1982а. С. 128–144.
92. Кельмаков В.К. Проблемы взаимовлияния удмуртского и соседних языков в трудах зарубежных ученых // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР: По материалам автономных республик Поволжья и Приуралья / Казан. гос. пед. ин-т. Казань, 1982б. С. 47–53.
93. Кельмаков В.К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков / Башк. ИИЯЛ АН СССР. Уфа, 1985. С. 114–122.
94. Кельмаков В.К. Удмуртско-русские языковые контакты и развитие фонетической системы удмуртского языка // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 32–45.
95. Кельмаков В.К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте. Препринт / УдГУ. Ижевск, 2000. 72 с.
96. Клейн Д.Г. Динамика этнокультурных ценностей студентов вузов Удмуртии // Вестн. Удм. ун-та. Этнос: вопросы психологии и культуры. 1999. № 4. С. 31–38.

97. *Ковалевская Е.Г.* Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина // Материалы исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 226–251.
98. *Колосова Н.А.* Французский язык в идейно-стилевой системе пушкинских произведений: Пособие по спецкурсу / Под ред. М.Б. Борисовой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. 143 с.
99. *Корлэтяну Н.Г.* Исследование народной латыни и её отношений с романскими языками. М.: Наука, 1974. 304 с.
100. *Красильников А.Г.* Язык как условие сохранения этнического идентитета // Республиканская терминологическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 53–56.
101. *Краснова Т.А.* Проблемы просодической интерференции при обучении студентов билингвов иностранному языку: (На материале русского, английского и удмуртского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 18 с.
102. *Крысин Л.П.* Вопросы исторического изучения иноязычных заимствований в лексике русского языка советской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 25 с.
103. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
104. *Крысин Л.П.* Язык в современном обществе. М.: Просвещение, 1977. 192 с.
105. *Крысин Л.П.* Жизнь слова. М.: Просвещение, 1980. 176 с.
106. *Крысин Л.П.* Словообразование или заимствование? // Русский язык в школе. 1997. № 6. С. 84–88.
107. *Крысин Л.П.* Русский литературный язык на рубеже веков / Предисл. и публ. О.В. Никитина // Русская речь. 2000. № 1. С. 28–40.

108. *Крысин Л.П., Су Ю Хак.* О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филологические науки. 1998. № 3. С. 15–19.
109. *Кузнецова Р.А.* Этнокультуроведческая лексика удмуртского языка в раннем языковом образовании. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2001. 129 с.
110. *Куклин А.Н.* Удмуртские компоненты в названиях марийских селений // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Совмине Удм. АССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 129–133.
111. *Куклин А.Н.* Удмуртский субстрат в топонимии Республики Марий Эл // Пермистика 5: Сб. ст. Ижевск, 2002. С. 136–147.
112. *Кустра А.* Заимствования из западноевропейских языков в русский литературный язык конца XVII–первой трети XIX века: (слова из сферы искусства): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 1981. 24 с.
113. *Кутина Л.Л.* Формирование терминологии физики в России: Период предмоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л.: Наука, 1966. 288 с.
114. *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки: (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1964. 218 с.
115. *Кылвалэктос* // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 20–52.
116. Лексика русского литературного языка XIX–начала XX века. М.: Наука, 1981. 359 с.
117. *Литвинова Е.И.* О некоторых особенностях лексики и синтаксиса русских говоров северной Удмуртии: (К вопросу о взаимодействии языков) // Вопросы лексики и грамматики русского языка: Сб. ст. Пермь, 1974. С. 59–65.

118. *Лобашевская Т.А.* Развитие и функционирование этимологических дублетов латинского происхождения во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 27 с.
119. *Ложкина К.А.* Структурные особенности именной группы обстоятельств времени в немецком и удмуртском языках // Сравнительная типология родного и германских языков: Межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1980. С. 68–79.
120. *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Лексикология современного французского языка. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1971. 230 с. (на фр. яз.).
121. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1889. 333 с.
122. *Лыткин В.И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Изв. АН СССР (отд-ние лит. и яз.). М.; Л., 1951. Т. 10, вып. 4. С. 385–392.
123. *Лыткин В.И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 1975. №. 3. С. 84–97.
124. *Макаров Л.Д.* Об особенностях славяно-финских контактов в XII–XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации: Тез. междунар. теорет. конф. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 31–35.
125. *Максимов С.А.* Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. 19 с.
126. *Максимов С.А.* Коми-пермяцко-удмуртские лексические параллели // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2000. С. 121–128.
127. *Максимов С.А.* Семантические параллели в контактной зоне коми-зырянского и удмуртского языков // Пермистика 5: Сб. ст. Ижевск, 2002. С. 164–170.

128. *Максютова Н.Х.* Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания / Ин-т языкозн. Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Совмине Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. 4. С. 149–153.
129. *Матусевич М.И.* Современный русский язык: Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
130. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб., 1791. 101 с.
131. *Михайлова Е.В.* Новые французские заимствования в современном русском языке // Материалы XXVI межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 57–61.
132. *Михайлова Е.В.* Французские заимствования в современном русском языке: словообразовательный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 16 с.
133. *Мосин М.В.* Мордовско-эстонские лексические отношения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 18 с.
134. *Муравьев В.Л.* Faux amis, или "ложные друзья" переводчика / Сост. В.Л. Муравьев. М.: Просвещение, 1969. 48 с.
135. *Насибуллин Р.Ш.* Заимствование из контактирующих языков как источник обогащения синонимических рядов удмуртского языка // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР: (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья). Казань, 1982. С. 55–66.
136. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртских публикациях Б. Мункачи // Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 53–66.

137. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябрьский период) // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. Т. 1: Языкознание. Устинов, 1987. С. 159–161.
138. *Насибуллин Р.Ш.* Некоторые статистические данные о русских лексических заимствованиях в удмуртском языке дооктябрьского периода // Культура (язык, верования) финно-угорских народов: проблемы и перспективы изучения: Тез. докл. междунар. науч. конф. Йошкар-Ола, 1992а. С. 40–41.
139. *Насибуллин Р.Ш.* Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем кыл. 1992б. № 2. С. 81–92.
140. *Насибуллин Р.Ш.* Динамика русских заимствований в удмуртском языке дооктябрьского периода // Вестн. Удм. ун-та. 1995а. № 5. С. 38–44.
141. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке досоветского периода // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1995б. Pars 2. С. 146.
142. *Насибуллин Р.Ш.* Об обратном словаре удмуртского языка // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. Ижевск, 1997. С. 126–135.
143. *Насибуллин Р.Ш.* Категориальные и морфологические отношения заимствованных слов из русского языка // Вордскем кыл. 1998. № 5. С. 36–43.
144. *Насибуллин Р.Ш.* Периодизация дооктябрьских русских лексических заимствований в удмуртском языке // В.К. Кельмаков. Факультет удмуртской филологии как организатор научных совещаний по языкознанию: Материалы к спецкурсам. Ижевск, 1998а. С. 46.

145. *Насибуллин Р.Ш.* Структура слов, заимствованных из русского языка в дооктябрьский период // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: Материалы третьей науч. конф. Ижевск, 1998б. С. 225–226.
146. *Насибуллин Р.Ш.* Типы языковых заимствований в удмуртском языке // Вордскем кыл. 1998в. № 1. С. 40–47.
147. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябрьский период): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 1999. 46 с.
148. *Насибуллин Р.Ш.* Классификация диалектов по степени иноязычного влияния на них // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 2000a. Pars 2. С. 191.
149. *Насибуллин Р.Ш.* Удмуртские диалекты – идеальный объект для лингвогеографических исследований // Studia ad Geographiam Linguarum Pertinentia. Tallinn, 2000б. С. 70–86.
150. *Осипов Б.И.* К вопросу о фонематической структуре заимствованной лексики в удмуртском языке и его говорах // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. Ижевск, 1992. С. 62–69.
151. *Осипов Б.И.* К сопоставительному изучению русской и удмуртской фразеологии // Вестн. Удм. ун-та. Ижевск, 1994. № 7. С. 34–37.
152. *Осипов Б.И.* К вопросу о фонетическом освоении заимствованной лексики в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1999. С. 215–226.
153. *Панченко С.* Семантическое освоение финно-угорских заимствований в русских говорах Урала и Сибири // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, 2000. Pars 2. С. 209–210.

154. *Пачаи И.* Общие признаки парных слов в удмуртском и венгерском языках // Пермистика 5: Сб. ст. Ижевск, 2002. С. 191–201.
155. *ПервУч.* – Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1892 [1898, 1905, 1912]. 121 с.
156. *Перевоицков П.Н.* Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 33 с.
157. *Поздеев В.В.* Критерии аналитических форм удмуртского глагола // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. Ижевск, 1990. С. 18–27.
158. *Поздеева И.П.* Особенности фонетической интерференции в русской речи удмуртов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 45–54.
159. *Поздеева И.П.* Проявление общего и специфического в формировании удмуртско-русского двуязычия // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. Ижевск, 1990. С. 115–118.
160. *Полевой П.Н.* История русской словесности: В 3 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1900.
161. *Поляков О.Е.* Русский язык в жизни мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 69 с.
162. Постановление Президиума Государственного совета и Правительства Удмуртской Республики о Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку (от 30 октября 1995 г. № 103/316) // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 57–59.
163. *Прокуровская Н.А.* Элементы удмуртского языка в русской разговорной речи // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. Ч. 1: Языкознание. Устинов, 1987. С. 173–175.

164. Прокуровская Н.А. К вопросу о влиянии удмуртского языка на разговорную речь русских // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. Ижевск, 1990. С. 111–114.
165. Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка: (На языковом материале г. Ижевска): Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996б. 225 с.
166. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм: (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2001. 40 с.
167. Пылакина О.А. Слова французского происхождения в памятниках русской письменности (конец XVII – начало XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 15 с.
168. Развитие терминологии на языках союзных республик СССР / Под ред. К.М. Мусаева. М.: Наука, 1986. 267 с.
169. Рапанович А.Н. Фонетика французского языка. М.: Высш. шк., 1969. 284 с.
170. Ретина Т.А. Сравнительная типология романских языков: (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 280 с.
171. Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку при Председателе Госсовета УР. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. 118 с.
172. Сааринен С. Тюрко-татарские заимствования в марийском и удмуртском языках // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1999. С. 250–252.
173. Савельева Л.В. Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 25–44.

174. *Сергиевский М.В.* История французского языка. 2-е изд., испр. М.: Изд-во иностр. лит., 1947. 273 с.
175. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.
176. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка [1889] / Подгот. А.А. Алексеев. Л.: Наука, 1980. 195 с.
177. *Соколов С.В.* Роль иноязычных элементов в развитии удмуртской биологической лексики // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов. Ужгород, 1977. С. 67–68.
178. *Сородичи по языку* / Гл. ред. Д. Нановски. Будапешт: Фонд им. Л. Телеки, 2000. 601 с.
179. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 564 с.
180. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке: XI–XVIII вв. Л.: Наука, 1970. 383 с.
181. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975а. 311 с.
182. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1975б. 271 с.
183. *Тараканов И.В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие / УдГУ. Ижевск, 1981. 105 с.
184. *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982а. 188 с.
185. *Тараканов И.В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами: По данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов / УдНИИ. Ижевск, 1982б. С. 145–173.

186. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Устинов, 1985. 44 с.
187. *Тараканов И.В.* Мункачи и удмуртская историческая лексикология // Венгерские ученые и пермская филология: Сб. ст. Устинов, 1987. С. 49–52.
188. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.
189. *Тараканов И.В.* Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень №1. Ижевск, 1998. С. 108–117.
190. *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965. Вып. 1. 324 с.
191. *Тепляшина Т.И.* Удмуртский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 261–280.
192. *Тепляшина Т.И.* Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 2: Acta linguistica. Tallinn, 1975. С. 562–567.
193. *Тепляшина Т.И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: (марийский, пермские и угорские языки). М.: Наука, 1976. С. 97–228.
194. *Тренина Г.А.* Проблема перевода семантических категорий удмуртского глагола на английский язык // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1999. С. 301–304.
195. *Туркин А.И.* Адаптация коми топонимов русским языком // СФУ. 1988. № 4. С. 283–291.
196. *Успенский Л.В.* Слово о словах: (очерки о языке). 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1960. 389 с.

197. *Ушаков Г.А.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 143 с.
198. *Ушаков Г.А.* Образование синонимов на базе удмуртского билингвизма // Вестн. Удм. ун-та. Ижевск, 1993. № 6. С. 6–9.
199. *Ушаков Г.А.* Удмуртское языкознание и развитие менталитета удмуртского народа // Роль удмуртской интеллигенции в дальнейшем развитии наций: Материалы науч.-практ. конф. (18 дек. 1998 г.) Ижевск, 1999. С. 78–87.
200. *Ушаков Г.А.* Возрождение историзмов и архаизмов как один из источников развития удмуртского языка // Пермистика 5. Ижевск, 2002. С. 222–226.
201. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968. Ч. 2. 214 с.
202. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. 336 с.
203. *Фотеев Г.В.* К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 68–91.
204. *Хайруллин М.Б.* Некоторые вопросы единства интернационального и национального в разных языках. Казань, 1991. 70 с.
205. *Христолюбова Л.С.* Калык сямъёсты чакласа: Дышетӥсьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.
206. *Чуч III.* Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. тр. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1992. С. 48–62.

207. *Шахрай О.Б.* К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в разных языках // ИЯШ. 1955. № 1. С. 24–34.
208. *Шигаревская Н.А.* История французского языка. Л.: Просвещение, 1973. 286 с. (на франц. яз.).
209. *Широбокова Н.Ф.* Отношение студентов к национальной культуре и некоторые вопросы их национального самосознания: (по материалам вузов Удмуртии) // Вестн. Удм. ун-та, 1999. № 4. С. 39–42.
210. *Шкляев Г.К.* Характер межэтнических контактов в сельских поселениях различного типа // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: Сб. ст. Ижевск, 1983. С. 43–63.
211. *Шкляев Г.К.* Межэтнические отношения в Удмуртии: Опыт историко-психологического анализа / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1998. 209 с.
212. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 311 с.
213. *Щетинкин В.Е.* История французского языка. М.: Высш. шк., 1984. 188 с.
214. *Beke Ö.* Einflüsse in die Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // KSz. 1913–1915. XV. S. 1–77.
215. *Bereczki G.* Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum. Helsingiae habitus. 23–28. VIII. 1965. Pars 1: Acta linguistica. Helsinki, 1968. S. 70–76.
216. *Bereczki G.* Permi-cseremisiz lexikális kölesönzések // NyK. Budapest, 1977(79). 57–77 old.
217. *Csúcs S.* A votják nyelv orosz jövevényszavai. I // NyK. Budapest, 1970. № 2. 323–362 old; II // NyK. 1972. № 1. 27–47 old.
218. *Csúcs S.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiado, 1990. 306 S.
219. *Dornseif F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin; Leipzig, 1934.

220. *Guiraud P.* L'étymologie. 2e éd. P.: Presses univ. de France, 1979. 125 p.
221. *Hallig R., Wartburg W. von.* Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie: Versuch eines Ordnungsschemas = Système raisonné des concepts pour servir de base à la lexicographie: Essai d'un schéma de classement. 2-e éd. Berlin: Akademie-Verlag, 1963. 315 S.
222. *Le Bescherelle 2.* L'art de l'orthographe. P.: Hatier, 1980. 190 p.
223. *Moreau J.-L.* Le "jeune finno-ougrien du XXI-ième siècle": mythe ou réalité? = Мороз Ж.-Л. "Молодой финно-угр XXI века": Миф или реальность? / Пер. В.А. Козуевой: Матералы к междунар. науч.-практ. конф. "Молодежь и финно-угорский мир". Ижевск, 1994. 27 с.
224. *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken: Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi / Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.
225. *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 old.
226. *Munkácsi B.* Votják nyelvtanulmányok // NyK. Budapest, 1884. № 18. 35–155, 428–447 old.
227. *Paasonen H.* Votják-török szögyeztetések // NyK. Budapest, 1908. № 32. 257–270 old.
228. *Rédei K., Róna-Tas A.* A permi nyelvek őspéri kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. Budapest, 1972 (74). 281–298 old.
229. *Rédei K., Róna-Tas A.* A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. Budapest, 1975(77). 31–44 old.
230. *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // MSFOu, XXI, Helsingfors, 1903. XXVII + 171 S.
231. *Wiedemann F.J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Совмине Удм. АССР. Ижевск, 1988. 240 с.
2. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1981–1987.
3. Вахрушев В.М. Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов: Ок. 3200 синонимических рядов. Ижевск: Удмуртия, 1995. 280 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. СПб.; М., 1880–1882.
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
6. Кефин Ф. Словарь наиболее распространенных иностранных и редко встречающихся русских слов. Ижевск: Тодон, 1997. 355 с.
7. Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / РАН Ин-т рус. яз.; Ин-т лингвист. исслед. Отв. ред., сост. В.М. Панькин. М.: Язь, 1994. 310 с.
8. Краткий русско-удмуртский биологический словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 179 с.
9. Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь: Ок. 3000, 3500 слов / Р.Ш. Насибуллин, С.А. Максимов. Под ред. Л.И. Калининой. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. 368 с.
10. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с.

11. Левашов Е.А. Словарь прилагательных от географических названий: Ок. 13000 прилагательных. М.: Рус. яз., 1986. 550 с.
12. Левицкий В.В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. Черновцы, 1994. 312 с.
13. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков: В 4 т. Черновцы: Рута, 2000–2001.
14. Майзель Б.Н., Скворцова Н.А. Русско-итальянский словарь. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1977. 1032 с.
15. Михельсон А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / Сост. по словарям Гейзе, Рейфа и др. М., 1873. 560 с.
16. Мухина Л.М., Топорова И.Н., Хабиров В.П. Русско-лингала-французский словарь: Ок. 12000 слов / Ин-т языкознания РАН; Ин-т рус. яз. РАН. Отв. ред. И.Н. Топорова. М., 1998. 384 с.
17. Настольный словарь для справок со всеми отраслями знания: справочный энциклопедический лексикон: В 3 т. / Под ред. Ф. Толля. СПб., 1863–1864.
18. Ниemi Я., Мосин М. Эрзянь-финнэнь валкс: 12000 валт = Эрзянско-финский словарь: 12000 слов. Саранск: Морд. книжн. изд-во, 1996. 208 с.
19. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 2000.
20. Обратный словарь удмуртского языка / Под ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 243 с.
21. Потапкин С.Г., Имяреков А.К. Русско-мокшанский словарь: Ок. 40000 слов. М.: ГИС, 1951. 688 с.
22. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: ГИС, 1959 [1910–1914].
23. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

24. Русско-английский словарь / Под ред. О.С. Ахмановой. 9-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 766 с.
25. Русско-венгерский словарь: Ок. 25000 слов / Сост. Э.С. Хаас. Под ред. К.Е. Майтинской. 2-е изд., перераб. М.: ГИС, 1951.
26. Русско-испанский словарь: 57000 слов / Сост. Х. Ногейра и Г.Я. Гиуровер. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 975 с.
27. Русско-немецкий словарь / Сост. О.Н. Никонова. 5-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 1039 с.
28. Русско-румынский словарь: Ок. 30000 слов / Под ред. М.В. Сергиевского и К.А. Марцишевской. 2-е изд. М.: ГИЗ, 1942.
29. Русско-татарский словарь: В 4 т. / Ред. Н.К. Дмитриев, Р.С. Газизов и др. Казань: Таткнигоиздат, 1955–1959.
30. Русско-удмуртский словарь / Под ред. А.С. Бутолина. М.: ГИС, 1942. 1360 с.
31. РУСл. – Русско-удмуртский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М.: ГИС, 1956. 1360 с.
32. Русско-французский словарь: 50000 слов / Сост. акад. Л.В. Щерба и проф. М.И. Матусевич. Под общей ред. Л.В. Щербы. 9-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 840 с.
33. Русско-эзьянский словарь политических и экономических терминов / Науч.-исслед. ин-т при Совмине Морд. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1954. 76 с.
34. Русско-эзьянский словарь: Ок. 25000 / Под ред. М.Н. Коляденкова и Н.Ф. Цыганова. М.: ГИЗ, 1948. 413 с.
35. Русско-эстонский словарь: Ок. 35000 слов. 3-е изд., перераб. и доп. Таллин: Эстонск. гос. изд-во, 1963.
36. Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 1998. 748 с.

37. Скворцова Н.А., Майзель Б.Н. Итальянско-русский словарь. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1977. 939 с.
38. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина. 7-е изд., перераб. М.: Рус. яз., 1979. 624 с.
39. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1-24. М.: Наука, 1975–1999.
40. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-7. Л.: Наука, 1984–1992.
41. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. 20-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.
42. Словарь старофранцузского языка: К книге для чтения по истории французского языка В. Шишмарева / Под ред. В.Ф. Шишмарева. М.; Л.: АН СССР, 1955. 274 с.
43. Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: ГИС, 1956–1961.
44. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова и др. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
45. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993. 740 с.
46. Толль Ф. Дополнение к настольному словарю / Под ред. В.П. Воленса. СПб., 1875. 400 с.
47. Толль Ф. Необходимое дополнительное приложение к настольному словарю / Под ред. Ф. Толля. СПб., 1866. 569 с.
48. УРСл. – Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 590 с.
49. Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Азбука, 1996.
50. Феоктистов А.П. Русско-мордовский словарь: Из истории отечественной лексикографии. М.: Наука, 1971. 371с.
51. Финско-русский словарь: 82000 слов / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков. Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. 2-е изд., стереот. М.: Рус. яз., 1977. 815 с.

52. Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. М.: Рус. яз., 1991. 1056 с.
53. Французско-русский словарь / Сост. К.А. Ганшина. 6-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 911 с.
54. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
55. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
56. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Просвещение, 1971. 541 с.
57. Энциклопедический словарь / Под ред. А.Е. Андреевского: В 82 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890.
58. Энциклопедический словарь: Дополнительный том: В 4 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905–1907.
59. Bloch O., Wartbourg won W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P.: Presses univ. de France, 1975. 682 p.
60. Daum E., Schenk W. Wörterbuch Deutsch-Russisch. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1974. 718 S.
61. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 5-ième éd. P.: Larousse, 1981. 805 p.
62. Dicționar român-rus / Prof. dr. G. Bologan, T. Medvedev, T. Voronțova. București: Ed. științifică și enciclopedică; Moscova: Limba rusă, 1980. 1592 p.
63. Dictionnaire français-italien. Dizionario italiano-francese / Par G. Padovani et R. Silvestri. P.: Larousse, 1965. 768 p.
64. English dictionary. Scotland: Geddes & Grosset, 1996. 702 p.

65. Galdi L. Orosz-magyar kézisztár = Гальди Л. Русско-венгерский словарь. Budapest: Akadémiai Kiado, 1989 [1974]. 1116 c.
66. Galey B.C. L'étymo-jolie: Origines surprenantes des mots de tous les jours. P.: Tallandier, 1991. 231 p.
67. Germa P. Du nom propre au nom commun, dictionnaire des éponymes. P.: Bonneton, 1993. 256 p.
68. Greimas A.-J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIV-e siècle. P.: Larousse, 1984. 676 p.
69. Henry G. Dictionnaire des mots qui ont une histoire. P.: Tallandier, 1989. 261 p.
70. Höfler M. Dictionnaire des anglicismes. P.: Larousse, 1982. 308 p.
71. Julien N. Le dictionnaire des symboles. Alleur (Belgique): Marabout, 1989. 447 p.
72. Lallemant. Dictionnaire universel, françois-latin. 14-ième éd. / Cor. et augm. par J.E.J.F. Boinvilliers. P.: L'imprimerie d'Auguste Delalain, 1822. 1410 p.
73. Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P.: Le Robert, 1981. 2171 p.
74. Littré E. Dictionnaire de la langue française. P.: Éd. univ., 1963. 1372 p.
75. Longman. Language activator: The world's first production dictionary. England: Longman, 1993. 1587 p.
76. Magyar-orosz szótár = Венгерско-русский словарь / Сост. М. Кахана. Под ред. К.Е. Майтинской. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 856 c.
77. Matoré G. Dictionnaire du vocabulaire essentiel: les 5000 mots fondamentaux. P.: Larousse, 1963, 359 p.
78. Noveanu E.P. Dicționar rus-român. București: Ed. științifică și enciclopedică, 1981. 527 p.
79. Petit Larousse illustré: dictionnaire encyclopédique pour tous. P.: Larousse, 1985. 1799 p.
80. Saraș M. Dicționar francez-român. București: Ed. științifică, 1973. 414 p.

81. Schmidt J. Dictionnaire de la mythologie grecque et romaine. P.: Larousse, 1982. 319 p.
82. Tamm J. Eesti-vene sõnaraamat = Эстонско-русский словарь. Tartu: Teaduslik kirjandus, 1949. 653 c.
83. The Oxford russian dictionary: Russian-English / Ed. by M. Wheeler and B. Unbegaun. English-Russian / Ed. by P. Falla. Revised Ed. Oxford-New York: Oxford univer. press, 1997. 1340 p.
84. Udmurt-Englisch-Finnish dictionary with a basic grammar of udmurt / chief editor P. Suihkonen, co-editors B. Zagulyayeva and G. Tronina. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1995. 326 p.
85. Venäjä suomi suur sanakirja: Большой русско-финский словарь / Ред. M. Kuusinen, V. Ollikainen. Porvoo-Helsinki-Zuva: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1990, 1000 c.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Раздел I. КОНТАКТЫ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ	9
1.1. Ориентация России на Францию как исторически обусловленный процесс.....	9
1.2. Закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения французской лексики русским языком	15
1.2.1. Фонетическая адаптация французских слов в русском языке	15
1.2.2. Грамматическая и словообразовательная адаптация французских слов в русском языке.....	22
1.2.3. Семантическая адаптация французских слов в русском языке	33
1.3. Динамика фиксации французских слов в русском языке.....	47
Раздел II. КОНТАКТЫ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ	51
2.1. Историческая основа взаимодействия удмуртского и русского народов и их языков	51
2.2. Тематические группы в составе русской лексики французского происхождения в удмуртском языке.....	67
2.2.1. Основной словарный фонд удмуртского языка в его отношении к опосредованным заимствованиям	67
2.2.2. Распределение опосредованных заимствований в удмуртском языке по тематическим группам.....	72
2.3. Закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения русской лексики французского происхождения удмуртским языком.....	87
2.3.1. Фонетическая адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке	87

2.3.2. Грамматическая и словообразовательная адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке	95
2.3.3. Семантическая адаптация русской лексики французского происхождения в удмуртском языке	108
2.4. Динамика фиксации русской лексики французского происхождения в удмуртском языке	119
Раздел III. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕКСИКА, ЗАЙМСТВОВАННАЯ УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ ЧЕРЕЗ РУССКИЙ, В ЕЁ ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ.....	132
3.1. Неоднородность этимологических источников изучаемого французского пласта лексики	132
3.2. Отношение изучаемого пласта заимствованной удмуртским языком лексики к понятию ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	194

Тамара Ивановна Зеленина

**ОПОСРЕДОВАННЫЕ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ
Французский пласт**

Редактор Н.М. Платоненко.
Технический редактор В.И. Бацкало.
Оригинал-макет А.О. Талашев.

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Подписано в печать 17.01.2002.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,8. Уч. изд. л. 10,24.

Тираж 300 экз. Заказ №

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д.11.

Типография Удмуртского государственного университета.
426034, Ижевск, Университетская, 1.